

Премия Агаты Кристи

УБИЙСТВЕННАЯ ЛЫЖНЯ

Йорг МАУРЕР

В разгар зимнего сезона известный альпийский курорт внезапно превратился в арену опасных, пугающих событий.

Начало положено загадочной смертью датского горнолыжника во время прыжка с трамплина.

Несчастный случай? Но почему один из свидетелей упорно твердит, что слышал выстрел? Ведь погибший явно не был застрелен...

Городок лихорадочно обсуждает случившееся, а гаупткомиссар уголовной полиции Еннервайн начинает расследование. Его бригаде необходимо разорвать цепь таинственных происшествий, неразрывно связанных с анонимными сообщениями.

Йорг Маурер

Убийственная лыжня

Уважаемый господин комиссар!

Во-первых, хочу пожелать всего хорошего, здоровья и успехов в Новом году! Вы будете удивлены, услышав обо мне и получив это признательное письмо, которое, собственно, и не заслуживает такого эпитета, потому что пока еще не в чем признаваться. Да, вы правильно прочли: Преступление еще вовсе не совершено, я как раз занимаюсь его подготовкой. Это значит: я обдумываю, какой закон мне нарушить. Может быть, это будет «преступление против физической неприкосновенности»? «Нарушение общественной безопасности и порядка»? Что-нибудь террористическое? Кое-что мне было бы заманчиво, и у меня уже есть идея — но пусть это будет для вас сюрпризом, господин комиссар! О, извините: я знаю вас — а вы же, напротив, меня не знаете, поэтому позвольте мне сначала коротко рассказать о себе. Мне тридцать шесть лет, пол мужской, худощавый, среднего роста, волосы темно-русые, усы, знак зодиака — Весы, мои увлечения — верховая езда и шахматы, — конечно, не обязательно, что это все так и есть. Но может быть, кое-что и верно.

Я подготовился: в другом городе уже давно купил пачку бумаги для пишущей машинки, из нее я использовал только один лист. На блошином рынке приобрел пишущую машинку, может быть за границей, а может, и нет. Во время печатания надевал перчатки, даже защитную маску и сетку для волос. Много черновиков, которые я написал, сжег. Много черновиков потому, что я действительно очень долго отшлифовывал письмо. Пусть эксперт в области лингвистики, который позже будет исследовать мой стиль, обломает себе зубы. Он получит большое удовольствие. Я сам долгое время работал в полиции — и это тоже может быть неправдой. Но это самое замечательное в таком признательном письме — все может быть правдой, но не обязательно. На сегодня хватит, господин комиссар, в конце концов, у меня есть и гражданская профессия. Вы наверняка вскоре обо мне услышите, и тогда я непременно продвинусь немного вперед.

С наилучшими пожеланиями — ваш (будущий) преступник.

Оператор на Большом олимпийском трамплине для прыжков даже не знал, в какую сторону ему лучше разворачиваться: небо в этот новогодний день было голубым, как глаза младенца, оно распростерлось над Верденфельской долиной, привлекательно сверкая, каждая из покрытых снегом гор страстно стремилась привлечь внимание двадцати шести тысяч любителей спорта, приехавших сюда, чтобы посмотреть новогодние соревнования по прыжкам на лыжах. Внизу в долине курорт разрезала река, давшая ей название, — она только что с грохотом перекатилась через находящуюся поблизости австрийскую границу, а теперь Лойзах неторопливо текла по пустому городку, так как все отправились на трамплин для прыжков: посмотреть на орлов, полюбоваться на крутые виражи, пожелать удачи Германии. И даже если бы в центр городка бросили бомбу, никто бы и не услышал.

Наконец оператор повернулся и навел камеру на покрытую густым лесом гору Гудиберг, на ее склоне стояли два трамплина для прыжков, будто забытая пара туфель на шпильках, из которых только что выскользнула великанша с большими ногами разных размеров. По сравнению с альпийским стандартом Гудиберг, конечно, была просто холмиком для прогулок с таксой, а вот располагавшаяся напротив гора, к которой устремлялись все прыгуны, была уже больше похожа на скалу: Крамершпитце вывинчивалась из снежного покрова — почти двухтысячник, стоящий отдельно, о нем сказали бы — Килиманджаро Верденфельской долины. Крест на вершине горы сверкал сегодня особенно дерзко, все это древнейшее чудовище выглядело, если добавить немного фантазии, как спящий носорог, будить которого не рекомендуется.

Зимнее солнце искрилось, не было даже легкого дуновения на вершине трамплина. Антициклон «Шарлотта» очень тщательно сдул все с неба, и фён довел дело до конца, чтобы яснее можно было увидеть разбросанные скалистые красоты. Оператор очень долго держал камеру на самой заметной драгоценности горной цепи Веттерштайн — на выдающемся треугольнике горы Альпшпитце, несколько напоминающей спинной плавник акулы, это как раз неизменный фирменный знак всего региона. Хотя высящийся треугольник для истинного любителя горного спорта опять же годился только для прогулки с таксой, но с точки зрения дизайна: пальчики оближешь. И наконец, оператор навел камеру на Малый Ваксенштайн, усеченный конус, возвышавшийся своеобразно и строптиво, будто из-за кулисы. Он был таким же недоступным, как и непальские восьмитысячники — только смотреть, но не подниматься на него! Тем не менее некоторые спортсмены каждый год вновь и вновь пытались это сделать, но их отбрасывало обратно в прекрасную долину Лойзах.

Горнолыжник из датской национальной сборной, поднимавшийся в данный момент по подвесной канатной дороге на Большой олимпийский трамплин, даже не смотрел на все эти трехзвездочные достопримечательности вокруг. Он вышел и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, как будто бы воздух здесь наверху стал уже значительно легче.

Диктор стадиона объявил финальный прыжок, и ликование охрипшей с похмелья толпы внизу было огромным. Как раз перед этим все пили шампанское, вылавливали затерявшиеся кусочки говяжьего филе в кастрюле для фондю, принимали хорошие решения, а теперь стояли снаружи в секторах от А до Д и мерзли. Оге Сёренсен был сегодня единственным

датским прыгуном. В квалификации он завоевал одно из мест для «счастливых неудачников», и был более чем доволен, что ему удалось втиснуться в достойное поле, где обычно тусовались только четыре или пять священных национальных команд горнолыжников — например, хорошо подготовленные норвежцы или бесстыдно мотивированные финны. Сёренсен не тешил себя надеждой попасть на одно из призовых мест, понимая, что квалификация для финала была лучшим, чего он мог добиться, поэтому, может быть, он встал в таком хорошем настроении на весы. На спине сотрудника психологической службы он корявым почерком подтвердил, что добровольно, при ясном уме и без вмешательства третьих лиц собирается спрыгнуть с вышки. На него не давил результат, как на этих чрезвычайно нервных претендентов на победу, которые прыгали вслед за ним. Оге дошел до этого этапа, и при мысли об этом у него на лице под защитными очками появилась широкая датская ухмылка. Когда камера остановилась на нем, он показал знак победы, наклонился вперед и передал привет своей маме в городке Скаген в северной Ютландии.

Местные добровольцы старались изо всех сил. На небольшом столике в подсобном помещении ожидали безалкогольные прохладительные напитки всех размеров и цветов, кроме того были бутербродики, местный темный хлеб со взбитым вручную крестьянским сливочным маслом и сыром из предгорья Альп, с любовью намазанным сестрой жены племянника местного лыжного клуба. Как было бы легко, подумал Оге, положить на один из этих бутербродиков немножечко чего-нибудь остренького, например щепотку эритропротеина, полную пипетку тестостерона или одну гранулу AN 1 (анастрозола), чтобы таким образом вывести следующих конкурентов хоть на короткое время в крупные заголовки газет. Но ничего подобного, похоже, никто никогда не делал по крайней мере в прыжках на лыжах с трамплина. В этой дисциплине это ничего не даст, так неустанно заверяли ответственные лица.

We are red, we are white, we are Danysh dynamite! — слышалось Оге Сёренсену снизу. Неужели половина Дании была здесь? Он вошел в наклонный подъемник и проехал оставшиеся шестьдесят метров выше к верхней части трамплина. Там он сразу же попал в поле зрения международных камер. Одна линза с дистанционным управлением особенно нагло приближалась к нему, и тут Оге решил немного пошутить: погладил себя по животу и произнес губами слова *Rødgrød med fløde!* в камеру. Это было его любимым лакомством. Чтобы мама в Скагене слышала.

Если ему удастся более-менее прилично скатиться вниз, то, может быть, даже королева Маргарита лично подаст ему руку. Последним датчанином, которому удалось кое-чего добиться в прыжках с трамплина, был Олаф Рюе в 1803 году, и это случилось почти двести лет тому назад. Не то чтобы лично Оге что-нибудь перепало от общения с датской принцессой, но мама наверняка обрадовалась бы. Ему дали знак отправляться на старт. На бруске для отталкивания была приклеена — очень мило! — телеграмма лыжного клуба Скагена: «Удачи точка ты их всех сделаешь точка». Оге съехал на середину балки и оттолкнулся. Он быстро набрал скорость и скользил под углом 35 градусов вниз. Учащенный пульс, повышенное давление, адреналин и другие проявления, повышение содержания сахара в крови, все остальное, чтобы прийти в хорошее настроение. Ходили слухи, что у финна Лефа Раутаваара в ухо был вставлен iPod, когда он съезжал в долину. Несколько национальных команд уже выражали протест, это ведь тоже был своего рода допинг. В

прессе шли рассуждения о том, что же Раутаваара слушал в течение нескольких секунд. Пятая симфония Бетховена (та-тата-ТААА!!) подошла бы по продолжительности, «Полет шмеля» Римского-Корсакова (брзлдидль-бр-злбдидль-брзль...) лучше всего отображал одержимую энергию прыгуна, а «Альпийская симфония» Рихарда Штрауса (ВРОММ!! БЛОММ!!! ФЛОММШ) подходила как нельзя лучше к прелестному пышному предгорью Альп. Однако некоторые предполагали, что Раутаваара летел вниз в долину под сопровождение подходящей на все случаи жизни песни Пауля Симона (*Slip slidin' away...*).

Оге Сёренсен отбросил все отвлекающие игры воображения. Он сконцентрировался, сфокусировался на отрыве от трамплина. Концентрация на главное, *туннельное мышление*. Сразу же нужно было вызвать в памяти тысячу раз тренированный спуск, который за десятки доли секунды доставлял до стола отрыва, а это при прыжке с трамплина имеет самое большое значение. Взгляд Оге сузился. Очень далеко впереди он еще слышал свое имя, а потом обычное нарастающее «Ах» и «Ох» толпы. Двадцать шесть тысяч зрителей вытянули головы вверх. И даже скандинавская богиня асов Скади (компетенции: охота, горы, зима) сидела у него на плечах и уже распростерла бережно крылья, чтобы окрылить его на пути в бездну.

Отрыв от трамплина был великолепным, как по учебнику, и датский Икар взлетел высоко в небо. Его позу, естественно, нельзя было сравнить с отточенными фигурными полетами Хаппонена, Канкконена или Ахонена, но, окрыленный богиней Скади, он держался в воздухе исключительно достойно. Двадцать шесть тысяч голов следили за серпантинном, спрессованной параболой $y^2=2rx$, ипсилон — в квадрате — равняется — $2\,r\cdot x$ — Шленцер. Но сейчас, на самой высшей точке конического сечения, на той точке, выше которой уже нет, датчанин начал петлять, переходить в штопор, ложился на бок, как байдарочник в новом потоке воды, это не было хорошей техникой полета, это вообще уже не было никакой техникой, нет, это было падение с высоты. Оге слегка подтянул одну ногу и повернулся боком вокруг своей оси; летя спиной вперед, он пытался собраться, пытался воспротивиться этому неминуемому падению в бездну, но вновь стал грести и барахтаться, и из испуганного рокота толпы уже прорывались отдельные язвительные выкрики.

Кое-кто в секторах от А до Д там внизу еще надеялся, что он еще справится с собой, единственный член национальной сборной Дании, к которому хотя бы уже поэтому проявляли немного симпатии. Кое-кто думал, что это, возможно, просто шутка, небольшой вставной номер, скандинавский розыгрыш. Но это была не шутка. Это было падение. И теперь рокот и крики переросли в пронзительный визг. Диктор стадиона, обычно всегда готовый ко всяким неожиданностям, заорал в микрофон:

— Господи, только не это!

А потом и он замолк. Датчанин слетел стремительно на наклонную полосу приземления, и, прежде чем он ударился о нее, многие отвернулись. Казалось, что хруст костей было слышно до самых дальних частей стадиона.

Среди тех, кто не отвернулся, а совершенно сознательно смотрел, присутствовали только что вышедший на пенсию старший лесничий Вилли Ангерер, член совета общины Тони Харригль, спортивный психолог и специалист в области исследования конфликтных ситуаций Манфред Пенк и, в заполненной до последнего места ВИП-ложе с прекрасным видом на происходящее, бизнесмен Калим аль-Хасид из Дубая.

Возможно, Калим из названных лиц был как раз тем, кто больше всех понимал что-то в прыжках на лыжах с трамплина в целом, и в шумихе вокруг прыжков с трамплина в особенности. Хотя он был чистокровным арабом, выросшим в сухих-пресухих пустынях арабских Эмиратов, жившим в центре Дубая, и позже во многих, не видевших снега, крупных городах мира, но он знал все об этом виде спорта. Прыжки на лыжах с трамплина завораживали, потому что они являлись для него символом настоящей роскоши. Огромные затраты, связанные с прыжками на лыжах, просто возбуждали Калима. Несколько избранных скатываются на самых дорогих спортивных снарядах мира в пропасть. А толпы приходят в восторг от этой дисциплины, которая якобы начиналась с того, что приходилось прыгать с куч смерзшегося навоза. Он слышал, что только в одной Норвегии имелось полторы тысячи трамплинов. В Дубае пока еще не было ни одного, но Калим аль-Хасид намеревался изменить эту ситуацию. Он планировал построить посреди сверкающего Сити трамплин, самый крупный в мире, первый в Объединенных Арабских Эмиратах. Он хотел бы установить его в районе Джумейра, вначале можно будет пролететь с него более чем на триста метров, а потом, может быть, и на четыреста или пятьсот метров, ведь все это лишь вопрос разгона. Прыгуны будут парить под бурные аплодисменты двухсот тысяч зрителей прямо в сторону моря и там приземляться на маленьком искусственном острове. Невозможная игра воображения? Галлюцинации после продолжительных скачек по пустыням без седла? Безумные фантазии под звуки дудочки из «Тысячи и одной ночи»?

Отнюдь нет. У Калим аль-Хасида разрешение на строительство уже было в кармане, и земля уже практически куплена, и строить его будет, конечно же, американская архитектурная фирма «Скидмор, Оуингс и Меррилл», а кто же еще. Сейчас ему оставалось только найти инвесторов, но их у него будет предостаточно. Калим аль-Хасид находился здесь, чтобы поговорить с президентом МОК Жаком Рогге об этом гигантском проекте прямо сейчас, после окончания прыжков, в тихой служебной комнатке ВИП-ложи, за кружкой светлого пива с тюрингскими сосисками, которые бельгиец так любил. Калим было уже хотел с ним заговорить, но для президента Рогге это могло бы оказаться неожиданным — он еще раз вышел наружу, чтобы добавить этих острых тюрингских колбасок. А соблазны были и без того: в кипящей поварами высшего класса ВИП-ложе изошрялись в приготовлении специальных деликатесов по рецептам Шубека, здесь были и деликатесы французского юга, такие как андуйеты, приготовленные из свиного желудка и требухи сосиски, и, что еще хуже, панированные и фламбированные мюнхенские белые колбаски. Ладно, когда Рогге, насытившись, вернется, Калим изложит ему свои планы. Зимние Олимпийские игры-2022 в Дубае! Звучало неплохо. Или хотя бы в 2026-м? Или, самое позднее, в 2030-м? Калим аль-Хасид надеялся, что благодаря Рогге эта воспаленная галлюцинация превратится в газетный заголовок, набранный крупным жирным шрифтом.

Но сейчас там снаружи что-то произошло, и Калим в ужасе выглядывал из окна ВИП-ложи с бронированным зеркальным стеклом. И утратив свое арабское хладнокровие, тоже громко закричал, когда датчанин на вершине взлета стал размахивать руками. Все в этой комнате, а это были очень важные фигуры и соответствующие их рангу телохранители, бросили мобильные телефоны, канапе с семгой и бокалы с коктейлем «Пиноклада» и поспешили к окну. Вряд ли кто-нибудь смотрел на датчанина до этого, когда он разогнался и прыгал, но когда упал, то собрались все, генеральные консулы и миллионеры, сделавшие деньги на квашеной капусте, местные князьки и вдовы производителей лыжных креплений. Все они прервали свои неотложные переговоры, так как пришли сюда большей частью не из спортивного интереса: пока Михаэль Урман вытягивался для прыжка, они заключали договоры, в то время как Мартин Шмидт принимал позу орла, они давали согласие на принятие обязательств, когда Грегор Шлиренцауер очень рискованно приземлился, они дорабатывали коммюнике и качали головами, может быть, статья ix.f.22f все же... Но сейчас по комнате прокатился вздох-крик, и все панически бросились к окну. Там каждый старался захватить по возможности лучшее для обзора место. За многими потянулись охранники, у кого сколько было, и соответственно давка стала еще больше.

Возбужденная толпа представителей высшего класса очень больно прижала Калим аль-Хасида к стеклу. Он смотрел наружу и увидел, как Жак Рогге с сосиской в руке с боем пробивается сквозь толпу людей. Калим обернулся, ища своего телохранителя Юсуфа. Неразговорчивый марокканец был профи, он стоял совсем близко от хозяина, на расстоянии всего нескольких метров, как и положено, и это успокаивало. Юсуф достал бинокль и посмотрел на трамплин. Сёренсен скользил там вниз по трассе для подскока, правая лыжа у него сразу отлетела и, кувыркаясь, неслась вниз, и бесхозная палка проделала путь до конца склона, дерзко опережая лыжника, и обе перелетели через ограждение прямо в толпу зрителей, которая с визгом расступилась, поглотив их и обратно не выплюнув. Калим выхватил у телохранителя бинокль и увеличил картину падения датчанина. Левая лыжа еще оставалась на ноге Оге, по какой-то причине крепление никак не хотело отстегиваться. Сёренсена крутило в воздухе, он падал, его снова и снова подбрасывало, наконец, он приземлился на твердый крутой склон. В толпе зрителей стали креститься. Уже почти никто не верил, что после такого можно остаться в живых. Датчанин лежал посередине зоны приземления, со всех сторон к нему уже бежали санитары. Калим насчитал восемь носилок, которые катили и несли по снегу, и вскоре гроздь из сил спасения закрыла видимость толпе зевак. Калим отдал Юсуфу бинокль; можно было предположить, что там внизу лежала лишь кучка датских костей.

Из ВИП-ложи вид был лучше, чем внизу у публики, которая заплатила за вход. Юсуф, марокканец, бывший сержант иностранного легиона, которому профессия телохранителя была написана на роду, навел бинокль поближе. Ему было видно, как у датчанина отстегнули левую лыжу, как шесть или восемь рук решительно подхватили его и мягко положили на носилки. Кстати, клиника была прямо здесь за углом, ее даже отсюда было видно, но какая сейчас польза от этого? Диктор стадиона продолжал тараторить, что о состоянии здоровья упавшего будут постоянно информировать, что уже звонил премьер-министр Дании, что Жак Рогге сейчас подойдет к микрофону и скажет несколько слов.

После того как машина «скорой помощи» уехала, Юсуф опустил бинокль и расслабился. Он осознавал, что там снаружи произошел несчастный случай, а здесь внутри для его нынешнего объекта никакой угрозы не было. Анализ ситуации положительный. Отбой. Степень боеготовности понизить. Ему платили за безопасность Калим аль-Хасида, а больше ни за что. Он отвернулся от окна и наблюдал за взволнованным сборищем примерно сотни ВИПов, находящихся здесь в помещении. Юсуф знал многих из них по другим делам, знал и их телохранителей и соответственно их способности. Относительно безопасности здесь в помещении он был совершенно спокоен, задействованы были только самые лучшие. Его взгляд переместился к двери. Там президент Рогге проталкивался внутрь зала, подняв тюрингский символ вверх как эстафетную палочку, а может быть, даже как олимпийский факел, во всяком случае, у Рогге это выглядело так. И хотя сейчас против него упиралась половина баварского кабинета министров, президент МОК благополучно прошел вперед и почувствовал твердую почву под ногами. Не исключено, дело было в том, что он когда-то играл в регби. А из комнаты ему уже махал Калим аль-Хасид.

Курортный городок, который хотел избавиться от неприятного привкуса зимних Олимпийских игр 1936 года, снова подал заявку на проведение Игр в 2018 году. Собственно, официальным претендентом был Мюнхен, но на это протискивание вперед главного города федеральной земли многие жители курорта вообще не обращали никакого внимания. Во всяком случае, речь шла об одном — о деньгах, точнее говоря, об очень больших деньгах. Поэтому здесь был премьер-министр Баварии, председатели правления некоторых из конкурирующих между собой пивоваренных заводов, производители сельхозмашин, автомобилей и мясной продукции, деятели культуры этой возвышенной местности, близкие к Альпам члены баварского ландтага, но были также и международные знаменитости, как, например, министр внутренних дел Гессена. Некоторые местные политики в обязательных национальных лоденовых костюмах, два высоких спортивных функционера, Франц Беккенбауэр (без телохранителя, ведь кто же осмелится обидеть короля!), звездный парикмахер неопределенного пола, две знаменитых поп-звезды и один богемный маклер по продаже земельных участков выбежали наружу, в вестибюль, а может быть даже, и на открытый воздух, где не было защиты, чтобы отправить смс, позвонить или вызвать шофера. Потом несколько человек снова вошли в помещение, так что в нем возникли встречные и непросматриваемые движения. Непросматриваемые движения — это такие случаи, от которых профессиональные телохранители приходят в ужас. Но Юсуф сохранял спокойствие, его взгляд стал жестким, он сканировал помещение. На некотором отдалении Жак Рогге и машущий ему Калим аль-Хасид протискивались друг к другу. Там позади стоял генеральный прокурор ФРГ (с тремя телохранителями), шефиня одного широко известного газетного издательства (два телохранителя) и, как уже было сказано, Беккенбауэр, без охраны, но с сигарой за двести евро в руке. И вдруг Юсуф увидел что-то очень странное.

За Калим аль-Хасидом протиснулся какой-то человек, мужчина в лыжной куртке с капюшоном с надписью «СК-Риссерзее», это то, что он смог разобрать сквозь протискивающиеся тела. Мужчина был скорее худощавый и изящный. Он теребил свою куртку, расстегнул молнию. На груди висела кобура для пистолета, пустая, как сразу заметил Юсуф. Но такого не может быть! Действительно, в руке этот мужчина держал огнестрельное оружие, но на расстоянии Юсуф не мог определить, что это было за изделие. Это мог быть маленький «глок-17» или пистолет фирмы «Хеклер и Кох», Юсуф не готов был держать

пари. Это также мог быть и пистолет «берета» 80-й серии, или даже пистолет «вальтер» со спуском двойного действия, все было возможно, но за какие-то мгновения разве разберешься. Оружие было направлено вниз, внезапно мужчина другой рукой схватил Калим аль-Хасида за плечо и сильно дернул его. Юсуф не мог бы сказать, заговорил он с ним или нет, так как лицо вооруженного обладателя лыжной куртки было закрыто от него толчеей и давкой в помещении. Но сейчас Юсуф отчетливо увидел, что мужчина поднял оружие и что ствол был направлен в спину Калима. Юсуф среагировал молниеносно. Он вытащил свой пистолет, специальной разработки, фирмы «Карлетто», с совершенно бесшумным корпусом, при стрельбе он издает действительно едва слышный хлопок, что-то вроде «сссрит!», и так как кричать здесь в шумной сутолоке, например, *«Бросьте оружие на пол!»* было бессмысленно, Юсуф выстрелил в мужчину в спортивной куртке.

Почему-то всегда думают, что журналисты день и ночь заняты только тем, чтобы гоняться за фактами. Но факты всегда одни и те же: несчастные случаи, проигрыши и поражения подкрепляются конкретными цифрами. Но журналисты хотят большего. Они хотят знать обстоятельства, подоплеку, причины и взаимосвязи. Так же обстояло дело и на этом курорте у собравшихся здесь спортивных репортеров со всего мира. Оге Сёренсен еще не совсем закончил свое падение, а первые уже начали искать в Google, что только можно: когда во время прыжков с трамплина был последний несчастный случай, когда первый, сколько несчастных случаев произошло уже на таком трамплине К-125 подобно этому, сколько во время новогодних прыжков. Сколько погибших, самый старый из погибших, самый молодой, первая погибшая неевропейская женщина и как вообще обстояло дело в прыжках на лыжах в плане безопасности по сравнению с такими видами спорта, как велогонки или айсшисен^[1]. Итак, они искали информацию в Интернете и расспрашивали по телефону, скрупулезно занося результаты в свои ноутбуки и сочиняли свои комментарии «это-как-раз-то-о чем-мы всегда-предупреждали».

И действительно, историю прыжков на лыжах с трамплина можно составить на статистике трагических падений. В 1808 году, когда в норвежской провинции Телемарк вошло в моду прыгать через занесенные снегом хижины пастухов на горном альпийском пастбище, мировой рекорд составлял 9,5(!) метров, установленный датчанином(!) Олафом Рюе. А первый погибший случился уже в 1811 году — канадец Жан-Батист Гарно погиб в Брисбее под Калгари при прыжке через насыпанный снежный холм. В 1830 году, когда еще прыгали с лыжными палками, норвежец Ингер Фальдбаккен вогнал одну из них себе в тело. Швейцарец Ромулус Винкли, построивший в 1841 году в валеиской деревушке Тэш первый швейцарский трамплин, погиб при его испытании. Француз Рене Дюпре в 1842 году сломал себе шею в Шамони, когда попытался не грести руками, как это тогда было принято, а разработать новый, обтекаемый стиль и прижать руки к туловищу. В 1902 году в центральном финском городе Ювяскюля во время прыжков с трамплина произошла массовая драка с двумя убитыми, а в следующем году обрушилось основание лыжного трамплина в городе Мюрццушлаг в Штирии (да, там тоже прыгают с трамплина) — в целом оплакивали четыре жертвы, после чего конструктор, тайный советник, старший инженер Флориан Плэтчгайгль, чувствовавший свою ответственность за их гибель, покончил жизнь самоубийством. В 1911 году (мировой рекорд составлял уже 41 метр) получил тяжелые повреждения при падении американец Грегори О'Коннан. Он еще принял участие в торжественном награждении победителей, дотасился до пьедестала почета, но после исполнения национального гимна замертво упал — поистине американская судьба. В 1946 году произошел странный несчастный случай в шведском Сисслебеке, когда прыгун удачно приземлился, но на выкате столкнулся с одним из зрителей, который торопился к своей семье на другой стороне трассы. Лыжник пережил столкновение, а отец семейства — нет.

Этим хорошо продуманным экспромтом Свен Оттингер, председатель Федерации лыжного спорта Верхней Баварии, стал широко известен, он имел обыкновение произносить его при каждом случае. Оттингер был единственным, кто был доступен после несчастного случая, так что он дал первое интервью по поводу случившегося. И на сей раз тоже не обошлось без острого словца, и чтобы несколько смягчить неловкость, изображение перевели на Большой олимпийский трамплин, грозно высившийся на заднем плане. Служивший обычно символом для иностранного туризма, сегодня он стал скорее лейтмотивом чего-то жуткого. Камера перемещалась во все стороны.

— Господин Оттингер, имеет ли вообще смысл допускать такие небольшие, неопытные лыжные страны, как Дания, с их недостаточно тренированными прыгунами, к публичным выступлениям?

— Это могло случиться и с опытным прыгуном, прыгуном из большой страны.

Телекомментатор не смог удержаться, чтобы не упомянуть, что Дании принадлежит только один-единственный лыжный трамплин, и тот находится в Гренландии. Камера перевела картинку на клинику и остановилась на входе. Но тут, что совершенно не соответствовало драматизму событий, вышел кашляющий пациент с ХОЗЛ (*хроническое обструктивное заболевание легких*) в последней стадии, чтобы покурить у двери. Конечно, это нужно было вырезать.

Датчанин лежал там в какой-то палате огромного комплекса. Наружу не поступало практически никакой информации, известно было только, что он еще жив. Администрация больницы не дала разрешения на съемки, не разрешалось и навещать Сёренсена, впустили только датского тренера Андерссона, при этом уже в предварительных сообщениях большинство газет обычно ставили слово «тренер» в кавычки. Затем в объектив попал местный авторитет. Это был член правления общины Тони Харригль, второй председатель фракции своей партии, третий председатель местного клуба гонок на рогатых санных и он же участник еще пятидесяти других почтенных объединений. Оператор навел камеру на лицо Тони, репортерша поднесла микрофон к его губам, как будто бы она собиралась ввести ему желудочный зонд.

— Только очень коротко, — сказал Харригль и пожалел, что сегодня он не повязал свой телегеничный серебряный галстук.

— Чем вы можете объяснить падение? Может, это был сильный порыв ветра?

Местный политик сделал такое лицо, будто это была наглая инсинуация — предположить, что здесь, в сверкающем чистотой спортивном раю, может быть, какой-то порыв ветра.

— Порыв ветра я исключаю, это был как ни прискорбно человеческий фактор.

— Как известно, город подал заявку на проведение зимних Олимпийских игр-2018. Отзовет ли он заявку после этого несчастного случая?

— Помилуйте! У нас еще никогда ничего подобного не случалось, у нас очень высокие стандарты безопасности, это была техническая ошибка прыгуна, как я уже сказал, очень жаль, но...

«Прыжки с трамплина — это вам не хальма», — вертелось у него на языке. Но этот афоризм уже был занят другим. Ему необходимо было придумать наконец свой собственный слоган.

— Вы знаете, как себя чувствует спортсмен?

— С учетом обстоятельств, хорошо. Нужно только немного подождать, и он сможет сам нам рассказать, что на самом деле произошло, — сказал Харригль на всякий случай.

Оге по меньшей мере пока не мог прояснить ситуацию, так как был без сознания. Блестящая трубочка была вставлена в шею, ему была проведена трахеотомия, и он дышал со всхлипами. Оге уже был близок к тому, чтобы познакомиться с Одним и его воронами, которые встречают мертвецов в Асгарде. Оге видел уже, как вождь разгневанного войска махал ему копьем.

«Где Тор?» — хотел крикнуть Оге, но голос куда-то исчез. Обливающийся потом заведующий отделением качал головой и бормотал себе под нос то, о чем думали в отделении интенсивной терапии.

— Невероятно. И этот человек еще жив!

Для перечисления всех данных осмотра не хватило регистрационного листа для отделения «Скорой помощи» больницы. Только перечень переломов, казалось, включал в себя полный список всех человеческих костей.

«Тренер» Андерссон был единственным человеком без жезла Эскулапа, которому было разрешено войти, но как-то ограниченно — он получил разрешение смотреть снаружи сквозь стекло в операционную отделения интенсивной терапии. Но Оге, который еще час назад был орлом, а сейчас лежал на столе, видел очень мало. Когда санитар в зеленовато-голубой форме отошел, чтобы опорожнить почкообразный лоток, взгляд Андерссона упал на обнаженную ногу Оге и открытый перелом большой берцовой кости, торчащую часть которой обрабатывали ватным тампоном. На заднем плане маячила огромная фигура, тоже в зеленовато-голубой форме, которая вставляла новое полотно в инструмент для распиливания костей.

Первые гости покинули ВИП-ложу. Прошло не больше получаса, как Юсуф увидел мужчину в лыжной куртке. Такого не могло быть: он ведь в кого-то стрелял, и этот кто-то бесследно исчез, его нигде не видно, он как сквозь землю провалился! Нет, такого с ним еще никогда не бывало. Да он и не слышал о таком. Юсуф направился к тому месту, где стоял мужчина. Если бы комната полностью опустела, он бы незаметно обследовал помещение. В уме он перебирал события, не исключено, что-то упустил. Пистолет попал в его поле зрения, пистолет, который целился в объект; он вытащил свое оружие и выстрелил. Но в момент нажатия на спусковой крючок, может быть, десятую доли секунды после, его толкнули сзади, правда, непреднамеренно, это выяснилось сразу, но достаточно сильно, так что он отвлекся. Тучный испанский строительный подрядчик, которого звали то ли Родригез, то ли Гонсалес, у которого в каждой руке было по мобильному телефону, хотел протиснуться мимо него. Юсуф на секунду обернулся и понял, что Гонсалес не представлял угрозы. Испанец произнес что-то вроде *¡que te den por culo!* наверное, испанское извинение. А где был его объект? Юсуф бросил озабоченный взгляд в сторону Калим аль-Хасида, но тот уже стоял возле Рогге и говорил с ним, как раз изображая обеими руками трамплин, доходящий прямо до моря — таким образом, там было все в порядке. Но куда же подевался человек в лыжной куртке? Тот, в кого стреляли (или с точки зрения телохранителя, в кого не попали), исчез с горизонта, растворился так быстро, что Юсуф на мгновение даже усомнился в действительности опасной сцены. Неразбериха в помещении еще больше возрастала, многие устремились наружу, наверняка чтобы дать ожидаемые интервью. Кардинал в светской одежде, Марианна и Михаэль в вязаных пуловерах, советник окружного управления, олимпийская чемпионка по биатлону, повар с телевидения и бывший ударник рок-группы «Ганз энд Роузес» — все они стояли рядом и спорили. Где-то прозвучала фраза «Прыжки с трамплина — это вам не хальма». Следовательно, председатель Федерации лыжного спорта Верхней Баварии, Свен Оттингер, тоже был там. Или кто-то, у кого пока еще не было своего слогана.

Юсуф убрал свой маленький пистолет. Никто в помещении, казалось, не заметил, что он стрелял, — шум говорящих по телефону и между собой, кричащих и перебывающих друг друга представителей высшего общества интересовало само трагическое событие, и только оно. Его объект был жив, за это Юсуфу платили, и ни за что иное. Тем не менее он нервничал. Что это могло означать? Вся сцена происходила недалеко от двери, которая вела в вестибюль.

ВИП-ложа располагалась на самом нижнем этаже судейской вышки, и мало кто знал об этом помещении. Сама судейская вышка стояла непосредственно возле трамплина на уровне стола отрыва, здесь были закрыты чуть ли не средневековыми перегородками боковые судьи. Наверху на террасе башни тусовались важные, но не ультраважные ВИПы, этих последних можно было встретить только внизу в таинственной ложе. Здесь вращались действительно важные персоны, которые не придавали значения тому, чтобы их видели или нет. Из вестибюля наружу вели три пути. Один путь шел к террасе, один — вниз к трибунам и киоскам с сосисками, а третий — к подъездному пути для безразмерных лимузинов и «бентли». Все пути очень строго охранялись. Шанса выйти, не привлекая внимания, не

было. В любом случае бегство раненого должны были обязательно заметить. Разве что он вообще не бежал, а все еще находится где-то поблизости. Очень тревожное представление. Уровень тревоги — оранжевый.

Но Юсуф не исключал также, что он вообще не попал в мужчину, что из-за жирного испанца он промахнулся, и мужчина в лыжной куртке в шуме даже ничего не заметил. Но если так, то пуля осталась где-то здесь. А если он попал, то должны быть следы крови. Вдруг мужчина в лыжной куртке с набивкой «СК-Ризерзее» вовсе не вторгшийся агрессор, а VIP-объект, или — что хуже всего — другой личный охранник. В обоих случаях кто-то должен был заявить о раненом.

Медленно и постепенно все выходили из зала. Немногие оставшиеся были настолько погружены в разговор, что ничего вокруг себя не замечали. Высокопоставленный генерал НАТО и две индианки (у обеих были художественно-раскрашенные руки), министр сельского хозяйства Сан-Марино и один пожилой мужчина, которого он не знал. И конечно, Калим аль-Хасид и Жак Рогге, оба живы и здоровы. Юсуф сделал несколько шагов к ним.

— Все в порядке? — спросил он тихо.

— Конечно, все ок., — ответил Калим рассеянно. Юсуф нарочито не спеша поклонился по VIP-ложе, вдоль стен, так, будто бы ему было скучно. Время от времени он останавливался, всматриваясь в каждый квадратный сантиметр в поисках следов рикошета. Двигаясь дальше, он изучал пол, надеясь найти пулю. Ничего. Перемещаясь мелкими шагами, обследовал стену еще более тщательно снизу до верха. И снова ничего. Юсуф подошел к месту, где раньше стоял мужчина. Он опустился на колени и сделал вид, что завязывает шнурки. Его глаза вперились в покрытие, а пальцы скользили по толстому ковру. Где-то здесь ведь должны быть следы крови! У него, само собой, не было возможности провести дознание и следствие, как у полиции. Но он должен был попытаться что-то сделать. В одном месте ковер был слегка приподнят, и он увидел на нем темную окраску, сразу мелькнула мысль, что неплохо было бы заняться этим дома. Он незаметно достал из кармана свой швейцарский перочинный нож и отрезал маленький кусочек. Лучше, чем ничего, и он сунул его в карман. Он только собирался отрезать второй кусок, но тут на его руку упала тень.

— Привет, Юсуф!

Проклятое ковровое покрытие — кто-то подкрался бесшумно и встал перед ним. Юсуф выпрямился. Это был Чарльз Бенетти, бывший телохранитель и инструктор, а теперь владелец процветающей школы для сотрудников безопасности, к этому бесплатно прилагался новый паспорт и безупречная биография. То, что раньше делал иностранный легион, сейчас делал Бенетти.

— Привет, Чарльз.

— Ты у Калима аль-Хасида?

— Да, у него.

Спрашивать Бенетти, у кого он работает, было излишним. У него здесь был объект высокого ранга, это несомненно. И он все равно не скажет, кого охраняет.

— Ужасное это дело, падение, — сказал Бенетти.

— Можешь говорить об этом вслух. Тебе здесь ничего особенного не бросилось в глаза? Что-то необычное, подозрительное?

— Нет, ничего не заметил, — сказал Бенетти с улыбкой. Он сделал легкое, тактичное движение головой, в сторону ног Юсуфа. — Завязывал ботинки? — сказал он самодовольно.

Юсуфу не нужно было смотреть на обувь. На нем сегодня были открытые туфли.

— Я вам точно скажу, как это произошло.

С этими словами главный лесничий в отставке Вилли Ангерер поставил свое импозантно упакованное охотничье ружье в угол маленького кафе. От огрубевшего от ветра чехла из темной кожи исходил неопределенный запах, смесь аромата леса, охоты и пожара, но это никому не мешало. Он сел за один из столиков. Стильно оборудованная булочная-кондитерская «Крусти». Расположенная в центре, ближе к центру уже невозможно себе представить, предлагала не только сотни вариаций различной выпечки (новое на этой неделе: *Sex-and-the-Village-Laiberl*), но и являлась местом встречи всех любопытных. Тех, кто не думал прочесть об этом только завтра, а хотел узнать это здесь и сейчас, прямо с пылу с жару. На следующий день после сенсационного падения датчанина на слуху была только одна-единственная тема — испорченные новогодние прыжки с трамплина. Все в кафе прервали разговор на полуслове и посмотрели на Ангерера, вопрошающе вскинув вверх брови, каждый хотел услышать теорию лесничего, но Ангерер, будто бы медля, откусил вначале булочку с миндальными отрубями из пшеницы-двuzернянки, чтобы усилить нетерпение. Все ждали, поскольку главный лесничий был уважаемым человеком. Дополнительную компетентность в этом вопросе ему придавал еще и тот факт, что в молодости он прыгал на лыжах с трамплина. В пятидесятые годы его даже чуть было не пригласили в национальную сборную Германии, но не пригласили.

— Нам всем очень интересно, как это действительно произошло, — сказал член совета общины Тони Харригль, сидевший в тени огромного фикуса, который якобы вырос таким, потому что его ежедневно поливали свежим светлым пивом известной пивоварни (название мы здесь опустим). Харригль и Ангерер обычно друг друга не выносили, один был за, другой против иностранного туризма, но сейчас член совета общины внимательно, хоть и скептически, слушал лесника.

— Это было, как тогда в 1959 году в Оберстдорфе, на отборочных соревнованиях для Скво-Вэлли, — начал Ангерер. — Американец прыгнул и повис в воздухе примерно так...

Он поднял руки и изобразил обеими руками лыжи американца, при этом получилась перекошенная и дергающаяся буква V. Кое-кто из присутствующих уже начали ухмыляться. Потому что большинство анекдотов Ангерера о прыжках на лыжах начинались в 1959 году в Оберстдорфе.

— И тут у него отрывается правая лыжа, и...

Его прервали на середине фразы, так как дверь распахнулась, и ветер занес внутрь очень редкого (потому что очень занятого) гостя, Беппи Фишера, известного музыканта, игравшего на цитре, которого встретили самыми разными возгласами приветствия: Хей! Еха! Ага! Глянь-ка! О, и ты! Пошел ты! Постороннему эти звуки покажутся сейчас непонятными и странными (может быть, даже похожими на угрозу), но в булочной «Крусти» они очень точно передавали настроение. Цитрист Беппи, как его везде называли, был невысоким, скрюченным человечком, держащим перед собой, как бы защищаясь, исцарапанную цитру. Он сел за стол. Но пришел он вовсе не за тем, чтобы исполнять в булочной «Крусти» сельские и пастушьи мелодии, поэтому поставил инструмент рядом с собой на пол и заказал кофе. Цитрист Беппи, конечно, тоже был на лыжном стадионе вчера, это была как бы его

профессия быть в нужное время с подходящей музыкой в нужном месте. Обычно он играл в туристических ресторанах курорта, там он развлекал приезжих гостей местным песенным репертуаром и международными шлягерами, но при необходимости он волшебным образом извлекал и музыкальные извращения, как, например, переложение для цитры песни *Highway to hell* («Дорога в ад»).

В новогодний день он развернул свой инструмент в потайной ВИП-ложе лыжного стадиона; там у него было постоянное приглашение, уже много лет, поэтому и нынешние новогодние соревнования по прыжкам с трамплина невозможно было представить без сопровождения на цитре. Его гонорар был солидный, но за это он был обречен на сохранение молчания.

Он был известным и популярным у сильных мира сего, и какой-нибудь Тикон, Крез или Альфа фотографировался с ним, как в некотором роде с талисманом. Цитрист Беппи утверждал, что они с тем и с другим на ты, но его истории не были такими уж достоверными, многие рассказы были заимствованы или являлись выдуманными воспоминаниями чрезвычайно богатого воображением музыкального ума. А если к этому добавлялась пара кружек пива, то его шутки и вовсе переходили в область фантастики. Очень часто он рассказывал историю, как во время новогодних соревнований по прыжкам на лыжах играл для папы римского альпийские *Gstanzln* (частушки), как говорится папе от Беппи. Якобы после этого понтифик пригласил его в Рим, и якобы он поехал туда и жил во дворце Капель Гандольфо.

— Да ну? Что ты там играл?

— Да что я там играл: конечно, *Highway to hell*, и было очень весело!

Совсем отмахнуться от этой истории тоже было невозможно, так как в упомянутое время цитрист Беппи действительно на неделю уезжал, но другие говорили, что в это время он отсыпался после большой попойки недалеко от Лермоса.

В этот Новый год цитрист Беппи играл на цитре в ВИП-ложе, но недолго, так как произошел несчастный случай.

— Премьер-министр был там, Беккенбауэр, Жак Рогге, Марианна и Михаэль — да все. И еще одна пара, которую я сейчас не могу назвать.

— Ах, ладно, скажи!

Но цитрист Беппи помнил о своем обещании. Видные гости носились как ненормальные, и его вежливо попросили подождать снаружи, пока не позовут.

— Да они тебя просто вышвырнули! — орал стекольщик Пребстль, который приходил сюда всегда со своей супругой.

Та добавила:

— А о самом несчастном случае ты ничего не услышал?

Нет, он ничего не слышал, сидел спиной к окну и играл как раз *Schenkt man sich Rosen in Tirol* («Когда в Тироле дарят розы...»), да еще в A-Dur, для чего требуется концентрация, а когда он играл *Mir winket neues Liebesglück!* («Меня ждет новое счастье любви»), то, наверное, и произошло несчастье.

— Но я предполагаю... — сказал маленький музыкант, — я слышал несколько обрывков разговора. Говорилось что-то о дефекте материала и не том сплаве, и глава фирмы по производству лыж, который тоже там стоял, побледнел и бормотал что-то вроде: «Как нарочно, сейчас, перед котировкой акций на бирже, и такое несчастье».

— Я не знаю, правильно ли называть это несчастным случаем, — снова вмешался Ангерер Вилли. — Я много раз смотрел картинку по телевизору. Я не верю в дефект материала. Сейчас я знаю, как это произошло.

— И как же это произошло?

— На самой высокой точке взлетной кривой у него сорвало правую лыжу...

— Может, это все же был сильный порыв ветра? — прервал его Манфред Пенк, психолог с высшим образованием, который недавно открыл практику по медитации и разрешению конфликтов на курорте и якобы клиентов у него было в избытке.

— Нет, — продолжил Ангерер, — лыжа двигалась так, будто в нее что-то ударило, что — на видео не видно, потому что оно очень маленькое.

— Может быть, маленькая птичка? — предположил кто-то.

— Как тогда в Оберстдорфе в 1959-м? — прошептал другой.

— Или Скво-Вэлли, в 1960-м? — добавил третий.

Некоторые подсмеивались. Вот придурки, подумал Ангерер. Полные болваны, такие профаны, не имеющие абсолютно никакого представления о прыжках с трамплина на лыжах, они бы от страха в штаны наложили, если бы оказались там наверху. Но вслух он сказал:

— Нет, у меня совсем другая теория.

— Внимательно слушаем.

Вначале все было спокойно, некоторые ухмылялись укладкой, перед ними как-никак был старший лесничий, но потом кое-кто прыснул, и, наконец, булочная «Крусти» наполнилась таким диким смехом, что Ангерер, лесничий, охотник из Курпфальца, встал оскорбленный, швырнул на стол деньги за съеденное и выпитое, закинул на плечо чехол с ружьем и вышел, не стараясь бесшумно закрыть дверь. Только Манфред Пенк, в некотором роде ученый, специалист по конфликтам, встал, чтобы пойти вслед за ним и успокоить его. Но когда он вышел на улицу, Вилли Ангерер уже скрылся из вида. Психолог откинул голову назад и вдохнул мягкий зимний воздух.

Вилли Ангерер все еще был в ярости. Он пошел в местный полицейский участок и дал там показания. Дежурил как раз полковник полиции Иоганн Остлер, добродушный, но добросовестный чиновник, семья которого еще со времен римлян жила в Талькесселе. Остлер знал здесь каждый камень. Он терпеливо печатал на машинке чрезмерно эмоциональные рассуждения Ангерера (компьютер опять сломался), и именно эти рассуждения утром следующего дня попали в заголовки местных газет.

Женщина в кожаном головном уборе осторожно наклонилась над краем скалы и осмелилась посмотреть вниз в бурлящее и пенящееся щелеподобное ущелье. Вообще-то это был всего лишь маленький ручей, но он был зажат в ущелье, из-за таяния снега чудовищно вздулся и разыгрывал бурный поток, могучий каскад доисторических расточителей воды. Древесные щепки беспорядочно перекатывались через узкие препятствия, образуя то там, то здесь запруды в человеческий рост, чтобы еще более яростно свергнуться в альпийский каньон. На скалу снова швырнуло горбатый бук, поваленный молнией и сброшенный в ущелье, щепки взлетели вверх прямо до женщины в кожаной шляпе. Как ей попасть на другую сторону каньона? Во всяком случае, перепрыгнуть через пропасть было невозможно. Вдруг на ее плечо легла большая мускулистая рука. Сильная рука, которая могла и повалить. Она не испугалась, а спокойно обернулась, так как узнала эту ухватку. Это был капканщик, молчаливый и степенный человек, который уже несколько часов шел с ней одной дорогой, но не сказал и двух слов. На нем был широкий пояс из телячьей кожи, на котором была закреплена набедренная повязка и ножные латы из камыша. Все спутники были одеты подобным образом, у одних была еще накидка из молинии для защиты от дождя, на других — шапка из шкуры белого медведя.

Капканщик поднял руку и молча показал в направлении вверх по реке. Там наверху, на берегу махали руками и кричали еще двое из их маленькой группы: девушка с шакальим лицом и юноша, который нес огненную губку. Они взволнованно показывали на растрепавшийся пеньковый канат, протянутый над ущельем и закрепленный неотесанными деревянными кольшками. Его длина составляла примерно три или четыре прыжка серны и не вызывала доверия. Но им всем нужно было на другую сторону через яростно клокочущую пропасть; здесь, на этой стороне страшной трещины на коже изумительного пейзажа предгорья Альп, они не были в безопасности. Капканщик, крупный и сильный парень, грациозно наклонился над краем пропасти. Все заметили, что он дрожит. Он обхватил грубую веревку из пеньки, пропитанную темно-бурой смолой, закрыл глаза и пробормотал короткую молитву святому Би-мора-боро, доброму богу и спасителю в беде, жившему по другую сторону солнца. Наконец, капканщик собрал все свое мужество и поскользился на животе в сторону шатающегося моста. Десять крепких захватов, и он уже добрался до середины. Местами уже первые тонкие волокна рвались, и кольшек, на который была переброшена петля на другом берегу, угрожающе нагибался. Капканщику удалось добраться до края ущелья, он схватился рукой за один из свободно свисающих корней, который показался ему достаточно крепким, подтянулся на нем, выбрался наверх и, изможденный, упал на мокрую холодную землю. Позади себя, там на другой стороне, он услышал радостные крики своих спутников.

Солнце взошло, нужно было торопиться на другую сторону. Теперь был на очереди юноша с огненной губкой. Он закрепил по-походному сумку, которую нес на спине и, не говоря ни слова, пошел к крутому берегу. Он выбрал другую технику — уцепился снизу за веревку и стал передвигаться на руках в висячем положении, как обезьяна. С хриплым чавканьем пена брызгала все выше и выше и смачивала его накидку, сшитую из чередующихся между собой черных и белых полос бобрового меха. Наконец, юноша со своей

драгоценной ношей добрался до другой стороны и без сил упал на землю. Потом пошла девушка с шакальим лицом. Тому, кто хотел ее подразнить, достаточно было просто изобразить плачущим голосом вой золотого шакала «воииииииии-кики-воииииии-ии-ки». Но в данный момент ни у кого не было желания на такие шутки, мужчины на той стороне требовали поторопиться, и девушка хотела схватиться за веревку. Но вдруг женщина услышала позади себя хорошо знакомое рычание — рык саблезубых тигров. Она оцепенела, не осмеливаясь оглянуться назад.

И, как говорится, десять тысяч лет спустя, совсем не очень далеко от ущелья в долине Хелленталь^[3], может быть, всего на расстоянии пяти метаний копья, в утренней газете можно было прочесть заголовки:

ВЫСТРЕЛЫ НА ОЛИМПИЙСКОМ ОБЪЕКТЕ! Олимпиада под угрозой?

Заголовки других газет были в том же духе:

ДИКИЙ ЗАПАД В ВЕРДЕНФЕЛЬС (с вопросительным знаком),
РАЗБОРКА В ЦУГШПИТЦЕНДОРФ (с двумя восклицательными знаками),
МРАЧНАЯ ДАТСКАЯ ДРАМА (без всего).

Было великолепное ясное зимнее утро, у многих прямо руки чесались, чтобы сразу после пробуждения оставить на пару часов свою работу слесаря или преподавателя латыни и греческого, пристегнуть лыжи и выкатиться на лыжню, по дорожке, с покрасневшими щеками, в модных очках, объездить все долины, одну за другой, набравшись мужества и с трудом переводя дыхание, а потом вернуться счастливым от того, что прижался к якобы девственной природе. Но слесарю нужно было сначала изготовить железный надгробный крест для старого Корбиниана Лакермайера, в другом случае, *casus paedagogi*, учителю латыни и греческого в 10а классе гимназии нужно было вдолбить схему гексаметрического стиха «Одиссеи»: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже...»^[4] — Но у такого гексаметра тоже есть что-то от бега на длинные дистанции.

Итак, большая часть населения Верденфельса уселась, едва открыв глаза и еще не проснувшись, за стол завтракать, схватила газету и прочла предположения, без ссылки на источник, вроде этого — возможно, это была шальная пуля какого-то неосторожного охотника, которая выбила датчанина из соревнования. В комментарии даже содержался намек на какую-то политическую подоплеку. Говорилось даже о запоздалой мести какого-то фундаменталиста представителю страны, опубликовавшей карикатуру на пророка Мухаммеда. И за завтраком многие качали головой:

— Покушение? У нас? И как раз на новогодних соревнованиях по прыжкам! Такого не может быть.

Только в помещении для завтрака пансиона «Альпийская роза», в этой импозантной вилле на окраине курортного городка, последние новости воспринимались молча. Две небритых фигуры с черными как смоль, волосами, сидевшие в нише и разбивавшие яйца на завтрак, были одеты неброско, их азиатские корни нельзя было не заметить. Они тихо разговаривали между собой; синолог (*китаевед*) предположил бы, что слышит китайский из южного кантона или северно-корейский, какой-нибудь профессор Хиггинс услышал бы к тому же гортанный диалект Минь Ю, на котором говорят в районе Чаояна. Женщина бросила газету на стол.

— Этого нам только не хватало, — прошипела она, но по ее лицу раздражение вообще не было заметно. По ней не видно было также, что она владела собой.

— Что случилось? — спросил мужчина.

— В газете уже гадают. Есть даже осторожное предположение, что датского лыжника могли обстрелять.

Мужчина прочел статью и сказал:

— А сейчас наверняка приедет какой-нибудь провинциальный придурок и будет копать до тех пор, пока что-нибудь не найдет.

— И эту проблему мы решим.

— Надеюсь.

Зал для завтрака медленно заполнялся другими гостями пансионата, все шестидесяти-, семидесяти-, восьмидесятилетние, все одеты по последней моде зимнего спорта и готовы к свежему воздуху и веселью в горной хижине для альпинистов. Большинство были парами: муженек набирал еду, женушка выбирала стол, по радио пиликали какую-то национальную мелодию. Глаза обоих чаоянцев сверкали то угольно-черным, то черным как смоль, то черным, как эбеновое дерево, то как швейнфуртская зелень, и может даже, темно-зеленым, а именно, необоснованно (непонятно как), по-дальневосточному.

Женщину звали Шан, что означает цветок лотоса. Мужчину звали Вонг, что могло означать многое. Шан и Вонг поселились здесь несколько дней тому назад вместе с еще одним мужчиной из Чаояна, потому что в «Альпийской розе» они нашли подходящую базу для осуществления своих необычных планов. Это здание стояло отдельно на небольшом холме несколько за пределами курортного городка. Подъездной путь был широким, дополнительная дорога вела вокруг дома к заднему двору. Там можно было припарковать машину и попасть в дом, оставаясь не замеченным с улицы и из окон и с балконов дома. От парковки был еще один запасный выход на случай необходимости, прямо через луг, до другой стороны улицы. И комнатой Шан и Вонг были более чем довольны. Она находилась на втором этаже, имела три окна, откуда гарантированно можно было видеть все передние подъездные и подходные пути. Гостями пансионата были секретари министерств из Вюртемберга и бывшие пасторы из Мекленбурга, они казались малоподвижными и глуховатыми, интересующимися скорее своим размеренным распорядком дня, а не какими-то отдыхающими маоистской внешности.

Директриса пансионата «Альпийская роза», фрау Маргарете Шобер, за столом регистрации читала большей частью романы в мягкой обложке с такими названиями, как «Опасное желание» и «Дикая жажда». Она, вероятно, тоже отвечала за некую небрежную элегантность пансионата. Гостевая книга и регистрационные бланки велись небрежно, а о контроле удостоверений личности даже не стоит говорить. Пансионат «Альпийская роза» был настоящим Эльдорадо для тех, кто замыслил что-то не совсем «кошерное».

Маргарете Шобер очень внимательно изучила поддельный паспорт Шан, настолько внимательно, что у Шан и Вонга даже выступило на лбу несколько маленьких капель пота.

— Ага, Штайнбок, — сказала наконец Маргарете Шобер со знающим видом и так двусмысленно, что рука Вонга непроизвольно дернулась в сторону пояса, туда, где на всякий случай был засунут его ка-то (*стиллет*). В чемодане у него было еще два или три, для верности. Такой ка-то можно было бы принять за устричный нож, но на самом деле это была маленькая острая рапира, незаметный стилет, шадящее оружие, клинок которого доставал точно до самой середины сердца при условии, что ты знаешь, как туда попасть: справа вокруг грудины (глядя со стороны убийцы) и насквозь между третьим и четвертым ребрами.

Вонг знал это направление.

Эти трое поселились здесь несколько дней тому назад и назвали себя малайскими коммерсантами, приехавшими в отпуск покататься на лыжах. Они могли бы выдать себя и за тайваньских студентов, приехавших по академическому обмену, или за торговцев хмелем из Бирмы, у них были паспорта на все случаи. Они демонстрировали несколько дальневосточных клише, как, например, поклон на три четверти в сочетании со сложенными в маленькую голубую елочку руками с оттопыренными большими пальцами, что нигде в мире не является обычаем — и только европейцы считают, что так здороваются все индусы, китайцы и японцы. Фрау Маргарете Шобер уже тоже научилась делать поклон в три четверти, и при этом защемляла нос двумя большими пальцами.

— Вкусно? — спросила она Шан и Вонга за завтраком.

Оба усердно закивали. Фрау Шобер снова выпрямилась.

— Как у вас дела? — сказала она с ударением, как учительница на вечерних курсах «Немецкий для инопланетян II».

— Спасибо, у нас нет никаких проблем, — ответили Шан и Вонг.

Шан и Вонг в совершенстве владели языком Карла Маркса и Райнера Марии Рильке, так как в свое время они были приглашены в ГДР (мы еще ее помним) и жили много лет в городе Цейтц. Поэтому их чаоянский диалект отдавал саксонским акцентом. У Шан он был заметен сильнее, а у Вонга меньше (так в темноте их можно было отличить друг от друга), и как раз с этим цейтским акцентом Вонг сказал фрау Маргарете Шобер:

— Сегодня великолепная погода. Мы как раз обсуждаем, не пойти ли нам на покрытую снегом Штегбергальм...

— ...или вокруг тенистого озера Эйбзе, — добавила Шан.

Хозяйка не дала себя сбить. Она еще раз сделала поклон.

— А где тот приятный молодой человек? — спросила она, после того как снова выпрямилась. — Который всегда был вместе с вами? Третий в вашем союзе?

— Он еще спит, — сказала Шан.

— Он очень устал, — объяснил Вонг.

Приятный молодой человек, третий в союзе, лежал тихо и неподвижно наверху в комнате 12а. Но он не спал. И он не устал. Он был мертв.

Мертвый лежал одетым на полу возле кровати. И еще другое бросалось в глаза. Он умер не своей смертью. Вовсе не своей. Его неподвижно смотрящие в пустоту глаза были налиты кровью, черты лица искажены, руки судорожно сжаты. Он лежал здесь со вчерашнего дня, и он не мог оставаться здесь вечно. Шан и Вонг вначале прикидывали, не захоронить ли им труп подальше отсюда, где-нибудь закопать, утопить в озере, засунуть в дупло какого-нибудь дерева, скормить диким животным или еще как-нибудь. Но все это казалось им рискованным, они плохо знали эту часть света.

В Чаояне они бы нашли дорогу к болоту, откуда нет возврата (и что еще важнее, нашли бы обратный путь), но чего стоит Мурнауское болото в этом (предположительно редко используемом) отношении, было трудно выяснить. Итак, куда деваться с трупом?

— Шкаф-морозильник.

— Купить в магазине электротоваров шкаф-морозильник?

— А почему бы нет?

— Добрый день, я хочу купить шкаф-морозильник... Да, и на одного человека... нет, туда должен поместиться один человек... Да, хорошо, я сейчас сам попробую...

— Ты права, это не очень хорошая идея. Если мы это сделаем, то мы оставим след отсюда прямо до Чаояня.

— Я видела в подвале морозильник. Давай спросим фрау Маргарете.

— Мы возьмем морозильник напрокат?

— Да, давай так и сделаем.

И вчера после обеда они попросили у директрисы морозильник. Вчера утром Сунь Ю был еще жив. Они немного рисковали, когда вызвали врача общей практики доктора Штайнхофера из квартиры и тайком привели в пансионат. Но Шан, цветок лотоса, была за то, чтобы рискнуть. Так как большинство отдыхающих отправились на солнце и воздух, фрау Шобер погрузилась в роман «Тайные мысли», а у работников пансионата был перерыв. И доктор Штайнхофер сам тоже ничего не заподозрил.

— Итак, где же сейчас наш пациент?

— Входите, он лежит здесь, на кровати.

— Формальности...

— ...оформим позже, пожалуйста. Ему очень плохо.

Сунь Ю потерял много крови. Он был бледен и держал в руке пистолет. В замешательстве доктор Штайнхофер склонился над раной в области груди.

— Нам с ним срочно нужно в больницу.

И тут пациент впервые заговорил:

— Никакой больницы. Оперируйте сами.

— Послушайте, это ведь огнестрельная рана. Об этом нужно заявлять.

— Нет, лечите меня сейчас.

Доктор Штайнхофер вдруг по-настоящему осознал, в какое щекотливое положение он попал. Его бросило в пот. Он попытался сконцентрироваться на своей профессиональной задаче.

— Уберите оружие. Так я не могу вас лечить.

— Оперируйте. Сейчас.

— А если не буду?

Сунь Ю сделал небольшое, однозначное движение своим пистолетом.

— Хорошо, я дам вам обезболивающее.

— Никаких лекарств.

— Вы не выдержите.

Сунь Ю засмеялся коротко и горько.

Доктор Штайнхофер был уже на пенсии. Он уже продал свою общемедицинскую практику, его преемник должен был начать на следующей неделе. Эти двое молодых китайцев, или тайванцев, или корейцев, или кто еще там, показались ему беспомощными. Они кое-как объяснялись по-немецки и делали при этом дикие, отчаянные знаки. Он пошел с ними. А теперь они вдруг бегло заговорили по-немецки. А он смотрел в дуло пистолета. Он слегка повернул пациента на бок, но не мог найти выходное отверстие. Пуля, наверное, еще в теле, он предполагал, что она может быть в задней части грудной клетки. Доктор снова покрылся потом. Он живо мог себе представить, что с ним случится, если он сделает ошибку. Он потребовал горячей воды и чистых полотенец. Из медицинской сумки достал кровоостанавливающий материал, потом пинцеты, зажимы, компрессы, йод, спирт и все, что обычно требуется, для того чтобы вытащить пулю из тела. Очистил рану, вошел пинцетом немного во входное отверстие раны. Сунь Ю закусил салфетку, на которой было написано «Привет из пансионата „Альпийская роза“». Доктор Штайнхофер не думал, что человек может вынести такие сильные боли. Он вытащил пинцет и обратился к азиатской паре:

— Может, уговорим его выпустить пистолет из руки?

— Нет, — сказал Вонг. — Он главный.

— Один из вас может и дальше мне угрожать.

— Кто из нас будет вам угрожать, это наше дело, — сказала Шан.

— Да, ясно, но я не буду так дальше оперировать. Когда-нибудь у этого человека случится гиповолемический шок, и он потеряет над собой контроль. Может сорваться выстрел. Случайно. Это меня беспокоит. Вы это понимаете?

— У него случайно не сорвется никакой выстрел. Это Сунь Ю, Терминатор. Который отправит тебя на тот свет. Он очень востребованный человек на этой сцене, поэтому он лидер нашей команды.

— На какой сцене? Что за команда?

— Вам все это не нужно знать.

Женщина говорила с легким саксонским акцентом. Доктор Штайнхофер мог бы поспорить, что просвечивался даже немного цейтский диалект.

— Оперируйте.

Старый врач общей практики, собственно уже на пенсии, раздвинул два лоскута кожи, которые закрывали раневой канал. Он закрепил их пластырем и перебирал пальцами лопнувший кровеносный сосуд. Он вытащил его и обернул лейкопластырем. Затем он снова опустил вену — Святой Зауэрбрух, помощи! — в глубь тела. Он бросил короткий взгляд на лицо Сунь Ю. Боли, которые испытывал этот человек в данный момент, должны были на шкале подниматься вверх прямо на тот свет. Но тем не менее он наблюдал за действиями доктора Штайнхофера.

— Что это было? — спросил он сдавленным голосом. Казалось, что слова доставляли

ему больше боли, чем сама операция.

— Артерия. Снабжает кровью брюшную полость. Была повреждена.

Сунь Ю пистолетом показал, чтобы он продолжал дальше.

Доктор Штайнхофер был старым, но неглупым. Знал, что преступники такого калибра его живым не отпустят. Он попытался выиграть время и разработать план, как ему выбраться из этой неприятности. Он проводил подготовку так медленно, как только можно было, выполнял все движения по два раза, обследовал пульс, дыхание, зрачковый рефлекс, давление, язык, обстукивал его со всех сторон. При этом лихорадочно думал. Нападение должно быть совершенно неожиданно. Ему нельзя было давать Сунь Ю ни десятой доли секунды усомниться.

— Я должен сделать вам укол, чтобы стабилизировать кровообращение.

— Никакого укола. Я сам стабилизирую кровообращение.

Тем не менее попытка была сделана. Доктор Штайнхофер продолжал обстукивать, ощупывать, ощипывать и очищать. Пулевой канал проходил слегка наискось сверху вниз к нижней части грудной полости, предположительно пуля застряла прямо перед позвоночником. Если он сможет дальше проходить скальпелем по каналу, то, может быть, удастся решительным уколом вверх разделить нервы между нижними шейными позвонками и, таким образом, вызвать искусственный паралич спинного мозга. Если он заденет нервный ствол полностью и быстро, то велика вероятность, что его пациент моментально потеряет контроль за руками, правая рука онемееет. Тогда он сможет завладеть револьвером и угрожать другим. Насколько велика была вероятность точно попасть в нижний сегмент шеи? Скорее невелика. Было всего несколько сантиметров, он должен попасть. Но это был его единственный шанс. Доктор Штайнхофер разорвал пакетик и вынул скальпель, которым хотел совершить это рискованное оперативное вмешательство. Шан и Вонг стояли несколько в стороне, но недоверчиво следили за каждым его движением. Это лечение должно было спасти жизнь врачу, а не пациенту, Гиппократу было не место в этой комнате. Доктор Штайнхофер осторожно подвел скальпель к входному отверстию и надеялся, что Сунь Ю был в достаточной степени непрофессионалом, чтобы не спросить, почему он сейчас работает скальпелем, а не пинцетом. Но тот только смотрел ему в лицо, а не на руки. Доктор Штайнхофер медленно засунул скальпель и искал позицию, с которой он мог сильно и целенаправленно уколоть. Доктор Штайнхофер не был специалистом по внутренним болезням, он не был неврологом и не был хирургом — этим коллегам такая операция не доставила бы труда, ему же, как врачу общей практики, нужно было порыться глубоко в долговременной памяти, вплоть до студенческих времен, и вспомнить лекции по морфологической анатомии, если это вообще было возможно по прошествии такого длительного времени. Лекции у профессора доктора Штефазиуса: «...между верхней долей легкого и нижней диафрагмой окружающие брюшную полость сращения настолько расслаблены, что даже рука может пройти...» Доктор Штайнхофер рассматривал свою руку, ведущую скальпель. Он уже приближался к семидесяти и гордился тем, что его рука все еще не дрожала. Затем взгляд его упал на искаженное лицо Сунь Ю. Глаза его были совершенно ясными. Доктор Штайнхофер обхватил ручку скальпеля, он должен был решиться на укол сейчас или никогда. Сунь Ю тихо произнес:

— А ты боишься, приятель, сильно боишься.

Сейчас доктору Штайнхоферу нужно было уколоть немедленно, но Сунь Ю его

опередил. Он поднял пистолет и выстрелил доктору Штайнхоферу точно в лоб. При этом он не задел артерию верхней височной доли, поэтому и не брызнула кровь. Терминатор делает такое только в том случае, если хочет показать что-то сенсационное, если хочет до смерти напугать кого-то из стоящих рядом. Итак, доктор Штайнхофер повалился прямо на Сунь Ю.

— Что ты сделал? — закричал Вонг.

— У него был замысел, — сказал Сунь Ю. Он сказал это очень тихо, и Вонгу пришлось наклониться ухом к его лицу, чтобы Сунь Ю не нужно было повторять еще раз. — У него был план. И план хороший.

Самое неблагоприятное время для начала полицейского расследования — это вечер пятницы. Лаборатории только что закрылись, в учреждениях уже никого нет, хрипло звонят телефоны в опустевших приемных ратуши. Одинокó работающие компьютеры отсылают обратно сообщения *out-of-office* — разве с этим человеком вы еще пару минут назад не разговаривали по телефону? Аварийные и дежурные службы в выходные укомплектованы вторым составом, который информирован только о самом необходимом; кроме того, у подменяющих традиционно плохое настроение и никакого желания приходить кому-то на помощь. А если к тому же еще хорошая погода! Свидетели, которых нужно было срочно допрашивать, разъехались, повлюблялись или занялись здоровьем. Подозреваемые спокойно уничтожают следы, закрывают временные интервалы, пользуясь субботой, уходят с линии огня, а день господний воскресенье используют для того, чтобы скрыть свои преступления.

В такой субботний вечер, в светлый голубой день, почти такой же голубой, как глаза младенца, гаупткомиссар полиции Губертус Эннервайн ехал по медленно ползущей железной дороге местного значения в район долины Верденфельс. У него было прекрасное настроение, так как он надеялся вечером вернуться обратно и потом спокойно подумать, что ему предпринять в выходные. Но сейчас он сидел в вагоне первого класса и наслаждался великолепным видом замерзшего озера Штарнбергерзее, проносившегося мимо, окруженного вилами и овечьими легендами. Легкий пар, поднимавшийся над озером, дополнял красоту картины. На остановке Фельданфинг вошли двое тинейджеров и молча заткнули уши iPod-ом с двумя наушниками, и Эннервайн попытался по неподвижной, высококонцентрированной мимике этих двоих угадать, что они в данный момент слушали. Никакого шанса: это мог быть бусидо, французская грамматика или новые приключения Пумукля. Еще слава Богу, что подростки редко совершали убийства, подумал Эннервайн, на их лицах ничего невозможно прочесть. Поезд остановился в Тутцинге, там они, все еще связанные кабелем, вышли. Замерзшие поля Хугфлинга пролетали мимо, плавно извивающиеся пашни, под которыми уже поджидали рапсовые семена, которые весной окрасят ландшафт ярко-желтыми цветами.

Начальник послал Эннервайна в курортный город из-за этого темного дела. Сообщение о падении датчанина прошло по всем средствам массовой информации. Один свидетель даже утверждал, что видел выстрел, и свидетель изобразил это до некоторой степени убедительно. А при таком неясном подозрении на особо тяжкое преступление не обойтись без криминалиста. Как будто бы криминалисту больше делать нечего, подумал Эннервайн. Сомнительного свидетеля звали — минуточку — Вилли Ангерер, но сейчас Эннервайн стал просто смотреть в окно, ведь уже показались первые предвестники Альп, мощно и первозданно приветствовали Карвендель и Веттерштайн, сверкающие серебром зубчатые композиции нарядных вершин до двух тысяч пятисот метров высоты, некоторых гигантов при дующем с гор фёне можно было различить уже от Мюнхена, других — только примерно от Даниеля, конусообразный Пиз Протц в Тироле, небольшой нахальный привет из Австрии, можно было увидеть только в предгорьях. Промелькнуло Мурнауское болото. Вороны взлетели, как будто бы их подбросили совковой лопатой, и снова бросились вниз на разрисованные лыжными трассами снежные холмы. Несколько миллионов лет тому назад, в

мезозойскую эру, здесь было морское дно. А там, где сейчас опустились вороны, наверное, их первые предки, птерозавры, внушающие страх морские разбойники, ныряли в поисках пищи.

Проплыли мимо Эшенлое и Фархант, затем поезд остановился, это была последняя станция перед Австрией. Еннервайн взял свой портфель и сошел. Два местных обермейстера полиции Иоганн Остлер и Франц Холльайзен встречали Губертуса Еннервайна на вокзале. Хотя они в прошлом году пару недель интенсивно работали вместе с гаупткомиссаром, они его с трудом узнали. Не потому, что он так изменился, а потому что Губертус Еннервайн был самым неприметным человеком, которого они когда-либо встречали. Он был одним из тех, чье лицо не запоминалось, даже если ты просидел два часа напротив него в поезде. У него не было ничего выразительного, бросающегося в глаза, даже цвет глаз было трудно определить, что-то между зелеными, карими и голубыми, в паспорте было написано необычный. (Нет, это там не было написано, но это можно было себе представить.) Некоторые даже утверждали, что у него было некое сходство с Хью Грантом. Его густые, темные волосы были модно коротко пострижены. Он всегда был гладко выбрит, по его лицу проходили симпатичные морщинки от улыбки. Одним словом, он выглядел как Хью Грант и одновременно как два миллиарда других мужчин. В полицейском участке уже ждал свидетель, готовый повторить свои показания. Иоганн Остлер сварил кофе, и они сели.

— Господин Ангерер, — начал Еннервайн, — вы провели наблюдение.

— Да, господин комиссар, это верно.

Еннервайн рассматривал свидетеля. На старшем лесничем, который казался как бы сошедшим с особенно примитивной детской книжки, была одежда только зеленого цвета, даже кожаное пальто, которое он положил на колени, было темно-зеленого оттенка. Густые, закрученные усы прикрывали часть лица. Борода не была зеленой, но близкой к этому цвету. Позади гаупткомиссара был прислонен чехол от ружья. Казалось, что можно было даже унюхать запах пороха.

— Ваше оружие, господин Ангерер?

— Да, конечно, только для защиты.

Остлер и Холльайзен ухмыльнулись с едва скрываемой глупостью. Что только на них нашло? Вроде бы они напевали первые такты песни о браконьере Еннервайне? *«Жил-был охотник, молодой и статный...»* или ему показалось?

— Только для вашей защиты, ага. Но вы ведь, как бы это сказать, на пенсии?

Еннервайн не собирался разыгрывать из себя важную персону, такие нарушения были делом местных чиновников, но в такое время, когда снова возросло злоупотребление оружием? Но с другой стороны, лесничий был все же государственным служащим, как бы вызывающим доверие. С одной стороны, с другой стороны. Он смотрел на Остлера и Холльайзена. Они похихикивали, а то и прыскали от смеха, так что радостно было на них смотреть.

— Давай, расчехли ружье, Вилли! — сказал Остлер.

Ангерер достал из чехла зонтик.

— Для моей защиты, — сказал он.

— Странные шутки в полицейском участке, — пробормотал Еннервайн, растопырил большой и средний пальцы и стал массировать виски рукой, чтобы снять напряжение.

Холльайзен вставил кассету в принадлежащий полиции видеомэгнитофон. Прыжок Оге Сёренсена, который без конца показывали в последние дни, появился на экране.

— Я сам активно занимался прыжками на лыжах, — сказал Вилли Ангерер Еннервайну. Два знатока данной местности выкатили глаза и закивали, что они в курсе. Оберстдорф-1959, при отборочных соревнованиях на Скво-Вэлли-1960, ясно.

— Ах да? — сказал Еннервайн с вежливой заинтересованностью.

Вместо ответа Ангерер встал. С согнутыми в локте руками он медленно принял полуприсед, затем откинул обе руки назад, одновременно выпрямился и переместил вес, насколько это ему было возможно, вперед. Он широко открыл глаза, посмотрел в воображаемую даль, может быть, в рай, а может, еще дальше, и постоял так какое-то время.

— Честно говоря, я сейчас немного неуверен, — сказал Еннервайн Ангереру. Одни сумасшедшие здесь в этом районе, подумал он. Может, в этом виноват фён, которой делает каждого, живущего продолжительное время в долине, *bloaßdappasch* — что можно перевести только приблизительно как «совсем рехнувшимся».

— Йенс Вайсфлог? Матти Никэнен? — гадали Остлер и Холльбайзен.

— Нет, неправильно. Тогда так висел в воздухе Гельмут Рекнагель, — сказал Ангерер и снова выпрямился. — В 1962-м в польском Закопане. Это нужно себе только представить: один судья поставил за это всего 16.0 баллов. Но он заслужил пять раз по 20.0 баллов!

— Прекрасно. Но теперь к нашему случаю, — сказал Еннервайн.

Ангерер расслабился и снова сел.

— Я сейчас достаточно часто смотрел телевизионные картинки, — начал он. — Существует несколько теорий. Порыв ветра. Судороги. Спортивные репортеры...

— ...уже сто раз все прожевали, — оборвал Еннервайн. — Так как я это понял, в данное время наиболее предпочтительная теория та, что для Оге Сёренсена это по-настоящему было неожиданностью, что он вообще так хорошо сошел со стола отрыва. И поэтому на какой-то момент он утратил внимание...

— ...а мне так не кажется, — перебил его Вилли Ангерер, и его мощная борода слегка задрожала. — Для того, кто прыгает в числе мировых рекорсменов, не может быть неожиданностью хорошо стартовать. Вы можете поставить на суперзамедленную съемку?

Полицейский участок был хорошо оснащен. Оге прыгнул еще раз, но теперь оооочень медленно.

— И это мы тоже видели по телевизору, — сказал Остлер.

— Вот сейчас будет. Вот здесь, смотрите: правая нога слегка скользит в сторону. Если бы Сёренсен сам двинул ногой, то это выглядело бы иначе. Мне кажется, тут кто-то выстрелил в правую лыжу.

— Вы считаете, это был выстрел?

— Именно это я и имел в виду. Я прыгал с трамплина, и я стрелок. Я разбираюсь и в прыжках, и в стрельбе.

— Господин Ангерер, давайте пока все так и оставим. Тогда на лыже должны быть следы от пули.

— Наша проблема состоит в том, — сказал Холльбайзен, — что эта правая лыжа, о которой говорит Вилли, исчезла.

— Исчезла? — спросил Еннервайн.

— Да, разве вы не смотрели новогодние соревнования?

Еннервайн покачал головой:

— Я не очень люблю спорт. У меня и телевизора дома нет. Я исходил из несчастного случая, поэтому дальше за этим не следил.

Остлер прокручивал дальше:

— Вот: лыжа отстегивается, скользит в толпу и в ней исчезает.

— Вы осмотрели...

— Конечно! — выпалили Остлер и Холльайзен одновременно. — Мы обследовали эту часть территории сразу же на следующий день.

— Никого не удивит, что мы не нашли ее, правую лыжу, — сказал Холльайзен.

— Мы установили личности нескольких человек на этой территории, и их уже допросили, — поддержал Остлер. — Естественно, никто не обратил внимание на лыжу, все как заколдованные смотрели на само происшествие.

— Может быть, какой-то фанат присвоил ее себе, — сказал Еннервайн, — в качестве трофея. При дорожно-транспортных происшествиях у нас иногда случается такое.

Холльайзен кивнул:

— Такое могло случиться, да. И фирма-изготовитель лыж заинтересована в том, чтобы эта марка больше не появлялась в связи с этим ужасным несчастьем.

— И есть еще одна возможность, — вмешался Ангерер. — Сам стрелок позаботился о том, чтобы лыжа исчезла. Чтобы уничтожить улики.

— Господин старший лесничий, — сказал Еннервайн с легкой иронией, — а теперь подумайте-ка еще раз — это реально? Кто-то стреляет в датчанина, потом идет туда, чтобы уничтожить следы? А какие, собственно, следы? Если бы лыжа не улетела, что тогда? И это все всплывает только потому, что какой-то старший лесничий, который сам раньше занимался прыжками на лыжах, смотрел чуточку повнимательнее.

— Я только подумал, — сказал тот слегка обиженно. — Я только хотел помочь. Ну нет, и не надо.

— Давайте честно, господин Ангерер. После того как по телевизору тысячу раз показали, что правая лыжа исчезла, приходите вы и рассказываете нам, что как раз в эту правую лыжу стреляли!

Но теперь старший лесничий разозлился:

— Что вы этим хотите сказать?

— Я тоже просто подумал, — сказал Еннервайн примирительно. — Без следов от выстрела на лыже вся эта теория безосновательна.

Но Вилли Ангерера уже было не успокоить. Он был страшно недоволен. Он сделал пренебрежительное движение рукой, что-то бормотал про себя, чего никто в комнате не мог понять, но звучало это примерно вроде «сволочи, проклятые»! Он поднялся с каменным лицом. Еннервайн заговорил официальным тоном:

— Господин старший лесничий, задержитесь еще на минутку. У меня к вам есть вопрос. Мне нужно, как бы это выразить, ваше мнение как специалиста. Можно ли точно прицелиться, так чтобы попасть точно в лыжу прыгуна?

— Можно, — сказал Ангерер односложно. — Например, стрельба по тарелочкам.

— А откуда такой стрелок по тарелочкам мог бы выстрелить?

— Для этого существуют сотни тысяч возможностей. С холма, из нескольких маленьких лесочков. С террасы гостиничного ресторана. С судейской вышки. Из толпы — да мало ли откуда.

Ангерер, лесничий, взял свой зонтик в чехле для ружья, отчего кругом еще больше распространилась лесная атмосфера, подписал показания и попрощался. Казалось, он вообще не был доволен тем, что и в участке его теорию не восприняли всерьез. После того

как он ушел, Еннервайн обратился к двум местным полицейским:

— Мы сделаем так. Я останусь сегодня здесь, и завтра мы попробуем разобраться в этой теории. Мы пойдем к трамплину, хочу еще раз посмотреть поближе эту территорию. Я приглашу туда Ханса-Йохима Беккера и его специалистов по фиксации следов, они проведут замеры и расчеты и компьютерное моделирование и все, что нужно. Может быть, мы прочедем местность еще раз. Сколько у вас людей?

— Почти нет.

— Очень удачно складывается. И меня тоже нет.

— Где вы собираетесь ночевать, господин гаупткомиссар?

Еннервайн вздохнул. Если бы он мог такое предположить, захватил бы с собой что-нибудь почитать. Смотреть телевизор и опустошать мини-бар было не в его правилах.

— Управление в Мюнхене на этот раз, конечно, не позаботилось о квартире для меня. А у вас по-прежнему нет комнаты для гостей?

— Кроме этих наших камер, нет.

— Что вы можете мне порекомендовать?

— Гостиницу «Эдельвейс», гостиницу «Гипфельглюк» или немного подальше, пансионат «Альпийская роза».

— Я все три не знаю. «Эдельвейс», звучит хорошо, туда я и пойду. Наверняка подойдет.

Позже Губертус Еннервайн не раз думал о том, что он от многого избавил бы и себя, и жителей курортного городка, если бы он в этот день выбрал не гостиницу «Эдельвейс», а пансионат «Альпийская роза» с директрисой Маргарете Шобер. Но мы часто бываем крепки только задним умом.

Женщина рассматривала свою обувь. На них на всех здесь была обувь с подошвами из медвежьей кожи, с верхом из оленьей кожи, на подошвы была пришта сетка, в которую набили травы, служившей защитой от холода. Верх из оленьей кожи был разного цвета, что могло означать принадлежность к какой-то определенной группе, а возможно, и социальный статус. Верх обуви доставал до щиколоток, там он завязывался шнуром, и все отливалось светло-розовым цветом, что должно было напоминать утреннюю зарю. Ее обувь имела заостренные мыски, кожа там была очень крепко сшита и еще закреплена кусочком мягкого орехового дерева. Женщина шевелила пальцами ног. Эти острые мыски выглядели как-то опасно. Девушка с шакальим лицом, сидевшая рядом с ней, бросила беглый взгляд на ее обувь, кивнула одобритительно, но тем не менее с завистью.

Рычание зверей, которое они слышали до этого, очень скоро удалилось, мужчины там, на другой стороне ущелья, снова натерли веревку смолой и еще дополнительно смазали вязким жиром сурка, так что у обеих, несмотря на все опасности, было время рассмотреть обувь друг друга. Но сейчас кое-как подправленный мост снова был готов для следующей переправы. Девушка с шакальим лицом тоже применила новую технику. Она передвигалась на руках в висячем положении, тело свисало вниз, руками и коленями она обхватила веревку, по игре мышц ее открытых плеч можно было видеть, какой силой она обладает. Она тоже не смотрела вниз, а смотрела на свои руки — захват за захватом, не ошибаться и схватиться за нужное место. Она добралась до цели еще быстрее, чем другие. Теперь оставалась только женщина. Ободренная удачными попытками своих товарищей, она быстро добралась до середины ущелья, поток, казалось, еще сильнее разбушевался с восходом солнца, и тут веревка оборвалась. Женщина рухнула в холодную бездну, ее крики долго не прекращались.

«Кто рано встает, тому Бог подает!»

Так оригинально приветствовал привыкший рано вставать Ханс-Йохен Беккер заспанного Губертуса Еннервайна, который безрадостно хлебал первую порцию кофе из пластикового стакана. А Ханс-Йохен Беккер, по всей вероятности, уже пропустил несколько стаканчиков этого бодрящего напитка. Начальник группы экспертов-криминалистов исходил из того, что все проблемы в этом мире можно решить кофеином и отточенной технологией. Он перекрыл территорию вокруг трамплина для прыжков предположительно еще до рассвета, и целая армада измерительных приборов с торчащими из них антеннами и нервно мигающих переносных компьютеров занимала все подножие трамплина. Команда Беккера была готова, компьютерщики прилипли к дисплеям, как гекконы на кафеле ванной комнаты в мексиканской гасиенде. Еннервайн с трудом удержался от вопроса, нужны ли такие затраты из-за смутного предположения старого тщеславного чудака. Но он знал, что у Беккера моментально портилось настроение, как только кто-то пытался выразить критику по поводу техники. И иногда он со своими цифровыми обходами не слишком ошибался. Последнее дело Еннервайна, в котором речь шла о USB-флэшке с чрезвычайно актуальным информационным материалом, вряд ли можно было раскрыть без содействия Беккера. Поэтому Еннервайн вначале оставил в покое мастера по жонглированию стохастическими вариантами выборочной проверки и дал указание своей собственной команде, группе, проводящей традиционное расследование, вновь прибывшим разнуживающим бультерьерам от криминалистики, гаупткомиссару Людвигу Штенгеле и комиссару Николь Шваттке, подкрепленной двумя местными полицейскими Иоганном Остлером и Францом Холльайзенем.

— Штенгеле, вы распределите людей, которые еще раз должны обыскать всю территорию. У сектора С я попрошу вас обратить внимание на следы пропавшей лыжи: деревянные обломки...

— Простите, как вы сказали — деревянные обломки? — спросил спортивного вида претендент на должность полицмейстера.

— Ну ладно, пластиковые обломки, остатки лака, металлические части крепления, все равно, что. На остальной территории основное внимание мы обращаем на пулю от пистолета или ружья, которая где-то же должна лежать, если Ангерер прав.

Штенгеле, Шваттке и оба местных полицейских кивнули.

— Мы пойдем, шеф, — сказала Николь Шваттке. Комиссар из Реклингхаузена была самой молодой в команде и самая настоящая пруссачка, если такое выражение вообще уместно с учетом вестфальских корней. Она показала на массивную стартовую полосу трамплина. — Это совсем другое место происшествия.

— Другое место происшествия, чем что?

— Чем обычные узкие помещения, которые у нас до сих пор были: кладовая для продуктов и шкафы, набитые до отказа трупами соперников и главных свидетелей обвинения, сообщников, богатых теток, шантажистов...

— Мы установим лимит времени, — сказал Еннервайн. — Если до двенадцати часов дня мы не найдем пулю, то с теорией Ангерера будет покончено. Итак, за дело!

Небольшая группка пехоты криминалистов отправилась на покрытую ледяной коркой и растоптанную территорию, оснащенная палками, пластиковыми пакетами и несколькими металлоискателями. Затребовали даже двух ищеек, специально обученных «служебных собак», им дали понюхать сохранившуюся левую лыжу Оге и его одежду, чтобы они попытались счастья на грязной территории. Поисковым собакам лабрадорам, имевшим клички Сцилла и Харибда, поиски следов не доставляли никакого удовольствия, несколько дней тому назад здесь прошло более двадцати тысяч человек — обонятельный торнадо раздражал их чувствительные носы.

У подножия трамплина заняла позицию оснащенная цифровой техникой горная труппа под верховным командованием Ханса-Йохена Беккера. Один из фанатов стратегических инноваций откусывал, совершенно в классическом духе, гамбургер и запивал колой, в которую он еще добавил пару кусочков сахара. Еннервайн задумчиво наблюдал за их действиями. Действительно ли была причина, почему именно датчанина нужно было обстрелять? Может быть, стоило вначале проверить окружение Оге Сёренсена, чем искать здесь...

— Мы, со своей стороны, уже закончили приготовление, — прервал Беккер ход его мыслей и небрежно показал большим пальцем назад через плечо. Еннервайн взял бинокль и посмотрел вверх на вершину трамплина. На самом верху выходного проема было видно две фигуры, которые медленно и осторожно двигались. Главная фигура в красной лыжной шапочке сидела на балке, нервно дрожа, а возможно, и занималась только упражнениями на расслабление мышц, в любом случае, готовая съехать вниз в долину. Вокруг этой фигуры толпились двое или трое мужчин, вероятно, убеждали ее не бояться. Наконец, фигуру в лыжной шапочке слегка подтолкнули сзади, и она поехала. Еннервайн следил за ней в бинокль. Ее манера езды была решительной, но необычной.

Гизела начала разгон, точно так же как это сделал Оге несколько дней тому назад, но Гизела не собиралась превзойти Оге, она хотела прыгнуть точно так же, как он, она была запрограммирована так, чтобы прыгнуть точно, как он. Гизела — гордость баварской полиции — была манекеном, способным с радостью работать на территории ФРГ. Гизела участвовала уже в десятке автомобильных аварий, ее расплющивали, убивали, поджигали, пропускали через решето, топили, переезжали и подбрасывали в воздух — но она всякий раз добросовестно сообщала заключительные данные жаждущим информации компьютерам криминалистов. И Беккер отправил ее сегодня снова на дело. Она была его чудодейственным оружием.

Ее пришлось сделать более худой, чтобы иметь такой же вес, как у Сёренсена. Специалисты проанализировали телевизионные кадры и преобразовали полученные данные: скорость разгона, угол прыжка, поведение в воздухе. Кроме того, фирма по производству лыж предоставила оригинальные лыжи, даже не заклеив предварительно хорошее фирменное название черной лентой. Еннервайн до этого даже не знал, что такие лыжи стоили годового оклада чиновника высокого ранга в Министерстве внутренних дел.

Предполагалось, что Гизела будет обстреляна. К этому она была привычна, с ее пропиленовой кожей она воскресала после града пуль, и тогда всегда точно знали, явился ли выстрел смертельным с того или иного расстояния, с того или иного угла, или нет. Но сегодня с ней самой ничего не должно было случиться, предполагалось попасть в ее правую лыжу точно в том месте, на которое указал Ангерер. Беккер со своими людьми рассуждал, может быть, выстрел нужно было произвести вручную, это мог сделать, например,

обермейстер франкской полиции, который в 1992 году в Барселоне получил бронзовую медаль в стрельбе по тарелочкам. Старший лесничий Вилли Ангерер также выразил готовность продемонстрировать свое мастерство в охотничьей стрельбе, после того как он окольными путями узнал о плане. Но в итоге сошлись на том, чтобы использовать автоматическое оружие с компьютерным управлением, которое давало более точные результаты. Ангерер был оскорблен.

Предмет с программным управлением, который устанавливали там внизу, был мало похож на что-то серьезное, скорее на заржавевшее духовое ружье, реквизит из ужастика, который теперь следит за траекторией Гизелы и должен стрелять по ее лыже на высшей точке зенита.

— Какой калибр вы берете? — спросил Еннервайн. — До тех пор пока мы не найдем пулю, нам не от чего оттолкнуться.

— Мы будем стрелять калибром 5,45 мм. Действие всех других размеров пули мы сможем вычислить в сторону уменьшения или увеличения.

— А почему вы установили ваше духовое ружье именно в этом месте? — добавил Штенгеле. — Мы ведь совершенно не знаем, где стоял или лежал стрелок.

— Это место также условная точка моделирования. Все другие места можно рассчитать отсюда.

— Можно ли это будет использовать в суде? — спросил Еннервайн.

— Нет, конечно, нет. Но если потребуется подтвердить подозрение или опровергнуть...

— ...и стоит все это десятки тысяч денег налогоплательщиков, — продолжил Еннервайн мысленно.

Гизела прыгнула и висела в воздухе почти как один из великих прыгунов. Было удивительно смотреть на это, даже для не специалистов по технике, трудно было представить, как это можно заставить кучку колесиков и железа, — ах, простите, Гизелу, — мешок с болтами, совершить такой прыжок, которым мог бы гордиться любой спортсмен. Ну ладно, несколько очков с нее сняли бы наверняка, за дрожание и размахивание руками, за не очень безупречную позу, за не совсем человекоподобную угловатость. А сейчас, когда она была на самой высокой точке, у нее сорвало правую лыжу, ржавое духовое ружье внизу пальнуло, и из-за этого она полностью сошла с пути. Полностью. Гизела сдалась. Она еще посылала поток данных измерений на наземную станцию, затем она направила свое движение к неизбежной нулевой точке.

И даже выдавший виды инженер из команды Беккера отвернулся и подумал об Оге Сёренсене. Соответствующие телевизионные кадры были еще слишком живы в памяти.

— Кто-нибудь знает, как у него дела? — спросила Николь Шваттке. — У бедного датчанина?

— Точно никто не знает, — ответил Еннервайн. — Во всяком случае, допрашивать его еще нельзя.

На самом деле Оге Сёренсен, до которого отсюда было рукой подать, все еще был без сознания, его мысли все больше и больше уходили в изначальные извилины мозга. В поисках Тора Оге склонился с серой в яблоках лошади Галлтопп и спросил Тёкхильду, проводницу, и она показала ему своей жилистой рукой на покрытый лесом холм вдали. В палате по-прежнему булькало, пищало и трещало, и Оге (или остатки Оге, так как великан с пилой для

распиливания костей уже сделал свое дело) был не один. Маленькая женщина, стоявшая сейчас в палате, была также одета в зеленовато-голубую одежду, начиная с кокетливой операционной шапочки и до простых сабо, она очень была похожа на ангелов в зеленовато-голубой одежде, но по ней сразу было видно, что она не была ни врачом, ни сиделкой. Она наклонилась над Оге, и между пыхтением аппарата для искусственного дыхания и пицанием ЭКГ она разговаривала с лежащим без сознания, который сейчас скакал по Кригальду, лесу забвения. Маленькая женщина разглядывала его лицо и прикасалась к нему кончиками пальцев. Затем она повернулась и что-то делала со шлангом для вливания. Это было кишечное вливание, которое поступало непосредственно в желудок и таким образом обеспечивало искусственное питание. Маленькая женщина открыла баночку фирмы «Тапперваре» и набрала шприцем немного полужидкой каши. Она немного помедлила, воткнула шприц в шланг и выдавила в него красноватое содержимое, пока шприц не опустел.

Дорогой господин комиссар,

сколько писем я уже написал, и не отослал. Отправлю ли я это письмо, одному Богу известно. Я часто спрашиваю себя, что вы делаете с таким письмом. Откладываете ли его сразу в сторону — потому что ведь ничего еще не произошло? Действуете ли строго согласно служебным инструкциям? Или сразу отдаете его на рассмотрение своей команде?

Но сейчас о продолжении моих действий. Я как раз занимаюсь одним делом, которое представляется мне довольно интересным, чтобы мы могли заняться им оба. Это относительно редкое, но тем не менее стабильное правонарушение с большим резонансом, и при хорошей подготовке оно могло бы доставить удовольствие обеим сторонам. Слово, которое для этого существует, некрасивое, оно звучит прямо-таки грубо, многие недобросовестные работники и дилетанты пытались браться за него, но только слегка разбрызгивали кровь. Я хочу сделать это поэlegantнее, поверьте мне, господин комиссар. Поэтому вы должны дать мне еще немного времени, вам ведь все равно ничего другого и не остается, но я обещаю вам: дело того стоит.

До скорой встречи, с наилучшими пожеланиями из — я повторю еще раз: Грайнау — Ваш (в скором времени) преступник.

Никто не пел *Do not forsake me, oh my darling!* («Не оставляй меня, мой дорогой!»), но тем не менее уже было двенадцать часов дня, и комиссар Еннервайн собрал вокруг себя детективов. Все поместились в одной закусочной палатке, которую лыжный клуб им любезно предоставил. Но не было ни выпечки в форме звездочек с корицей, ни глинтвейна, зато Людвиг Штенгеле, самый старший по званию в команде, выставил на деревянный стол целую кучу пластиковых пакетиков с разным содержанием и надписями.

— Какие результаты? — спросил его Еннервайн. — Кажется, у вас была неплохая добыча.

Штенгеле не был в таком восторге.

— Да, неплохая, но в результате не совсем удовлетворительная. Мы нашли всего пятнадцать пуль от пистолета, в различных местах, разбросанных по территории. Я думаю, если получше поискать, то можно найти еще больше.

Еннервайн только бегло взглянул на них. Он не был из тех, кому доставляло удовольствие только по виду пуль от пистолета делать выводы о биографии стрелка.

Находки все равно еще будут исследоваться в лаборатории. Но Беккер уже стоял у стола и с лупой наклонился над пакетиком. Здесь не хватало только еще войлочной охотничьей шляпы.

— Интересно, очень интересно, — бормотал он и приподнял один пакетик. — Эта пуля здесь совсем заржавевшая, наверное, она пролежала десятки лет. Она от пневматического ружья и, должно быть, влетела во что-то очень крепкое. Видите, как она сплющена? И другие вот...

Беккер не очень спешил. Шерлок Холмс за это время уже распутал бы три дела, победил бы двух Мориарти.

— ...тоже по меньшей мере трехмесячной давности, — завершил свою мысль Беккер.

— Ни одна не была выпущена недавно?

— Нет, определенно нет, но мы исследуем это поточнее.

— У меня вопрос, Беккер, — сказал Еннервайн, — только на тот случай, если лыжа не появится, а мы все же найдем пулю, которая была выпущена в Новый год. Сможем ли мы в таком случае доказать, что она попала в такую доску, как эта?

Еннервайн показал на лыжу для прыжков, которую им предоставил представитель фирмы по выпуску лыж.

— Конечно, мы сможем это доказать, это не вопрос. Но для этого нам потребуется пуля.

— Тогда мы попросим подкрепление, — предложил Штенгеле, — и обыщем еще раз всю территорию.

— Затраты мне представляются слишком большими, — сказал Еннервайн. — Нам придется перекрыть всю территорию на несколько дней, может быть, даже окружить рвом, и все это из-за какого-то неопределенного подозрения. Знаете, что это означает для такого ориентированного на туристов курорта, как этот? Пресса разорвет нас, бургомистр сожрет нас. Если бы речь шла о жизни и смерти, то я бы сразу с этого начал. Но при данных обстоятельствах...

— Я подобрала все находки, которые похожи на щепки от лыжи, — сказала Николь Шваттке, когда наступила пауза. Она высыпала на стол груз еще из нескольких пакетиков,

где можно было увидеть перья, винты, шарниры и другую мелочь. Все это было найдено вдоль лыжни Сёренсена.

Еннервайн кивнул представителю всемирно известной фирмы по производству лыж, единственному гражданскому лицу здесь, на месте происшествия. Он подошел к столу и покачал головой:

— Нет, на первый взгляд я не смогу обнаружить ни одной детали с той модели, с которой прыгал Сёренсен. Мне нужно бы было все посмотреть еще раз повнимательнее. Но...

— Что, но?

Представитель всемирно известной фирмы по производству лыж поднял с полицейского рождественского базара пакетик побольше, и глаза у него засверкали.

— Это кусок пружинного крепления Френелли, которое изготавлилось еще в пятидесятые годы. Кстати, абсолютно ненадежное, с ним было три смертельных случая, тем не менее — чудо немецкой послевоенной инженерной техники. Можно мне его взять себе?

— Это все вещественные доказательства, — проворчал Штенгеле.

— Но ведь содержимое этого пакетика ничего не доказывает.

— До тех пор пока специалист не определит, что это вещественное доказательство ничего не доказывает, оно остается вещественным доказательством. — Штенгеле после этой фразы даже немного испугался ее поэтического звучания.

— Но ведь я специалист.

— Если вам это доставляет удовольствие, то пойдите и поищите себе сами что-нибудь для коллекции и игры. Этот пакетик останется здесь, — сказал Еннервайн и отвернулся от разочарованного представителя крупной фирмы. — А что у вас, Остлер?

— Моя находка, как бы это сказать, довольно несерьезная, — ответил тот. — Собаки что-то нарыли, там, почти на краю леса.

— Да, — смущенно поддержал коллегу Холльайзен. — Обе служебные собаки, Сцилла и Харибда, были натасканы на лыжу Оге Сёренсена. Вдруг они стали визжать и копать. Мы помогали им, и вдруг открылось полдесятка костей.

— Да, — продолжил Остлер. — Вначале у нас чуть сердце не остановилось.

— Останки были ужасно похожи на человеческие бедренные кости.

— Как вы сказали?

— Мы профаны в медицине. И ни одного доктора поблизости, поэтому мы быстро сделали фотографию на мобильник и послали судмедэкспертам.

— И что?

— Они умирали от смеха. Но мы тоже так подумали. Перед местом находки во время больших спортивных мероприятий обычно ставится переносная закусочная.

— Постойте, я сейчас угадаю: фирменное блюдо там — настоящие баварские телячьи рульки?

— Да. А остальное можно самому додумать. Мы не приложили кости к вещественным доказательствам.

Представитель всемирно известной фирмы по производству лыж снова вмешался.

— Но это была бы прекрасная возможность прятать трупы. Их закапывают ночью за закусочной будкой и закрывают сверху телячьими костями. Потом сами заявляют о находке, вызванные полицейские начинают работу, но после обследования первой кости они понимают: ложная тревога.

— Я возьму это себе на заметку, — сказал Еннервайн. — Если я когда-нибудь решу заменить свою команду на другую и не буду знать, куда девать старую. Но пойдем дальше.

Еннервайн посмотрел в сторону командира Беккера и его гусаров-электронщиков.

— Гизела сделала всю работу, — сказал тот. — Она чуть не побила рекорд датчанина по прыжкам.

— Как ее самочувствие?

— Очень хорошее. Мы не дали ей упасть на твердую почву, постелив для нее несколько мягких матов. Тем не менее она рассчитала шансы на выживание.

— И как?

— Три процента. Но это не было предметом исследования. Давайте перейдем к предварительному подведению итогов. Мы не знали, каким калибром была обстреляна лыжа Сёренсена, или могла быть обстреляна. Это не было пневматическое ружье, оно так далеко не достает, наверное, это не было ружье для охоты на медведя Старого Шаттэрхэнда, которое якобы попадает даже с расстояния в семь миль. Мы исходим из среднего значения 5,45 мм, это могло бы дать примерно такое отклонение, как мы это видели на записи. У Гизелы лыжу оторвало довольно сильно, она не была запрограммирована на то, чтобы сохранить свой курс или сопротивляться. У Сёренсена лыжу оторвало с такой же силой, но он очень мощно и ловко сопротивлялся. Правда, он не совсем справился, как мы все знаем, но он был наверняка неплохим прыгуном. Он предпринимал прямо-таки героические усилия, чтобы удержаться.

— Но при условии, что тезис Ангерера верный, — добавил Еннервайн. — Несмотря на все, наверняка интересные находки и заключения, я должен констатировать, что сегодня мы ничего не обнаружили, что могло бы доказать постороннее воздействие. Нет пули, нет лыжи, нет дополнительного свидетеля...

Еннервайн сделал такую же продолжительную паузу, как перед этим Беккер. Все ожидали решающего слова мастера, заявления шефа, речи Великого председателя. Но Еннервайн был краток.

— ...поэтому я предложу сегодня моему начальству и прокурору прекратить расследования.

Баста. Никакой пули, никакой лыжи. Никакого следа крови, который тянется от территории трамплина, мимо судейского стола и до одиночной камеры далекого Юваскюля (JVA), где пожизненно томятся одичавшие ненавистники спорта и обидчики датчанина.

— Тогда собираем наши вещи?

— Да.

Было еще раннее послеобеденное время, меж тем собралось несколько любопытных, но они могли наблюдать только отступление команды.

— Извините, а полицейские здесь настоящие? — спросил кто-то, когда люди Беккера проносили мимо них свои ящики. — А может, снимается детективный фильм? А вон тот, это ведь Хью Грант или?..

Калим аль-Хасид и его телохранитель Юсуф стояли где-то на этом свете вместе, на обычном расстоянии в пяти или шести метрах друг от друга, в досягаемости для прыжка, на расстоянии слышимости и на расстоянии выстрела. Где-то на этом свете, потому что с фойе отелей все обстояло так же, как и с ресторанами фастфуда. Находясь внутри, невозможно угадать, на каком континенте ты находишься. Но в задачи Юсуфа не входило знать, где он сейчас как раз находился. Его работа заключалась в том, чтобы Калим аль-Хасид пережил день, где бы он ни находился. Объект Юсуфа наконец-то обнаружил долгожданного спонсора в толпе в холле отеля, он махнул ему рукой, и оба буквально провалились в кожаный диван. Не прошло и пяти минут, и Калим уже изображал руками огромный трамплин для прыжков, который выступает далеко в море. Наверное, так Одиссей объяснял своим спутникам дорогу на Итаку, но при этом он в отличие от Калима не опрокинул цветочную вазу. Юсуф устроился так, чтобы ему были видны входные двери.

— Это будет трамплин с искусственным покрытием? — спросил спонсор.

— Ни в коем случае, нет, никакого искусственного покрытия! — ответил храбрый спортивный мечтатель из Дубая и попытался промокнуть вылившуюся из вазы воду. — Это будет настоящий, оригинальный, скандинавский трамплин для прыжков на лыжах с белым снегом, с рыхлым снегом, с вечным снегом, со снежным настом, со свечением и со всем, что положено.

— А как вообще будет «снег» по-арабски? — спросил спонсор.

— Видите ли, мы, жители пустыни, всегда любим это описывать. Ослепительный дар неба, который в Европе сокращает людям путь и озаряет их сердца — что-то в этом роде.

— А разве нет более короткого слова для обозначения снега?

— Я планирую ввести в арабский язык пару десятков выражений для обозначения *снега*. Когда снег там появится, то найдутся и слова для него. Но вначале снег должен произвести на людей непосредственное впечатление. Снег должен быть таким белым, чтобы дети выбежали на снежную полосу и чтобы им захотелось поиграть в снежки.

— Играть в снежки с искусственным снегом?

— Искусственный снег! — воскликнул Калим аль-Хасид в ужасе. — Да как вы можете так думать. Это не входит в мою философию. Конечно, настоящий снег!

— Настоящий снег в Дубае?

— Мы завезем, ну как пример, настоящий снег с Альгойских Альп самолетами. В понедельник будет Оберстдорфский снег, во вторник оригинальные *брызги шампанского* из Калгари, в среду финский *вечный снег* из Тампере. И затем: согласованные линии продукта. В первый день в окрестных ресторанах будут подавать оригинальные Альгойские сырные клецки, на следующий день сочные американские бифштексы, какие только можно себе представить, на третий день...

— Очень любопытно, — сказал спонсор.

— Вы хитрец, вы меня подловили! — засмеялся Калим. — Но принцип ясен. Только оригиналы, никакой подделки. Это моя философия.

Юсуф продолжал наблюдать за прибывающими гостями отеля. Он учитывал всех, контролировал всех, даже старую маленькую хрупкую даму, которая как раз с трудом проходила через распашную дверь и выглядела так безобидно с подкрашенными в голубой

тон волосами, с потертым чемоданчиком и неловким жеманством. Именно таких выглядящих совершенно мирно созданий Юсуф осматривал особенно внимательно. Но как раз эта хрупкая маленькая дама была, вероятно, настоящей хрупкой маленькой дамой, и он беспрепятственно пропустил ее. Потом вошел один тип, который хотел казаться совершенно хладнокровным, он изучал проспект у регистрационной стойки, но его короткие, бросаемые украдкой взгляды в сторону камеры наблюдения в фойе отеля выдавали в нем того, кто зарабатывал себе на жизнь не торговлей овощами. Юсуф знал его, это был мелкий скупщик добытого преступным путем имущества в магазине художественных изделий. Уровень тревоги ниже. Никакой опасности для его объекта.

Юсуф расслабился. Он размышлял о событиях в новогодний день. Своему работодателю Калим аль-Хасиду он ничего не рассказывал. Не хотел ставить себя в неловкое положение, если он признается, что вообще не владеет ситуацией. Вся эта история совсем не подходила в качестве рекомендации для телохранителя. Он вступил в контакт с несколькими присутствовавшими там коллегами, немного с ними поболтал, и затем, как бы вскользь, незаметно, насколько это было возможно, спросил, не заметили ли они чего-то необычного. Никто ничего не заметил. Никто ничего не видел. Он отдал на анализ в лабораторию кусочек ковра из ВИП-ложи, окончательных результатов пока еще не было, но химик уже сказал ему, что на ковре действительно были следы крови, на которые он тогда обратил внимание из-за их темноватой окраски. Следы крови могли принадлежать даже разным людям. Но у Юсуфа в отличие от полиции, конечно, не было базы данных, с которыми он мог сравнить следы. Юсуф слышал, что в окружении итальянской мафии был какой-то сумасшедший, который создал Сеть, которая собирала по всему миру кровь, слюну и отпечатки пальцев известных современников. Эти вещи можно было использовать для того, чтобы оставлять ложные следы, добиваться шантажом политических решений, чтобы на высшем уровне вмешиваться в ход мировых событий. Юсуф собирался вступить в контакт с этим австрийцем (а это и был австриец).

Компьютеры свезли вниз, отсоединили удлинитель 0,5 переходника ХУ4, стащили ящики, загрузили машины, и гаупткомиссар Губертус Еннервайн отошел немного в сторону, чтобы поразмышлять над мелочью, которая засела у него в голове. Прежде чем позвонить своему шефу, чтобы окончательно закрыть дело, он хотел пройтись еще по одному следу.

Уже утром он поговорил по телефону с Марией. Доктор Мария Шмальфус была полицейским психологом и тоже входила в команду. Ее не взяли сюда, так как случай казался очень сомнительным. Еннервайн дал Марии поручение. Сейчас он звонил ей. Она быстро взяла трубку, поскольку уже ждала его звонка.

— Что вы выяснили о Сёренсене, Мария?

— Все, шеф. Датские коллеги охотно откликнулись. Оге Миккель Сёренсен, 24 года, законченное высшее образование по специальности учитель физкультуры, не женат, нет подруги, нет детей, не принимает наркотики, не вовлечен ни в какие скандалы с допингом. К судебной ответственности не привлекался, не имел никаких контактов ни среди богемы, ни с преступным миром. Проживает в Скагене, в Северной Ютландии, домик, не обремененный долгами, с видом на море. Ничем не примечательная личность.

— То есть, нет никого, у кого была бы причина.

— Абсолютно никого, если не считать его мать, его единственную родственницу, которая в случае смерти Оге смогла бы получить приличную сумму по страхованию спортсменов.

— Мать, которая ездит во всей Европе со снайперской винтовкой, убивает своего единственного сына во время прыжка с трамплина, чтобы устроить себе на деньги от страховки хорошенькую жизнь в Ютландии?

— Это скорее исключается. И другого приемлемого мотива, для того чтобы убить Сёренсена, тоже нет. Но...

Мария сделала паузу. Еннервайн смотрел сейчас, как Штенгеле и Шватке по настоянию любопытных зрителей вынуждены были позировать для фотографии на память из отпуска. Они ведь находились в туристическом месте. У Еннервайна было смутное предчувствие, к чему Мария клонила со своим «но».

— Я посмотрела как-то результаты крупных международных турниров по прыжкам на лыжах за последние два года, шеф. При такой элитарной дисциплине не является неожиданностью то, что появляются все время одни и те же имена, и прежде всего в числе первых.

— Я все равно задаю себе вопрос, что в этом виде спорта вообще может быть увлекательным.

— Наш несчастный образцовый датчанин обычно не играл в первой лиге, — продолжила Мария.

— Я знаю, ему повезло попасть в финал.

— Не то слово, здорово повезло! Но есть другой кандидат, который мог бы быть в том числе. И он тоже никогда не участвовал среди первых. Это русский по имени Юрий Атасов, ему 39 лет, и он уже слишком старый для прыжков с трамплина, но он крутой парень. И неудивительно. Он закончил Военную академию в Москве.

Еннервайн сразу очнулся:

— Военная академия? Он был военным?

— Да, у него там было звание генерал-полковник. А в таком возрасте его можно получить, если работаешь на Комитет государственной безопасности.

— То есть на КГБ.

Эти три звучных буквы Еннервайна еще на какое-то время повисли в комнате.

— Именно так. На КГБ, — продолжила Мария, — которого с девяносто первого года уже не существует, но тем не менее это Юрий Атасов, бывший кагэбэшник, который только случайно не оказался в том месте, в котором прыгал Оге Сёренсен.

— Могу себе представить, к чему вы клоните, Мария. Попробуйте выяснить все об Атасове.

— Я уже все время этим занимаюсь, шеф, — сказала Мария.

— Я скоро позвоню.

— Спасибо, Губертус.

Он задумчиво закрыл свой мобильник, потом пошел в закусочную палатку.

Там стояли эксперты-криминалисты вокруг Беккера, а отдельно от них проводящие расследование традиционными методами чиновники вокруг Штенгеле. Беккер обратился к нему:

— Новые результаты?

— Как посмотреть. Один след, но достаточно некорректный.

— Я не удивляюсь, ведь пули нет!

Эксперты-криминалисты ухмылялись, Беккер все больше веселился. И если бы он не был так хорош в профессиональном плане... Еннервайну нужно было сейчас отметить свой участок.

— Еще нельзя исключать, что такую блестящую пулю, которая лежит в снегу, заметил какой-то зритель и взял ее с собой в качестве сувенира.

— Такое возможно, — сказал Беккер и ухмыльнулся еще шире. Он что-то замышлял. — Ах, кстати, вы нашли при ваших усердных поисках пулю 5,45 калибра, которой мы выстрелили из духового ружья по лыже Гизелы?

Смущенное молчание.

— Эта пуля, которую совершенно точно выпустили, не обнаружена десятком чиновников? Может быть, ее проглотила собака, — пошутил Беккер. Пешие криминалисты проиграли со счетом 0:1.

Это, что касается темы ручного расследования, подумал Беккер, и Еннервайн знал, что Беккер от этого подумал. И Беккер знал, что Еннервайн это знал.

— Вы это имели в виду? — спросил Еннервайн, сунув руку в карман куртки и бросив Беккеру на стол пулю 5,45 калибра.

А там в клинике, в комнате одноногого Оге, вязкая розовая каша, которую мама Сёренсена впрыснула в капельницу, медленно смешивалась с прозрачным раствором. Она полоской стекала вниз, до самого желудочного зонда и исчезала там в желудке Оге. Мама Сёренсен привезла своему сыну хорошую порцию пудинга с фруктовым соком. И санитар согласился на то, чтобы добавить еще немного этого датского пудинга, который она размешала венчиком для пюре, в раствор для вливания. Любимое кушанье Оге

просачивалось, мама Сёренсен рассматривала лицо ее единственного сына. Ей показалось, что он довольно улыбнулся.

Жаждающие воздуха гости пансионата «Альпийская роза» были все без исключения на природе, так как в этот январский день небо сияло таким живым голубым цветом, какой только городской человек, привыкший к серой дымке, мог себе пожелать. Только директриса оставалась в доме, фрау Маргарете Шобер на регистратуре читала дешевый роман с наводящим на размышление названием «Три сердца в смятении» и слушала при этом грохочущую духовую музыку, несущуюся из аудиоплеера. Из-за этого она не слышала первого выстрела, а потом из-за «Хитпарада немецких маршей» не слышала и остальных выстрелов (или приняла это за особенно ухарский эффект от ударов на литаврах).

Единственные гости пансионата, оставшиеся в доме, были гости из номера 12а, и когда внизу грубое топанье в «Марше стрелков Тольца» дошло до кульминации, терминатор Сунь Ю выстрелил. Шан и Вонг стояли у кровати. Они подняли голову доктора Штайнхофера вверх и проверили зрительный рефлекс. Нельзя было не заметить, что рефлекс отсутствовал. Они осторожно сняли его с Сунь Ю и положили на пол. Терминатор, лидер их группы, их криминальная голова, второй такой не было в Чаояне, произвел смертельный выстрел из последних сил. Потом он опустился на подушки и потерял сознание.

— Мы сами должны вынуть пулю, — сказал Вонг.

— Или мы приведем сюда другого врача, — сказала Шан.

— Мне это кажется слишком рискованным. Мы должны оперировать. Я уже один раз видел такое. Нужно действовать, только очень быстро и решительно.

— Ты будешь делать?

— Да, я. Сунь Ю еще без сознания, но выглядит так, как будто ему пока не стало хуже. Поэтому я для осторожности попробую операцию на другом объекте.

Короткий пугливый блеск появился в глазах Шан.

— Нет, не бойся, — сказал Вонг, — я быстренько схожу в мясную лавку за углом.

С мясными магазинами поблизости за углом в Баварии была некоторая специфика. Шан и Вонг не знали, что в баварских мясных магазинах тусовались самые болтливые местные бизнесмены и что там не так просто и без всяких объяснений можно купить кусок окорока, чтобы в него пострелять. Вонг вошел, и продавщица сразу же подскочила к нему, у нее было чутье на покупателя.

— Что желает господин?

— Мне нужно десять или пятнадцать килограммов мяса.

— У вас намечается какое-то большое мероприятие? Вы хотите жарить на гриле?

— Да. Там в витрине снаружи я видел четверть свиной туши, я хочу ее купить.

— Сейчас зимой вы собираетесь жарить на гриле? Что город, то норв!

— Вы просто дайте мне этот кусок.

— Да, устраивать гриль с друзьями всегда весело!

— Да, правда.

— Но он у вас в печь не поместится! Я вам порублю его на меньшие куски.

— Нет, только не это!

— Как хотите. Разве вы не готовите по-китайски?

— Конечно, готовлю.

— Поэтому я и подумала, ведь китайцы любят все мелко резать.

Вонг подумал, что все прошло незаметно. Он взвалил четверть свиной туши на спину и пошел обратно к пансионату «Альпийская роза». Фрау Маргарете Шобер была настолько погружена в чтение «Три сердца в смятении», что она не заметила свиную ношу чаоянца. Войдя в номер наверху, Вонг распаковал свою покупку и выстрелил в нее с расстояния нескольких метров. Потом он взял пинцет старого доктора Штайнхофера и начал ковырять им в отверстии пули свиной лопатки. Торжествуя, он достал через некоторое время пулю.

— Попробуй еще раз для уверенности, — сказала Шан.

Вонг еще раз выстрелил в бедную свинью, которая предназначалась для солидного, красиво оформленного стола, может быть приготовленная как медальон или как классическое жаркое из свинины, но сейчас туша использовалась не по назначению, о чем любопытная продавщица мясной лавки и подумать не могла. И кстати, из-за своей болтливости чуть не оказалась в опасности для жизни.

— А теперь у Сунь Ю, — сказала Шан решительным тоном, как бы поднявшись до лидера их маленькой группы.

Но когда они приблизились с пинцетом, Шан и Вонг заметили, что Сунь Ю открыл глаза.

— Вы уже удалили пулю? — сказал он тихо, но четко. — Я больше не чувствую боли. Кто из вас оперировал меня?

— Никто из нас тебя не оперировал.

То, что Сунь Ю вообще не чувствовал боли, могло бы насторожить Шан и Вонга, но они не подумали об этом и просто радовались за Терминатора.

— Я еще немного оглушен, но у меня такое ощущение, что боли как-то разом исчезли.

Он делал попытки встать, чтобы умыться, одеться и снова взять на себя руководство боееспособной тройки. Но ноги ему не повиновались, руки отказывались служить, Сунь Ю мог только шевелить головой. У него был поперечный паралич. Последняя операция доктора Штайнхофера была успешной. Уколом из последних сил он вызвал у своего мучителя неполный паралич шейного отдела S 14. Скальпель застрял, но Терминатор и этого не чувствовал.

— Ты знаешь, что означает такой паралич? — сказала Шан.

— Да, знаю.

— При хорошем медицинском уходе шансы на выживание есть. В Шаояне есть специальные клиники.

— А как вы собираетесь меня перевезти в Шаоянь, болваны? — резко перебил Сунь Ю. — Проект, который мы хотим осуществить, должен быть продолжен без меня.

— Тогда у меня такое предложение, — сказал Вонг после небольшой паузы, — мы отвезем тебя на несколько сотен километров подальше отсюда и оставим тебя перед какой-нибудь клиникой. Ты выдашь себя за жертву триады «Суньон». И пока следы доведут сюда, у нас будет время ликвидировать все следы и исчезнуть.

— Нет, мы так делать не будем, — сказал Сунь Ю привычным командным тоном. — Слишком велика опасность, что наш план будет раскрыт. Нельзя ставить под угрозу проект, который должен поднять престиж нашей страны.

Он произносил речь перед своими подчиненными, как будто речь шла о героическом самопожертвовании, о подчинении великим, далеко идущим целям и о чести Чаояня.

— Мы хорошо подготовили операцию, друзья, — сказал он дрожащим голосом. — Ты, Вонг, проделал блестящую работу. И ты, Шан, тоже блестяще справилась со своей задачей. Я не знаю, что это была за трусливая и коварная крыса, которая стреляла в меня. Но это не так важно. Важно, чтобы Олимпийские игры в 2018 году прошли в Чаояне.

Голос Сунь Ю стал сейчас таким мощным, что его было бы достаточно для обращения перед строем.

— Наш смелый план осуществить покушение на Жака Рогге был сорван. Но у нас есть план Б, так как Рогге весной еще раз приедет в это место. Найдите помощников и устройте покушение на него еще раз. Доведите план до конца без меня.

Шан и Вонг смущенно молчали.

— То есть мы тебя застрелим, — сказал Вонг тихо.

— Нет, — сказал Сунь Ю, — застрелить не очень почетно для такого заслуженного человека, как я. Используйте ка-то. Вы знаете путь к сердцу.

— Прямо сейчас? — спросил Вонг.

— Прямо сейчас, — сказал Сунь Ю.

Так и должно было произойти. Сунь Ю был шефом. Его слово было решающим. Вонг достал свой незаметный стилет, приставил острое к груди Сунь Ю и нанес удар. Отдававший приказ Терминатор не чувствовал боли, но все-таки что-то пошло не так, изо рта у него пошла кровь, но он был еще жив. Вонг вынул из него маленькую рапиру и хотел попробовать еще раз.

В дверь постучали.

— Я вымыла морозильный шкаф, — крикнула фрау Маргарете Шобер из-за двери. — Вы его сейчас занесете?

Шан и Вонг пошли к двери и открыли, до этого растрепав свои волосы и делая вид, что прервали их любовные игры в стиле старого Пай-Ти-О. Вонг даже расстегнул брюки.

— Не преувеличивай так, — сказала Шан.

— Ах, так, — сказала фрау Шобер и посмотрела вниз на Вонга.

— Ничего, — сказал Вонг.

— Ничего страшного, — сказала Шан. — Мы все равно уже закончили. Мы сейчас спустимся с вами.

Оба пошли с ней в подвал, фрау Шобер вначале должна была отпереть дверь, она настаивала на том, чтобы объяснить принцип работы морозильного шкафа на основе инструкции по эксплуатации. Оба понесли морозильный шкаф вверх по лестнице, поставили его у двери и беседовали еще некоторое время вежливо с хозяйкой пансионата. Они не хотели ни в коем случае показать какое-то необычное поведение. Когда она наконец ушла, Шан и Вонг, запыхавшись, бросились в комнату и констатировали, что за это время Сунь Ю умер. Открытые глаза и перекошенный рот свидетельствовали о мучительной смерти. Он задохнулся. Это было в первый раз, когда Вонг неточно попал своим ка-то.

Морозильный шкаф фрау Шобер был слишком маленьким для двух трупов, Вонгу с трудом удалось втиснуть их оба. Шан, цветок лотоса, села к столу, открыла свою портативную пишущую машинку и начала писать письмо.

Ильзе Шмитц страшно ругалась, попав в сетку примерно в метре над бурлящей поверхностью воды, и, так как ее сейчас никто не мог слышать, она ругалась как подмастерье резчика по дереву из Обераммергау. *Kreizkruzifixalleluia* было еще самым печатным ругательством. Здесь внизу, в ущелье долины Хелленталь, был ледяной холод, и если вскоре не появится кто-нибудь с теплым одеялом, она схватит сильный насморк, и три следующих дня ей придется пролежать в постели, она не сможет принять участие в важных для дальнейшей карьеры переговорах, не сможет поэтому попасть в круг среднего руководящего состава, не сможет снимать дом на Штарнбергском озере — или по меньшей мере не сможет установить новое зимнее джакузи. Пока летела вниз, она потеряла свои туфли периода нового каменного века, поэтому больше всего у нее мерзли ноги, она чувствовала, что с них уже начинается простуда и распространяется по всей остальной Ильзе Шмитц. Как раз вчера она была в парикмахерской, а теперь промокла до нитки, и спадавшие спиралью локоны (которые должны были подчеркивать смелость и упорство, как сказал консультант по имиджу) прилипли к щеке. Фрау Ильзе Шмитц, заместитель второго менеджера по работе с персоналом фирмы QQи, которая непременно хотела стать первым, неловко перекатывалась и решила самостоятельно, без посторонней помощи слезть с защитной сетки — может быть, это принесет ей еще несколько дополнительных очков при таком слишком рискованном приключении.

Раньше катание на лыжах, турпоходы и скалолазание были естественными основными спортивными программами альпийского туристического центра, с очень давних пор, но такими избитыми способами передвижения молодых людей (а для курорта это были люди моложе шестидесяти) уже невозможно было заманить. Бизнес агентств, еще предлагавших нечто подобное, схлопывался. Классические проводники в горах с бородкой и усами и длинной палкой давно ушли в прошлое. Крупные агентства избавились от этой обузы и стали предлагать рафтинг, треккинг и бейс-джампинг, но и такие виды спорта времен бабушек тоже вышли из моды. Как можно произвести хорошее впечатление на встрече менеджеров в Барселоне, если рассказывать о том, как вы с Рози Миттермайер во время медленной прогулки кормили белочек. Не впечатляет. И напротив, на каком-нибудь выездном мероприятии после работы в семинарах очень могут понравиться приключенческие игры с определенным риском, и как раз такие программы стало предлагать Мюнхенское агентство по организации поощрительных и событийных мероприятий «Impossible». Оно предлагало необычайные острые ощущения для любителей экстремального туризма, в программу входили: скалолазание ночью, поло на вертикальной стене, исторические восхождения на горы, турпоходы в неподходящей обуви, прыгание по лавинам на искусственных сходах лавин, серфинг на подвесных канатных дорогах, дегустация вин в бурных горных потоках, литературные чтения высоко в горах, инсценированные встречи с медведями и йети, и многие другие экстравагантные безумства, которые предназначались в основном избалованной бизнес-публике.

Управление по туризму курорта было в восторге, ведь такой деятельностью можно привлечь новую платежеспособную публику. Даже несчастные случаи, случавшиеся время от времени, делали косвенную рекламу туризму. В горах небезопасно, а это суть и экономики,

и Альп. А восхождение в горы — это вам не хальма.

Фрау Шмитц принимала здесь, на курорте, участие в конференции на тему управления персоналом, посещала семинар под названием «Наш персонал — наш капитал», это было описание того, как можно быстро и без юридических последствий избавиться от никчемных в трудовой жизни кадров (или повысить их на более высокий уровень, на должности, где они не смогут принести никакого вреда, эти неумехи). Было бы ошибкой не принять участие в организационно связанном с этим мероприятии «Вперед, в неолит». Вряд ли кто-нибудь мог ответить на вопрос, в чем заключался глубокий смысл таких дорогих игр, но согласились с распространяемым специалистом по психологии труда тезисом, что это сплачивает коллектив.

Было вводное занятие, нужно было отличить рев опасного саблезубого тигра от неопасного мамонта; если кто-то начинал убегать от второго, то за это снимались баллы. За смертельное ранение участника приключения также снимались баллы. Насколько это соотносилось с действительной оценкой персонала, сказать никто не мог, но тот, кто постоянно срывался, кого людоеды из Обераммергау засовывали в котел, убивали, вешали, сажали на кол, как фрау Шмитц, даму в кожаной шляпе, наверняка не имели шансов быть выбранными в более тесный круг менеджеров по персоналу. Так она думала и снова видела себя, сидящей в луже, без джакузи. (И девушка с шакальим лицом, ее основная конкурентка на фирме QQц, наклонялась к ней и шептала ей в ухо что-то непристойное.)

Наконец показались два помощника агентства «Impossible» в ярких жилетах на дороге, которая вела и ущелье долины Хелленталь.

— Так, фрау Шмитц, вы опять мертвы?

— Кажется, да, — подавленно сказала промокшая до нитки претендентка на должность менеджера по персоналу и дала себя вытащить. На нее набросили плед, один из помощников протянул ей чай и виноградный сахар.

— В следующий раз, в следующий раз, фрау Шмитц, получится непременно.

Они были знакомы, агентство «Impossible» устраивало уже несколько экстремальных мероприятий для фирмы QQц, отдел кадров принимал на работу своих менеджеров исключительно на основе результатов приключенческой игры.

Помощникам пришлось нести промокшую и сорвавшуюся вниз Ильзе вниз из ущелья Хелленталь, так как она была босая, а дорога была сплошь обледенелая. В джипе, который вез ее в гостиницу, она уснула.

— Какая степень риска у следующего приключения? — спросил один из помощников.

— Ты имеешь в виду «По следам сказочного короля»? Это степень риска II, исторический поход к охотничьему замку на горе Шахен — с санями, игрой на цитре, со свежей дичью и неожиданным гостем.

— А кто этот неожиданный гость?

— Я слышал, что они пригласили Пьера Бриса.

Благородный дикарь и обожаемый женщинами, которым уже за шестьдесят, Виннету, вождь апачей, был основным козырем агентства, гарантировавшим постоянный успех.

Вездеход агентства «Impossible» двигался по курорту, чтобы доставить промокшую до нитки Ильзе Шмитц в отель. Она и двое поисковиков агентства не обратили внимания на невзрачного мужчину в старомодном плаще, который как раз шел по дороге к вокзалу. Он остановился на пешеходной дорожке и медленно повернулся к кому-то, кто окликнул его сзади.

— Что вы сказали? — сказал комиссар Еннервайн человеку, по которому было видно, что он привык к публичным выступлениям.

— Меня зовут Тони Харригль, — сказал человек, — член совета общины здесь на курорте, председатель фракции партии, председатель клуба по айсхисен, второй председатель Союза владельцев гостиниц и ресторанов, бывший почетный президент и тренер молодежной хоккейной команды В, второй кассир местной секции Альпийского союза, заведующий отделом спортивного клуба по стрельбе по тарелочкам...

— Мне нужно на поезд, — сказал Еннервайн.

— Я вам только рассказываю, какие у меня здесь связи. Я представляю этот город. У меня здесь живет уже много поколений. И я должен поговорить с вами не как частное лицо, а как представитель местных интересов.

— А откуда вы меня знаете?

— Ваше фото было во всех газетах, гаупткомиссар.

— Ах, так. Я этого не знал.

— И много раз. А сейчас я вас спрашиваю, как истинный гражданин, как избранный представитель большинства населения, как продвигается дело Сёренсена.

Оно никак не продвигается, подумал Еннервайн, это ваш всеведущий Вилли Ангерер хотел из этого сделать дело, но не я. А вслух сказал Хирригелю:

— Расследования закончены, подозрение на уголовное преступление не подтвердилось. В соответствии с решением прокуратуры расследование прекращено.

— Вы все перекапываете, а потом прекращаете дело?

— Да, и именно в такой последовательности.

Еннервайн постепенно терял терпение. Для него дела Сёренсена действительно больше не существовало, и прежде всего, когда выяснилось, что след в Россию, след к Юрию Агасову, не был горячим следом. Это вообще был не след, это был ложный путь. Агасов никогда не работал в КГБ, звание генерал-майора, как было доказано, он получил за свои большие заслуги в области лыжного спорта, он только для проформы числился военным, в чисто спортивной части, и предположительно никогда в жизни не держал в руках Калашникова.

— Я сразу удивилась, — сказала тогда Николь Шваттке, — что у него на фотографиях не было соболиной шапки со значком Ленина.

Агасов был чист, это Еннервайн узнал после запроса в Федеральное управление уголовной полиции в субботу. Русский опубликовал две книги о прыжках на лыжах с трамплина, был женат, имел несколько детей, не был замешан ни в каких скандалах с наркотиками и допингом, единственной роскошью у него была дача в Сочи с видом на Черное море — все очень похоже на положение у Сёренсена, только по-русски.

После того как расследования в субботу после обеда были прекращены, Еннервайн решил провести спокойно выходные в гостинице «Эдельвейс». И сейчас он находился на пути к вокзалу и снова хотел заняться делами в обычных узких помещениях, забитых до отказа трупами соперников и главных свидетелей, соучастников, богатых тетешек, вымогателей...

— Знаете что, такая шумиха нам здесь не нужна.

— Скажите мне, пожалуйста, чего вы от меня хотите, господин Харригль. Вы хотите дать свидетельское показание?

— Нет, не хочу, я просто так считаю. Потому что как раз встретил вас здесь.

— Я иду на поезд. У меня важная встреча. — И именно самая важная встреча, какой давно уже не было, подумал Еннервайн. Совершенно личная встреча. Переговоры, от которых он давно уклонялся. Разговор, на который наконец решился.

По сути, у всех полицейских следователей есть дефект, темное пятно, тень, шрам, о котором шепчутся тайком. Может только этим они и отличаются друг от друга. Перевелись комиссары без недостатков и грехов, а шрамы, изъяны, странности и ложные цвета, деформации и отсутствие масти очень разнообразны.

У некоторых комиссаров лишний вес, боязнь высоты или проблемы в отношениях. Следователи тоже страдают алкоголизмом, кривые на один глаз, имеют склонность к наркотикам, живут в незаконных браках, зависают, несмотря на героическую работу, в том же разряде заработной платы, или им уже далеко за пятьдесят. Одни страдают от того, что у них не тот пол, не тот партбилет или знак зодиака, другие не выносят вида крови, не любят позднеготические строения и острые ножи. Некоторые не могут бросить курить или им просто не везет с коллективом, с начальством или со своим темпераментом. Все время что-то находится. И у Еннервайна тоже. И это что-то называлось акинетопсия. И ему приходилось с этим бороться.

Он страдал от нарушения восприятия, это не привело к преждевременному выходу на пенсию с вечными прогулками вокруг альпийских озер только потому, что никто кроме него не знал об этом. Расстройство до сих пор проявлялось очень редко, и он полагал, что сможет справиться с этим один без посторонней помощи. У него было всего только пять таких приступов, но они становились сильнее и внушали страх. Только одно слово полицейскому врачу, и ему тут же пришлось бы распрощаться со своей службой, с горячо любимой профессией полицейского. Одна беседа с психиатром, и ему, возможно даже, пришлось бы опасаться, что его на продолжительное время вообще уберут из цивилизаторского общения. У него было исключительно редкое нарушение восприятия движения, при котором окружающий мир проявляется не в форме пленки, а в форме комикса. Во время приступа акинетопсии мир перескакивает от одной картинке к другой, и моментальный снимок надолго зависает, в то время как шумы вокруг беспрепятственно движутся дальше. Поэтому Еннервайн не ездил на машине, не совершал дальние поездки, он избегал намечавшиеся вылазки в горы — он упорно держался за свою полицейскую службу. Однажды во время одной операции акинетопсия даже спасла ему жизнь. И именно тот случай был использован в качестве самого большого предлога, чтобы не идти к врачу.

Но сейчас он наконец решился. Он боролся с собой и своими сомнениями в эти выходные, во время одиноких прогулок по долине реки Лойзах он кое-что наметил. Сейчас

он хотел наконец встретиться с Марией, психологом полиции доктором Марией Шмальфус, членом его маленькой команды, к которой он проникся доверием. Он даже уже заготовил первые фразы, настоятельную просьбу о конфиденциальности, обсуждение случая в третьем лице. Он подходил к поезду, который отправлялся ровно в 10.04 в Мюнхен. Сейчас было 09.55.

Тони Харригль, который всеми корнями врос в город, еще раз возник перед ним:

— ...член общества по сохранению национального костюма, заместитель машиниста противопожарного поезда добровольной пожарной дружины, второй председатель спортивного клуба «Риссерзее», член комитета за 2018-й...

— А семья у вас есть? — прервал его Еннервайн.

— Да, конечно, — сказал Харригль, — моя жена президент теннисного клуба, второй председатель клуба стрелков из лука, постоянная активистка инициативы «Да — олимпиаде в Альпах», член...

— Да, хорошо, избавьте меня от этого, — перебил его Еннервайн рассеянно. Так как фраза «клуб стрелков из лука» зацепилась в одном из десяти миллиардов синапсов, присущих мозгу следователя, и тихо продолжала там работать. — А теперь скажите мне, что вы хотите, господин Харригль, мне нужно, как я уже сказал, на поезд. А он отправляется через пять минут.

— Да, верно. Вы сейчас уедете и оставите здесь такой свинарник.

Еннервайну пришлось взять себя в руки, чтобы не начать кричать. Он сделал глубокий вдох, подумал о приятных вещах и сказал:

— Понятие свинарник с моей точки зрения не совсем отражает обстоятельства дела. Какой свинарник мы устроили, какого до нас здесь не было?

— Не слишком ли быстро вы закрыли дело? А что с Атасовым, с этим русским?

— А что с ним должно быть?

— У Сёренсена было как раз то стартовое место, которое обычно занимал Атасов. Вы это проверили?

— Да, мы это проверили, — сказал Еннервайн сдержанно.

— Проверить-то проверили, но как! У вас для этого вообще имелись средства? Я могу вам помочь. Могу задействовать мои связи с Министерством внутренних дел.

— Но я полагаю, не с баварским?

— Вы не в том положении, чтобы кичиться.

Он мог бы запереть его в кутузку на сорок восемь часов без всякого обоснования, подумал Еннервайн. Но эта мысль не воплощалась в реальный образ. Мысль вокруг фразы стрельба из лука все больше укреплялась.

— Обратитесь к ответственному прокурору! — сказал Еннервайн добродетельному председателю различных клубов, и прежде чем тот смог что-то ответить, он повернулся и ушел.

— Да, именно это я и сделаю! — закричал Харригль ему вслед.

Когда Еннервайн пришел на вокзал, поезд с первого пути как раз отправлялся. Он набрал номер Марии.

— Я приеду только следующим поездом.

— Хорошо, шеф. Я только подумала, что это что-то важное.

— До встречи, Мария.

Он положил трубку. Даже обрадовался, что у психолога останется для разговора только полчаса. Таким образом, он сможет изложить все коротко и ясно, подумал он. *Стрельба из лука.* Слова кружились в каком-то пространстве его мозга. Он прогулялся немного и из-за этого пропустил следующий поезд. Снова позвонил Марии и совсем отменил встречу. *Стрельба из лука.* Может быть, мы поэтому не нашли пулю, подумал Еннервайн, потому что в Сёренсена стреляли из чего-то другого, а не из автоматического оружия.

— И с чего это устраивать именно теннисный турнир, господин бургомистр? Турнир Большого шлема в месте зимнего спорта? Все постройки, все затраты — на эти деньги можно было бы...

— Время такое, надо быть первыми, понятно вам, фройляйн, мы устроили теннисный турнир здесь, потому что мы хотим другой имидж — потому что мы не хотим ограничиваться только зимним спортом.

— Кто вас ограничивает зимним спортом?

— Вот вы, например, только что сказали это, и вообще все СМИ. Все время речь идет только о курорте для зимнего спорта, о райском месте для лыж, о белом аде или сразу о зимних Олимпийских играх 1936 года. А как это звучит: 1936! Одна тысяча девятьсот! Тридцать шесть!

— И как это звучит?

— Жутко это звучит. Как если бы мы имели к этому какое-то отношение.

— Господин бургомистр, радуйтесь, что разгар сезона зимой, тогда летом у вас будет немного свободного времени.

— Свободное время? Да. И наконец, мы летом единственные, кто еще остается здесь.

— Разве это так плохо?

— Конечно, это было плохо, у нас нет никакого оборота, никто из местных не идет, например, сюда в гостиницу. У нас здесь в городе есть ресторан со звездами, и туда никто из местных тоже не ходит. Я и сам там ни разу не был.

— Почему же? Он такой плохой?

— Нет, он такой же хороший, как и все другие. Но если я, как бургомистр, пойду туда, то мне придется пойти и в другие, в том числе и в плохие.

— Значит, все же есть и плохие? Вы только что сказали: он такой же хороший, как и все другие.

Радиореporter выключила диктофон. Должно было бы получиться непринужденное интервью для непринужденной передачи, но сейчас бургомистра уже бросило в пот: здесь в кондитерской «Крусти», в которой, разумеется, имелась булочка «Бургомистр», изображение его известной в этом месте характерной головы, и отдельные добродетельные социал-демократы имели возможность от души укунить ее. Интервью должно было состояться здесь, в центре города, среди граждан, и бургомистр, демонстрируя свою близость к народу, согласился на это. Но за соседними столиками стали прислушиваться, разговоры замолкли, некоторые из подслушивающих даже пододвинулись ближе. То, что началось как непринужденные ответы на вопросы между двумя главными встречами, становилось похожим на инквизиторское интервью, он стал заложником своей общительности.

Бургомистр был втиснут в эти рамки, как и сам курорт, географическое положение которого можно определить как центральное, но одновременно и как отдаленное. На юге и на востоке надвигаются массивные горы, образующие границу с Австрией. Если не учитывать фён, то из этих стран света вряд ли кто-нибудь переходит на северную сторону Альп, у жителей из страны с красно-бело-красным флагом ни в плане ландшафта, ни в плане

культуры нет никаких причин ездить к «пифкам»^[5]. На западе — Альгой.

Туда ведут не больше двух лесных тропинок, и уже через несколько километров слышен сильный швабский говор в сочно-зеленой и молочно-белой природе, и алеманы, которые охотно путешествуют по всему миру, редко забредают на курорт. Единственный достойный упоминания приток и отток наблюдается на севере. И оттуда перекатываются лавины туристов через искусственные, выдержанные в средневековом стиле торговые улочки и закоулки, скапливаются перед известными перевалами — чтобы большей частью поехать дальше в Италию.

Это противоречие между сельской удаленностью и глобальным центральным положением привело к тому, что здесь собиралась кое-какая международная публика, и не просто какая-то публика, к примеру, пара голландских туристов, вынужденных ночевать в кемпинге, или ирландские туристы с рюкзаками банок пива «Гиннес», а настоящие денежные поселенцы, оптовые скупщики земли и недвижимости, которых баварцы называют *Sach*. (Но если речь идет о более крупной недвижимости, то баварец странным образом называет это *Sachl*.) Тут был гарнизон американцев, который все еще оставался с конца войны. Тут была парочка принцев арабских шейхов, которые поселились со своей свитой на солнечных склонах и основали непросматривающийся штат в деревне. С недавнего времени здесь появилось также много русских, белорусов и украинцев, которые купили несколько развалившихся гостиниц и реставрировали их. И этой международной публике нужно было что-то предлагать.

— Теннисный турнир это еще ничего, — шептал бургомистр заговорщицки, прикрывая рот рукой.

— Ах так, — сказала радиожурналистка и снова включила диктофон. — Что же еще может появиться?

— Летом мы организуем фестиваль парапланеристов. Две тысячи участников уже зарегистрировались. Спортсмены, летающие на воздушных змеях и парапланах, как известно, уже давно добиваются того, чтобы этот вид был признан олимпийской дисциплиной. И над всей котловиной будут демонстрироваться десятки полетов, прыжков с приземлением в определенной цели, рекордных полетов на большой высоте, военный планеризм...

— А что это такое?

— Это нужно представить себе как биатлон, только все будет происходить в воздухе от одного стенда для стрельбы до другого.

— Военный планеризм. Может ли такой узко специализированный вид спорта иметь успех?

— Жак Рогге, вы знаете, президент МОК, он уже дал согласие посмотреть на это.

— И вы полагаете, если он будет присутствовать...

— Естественно. Если Рогге примет участие в сражении снежками, то на следующий день бросание снежками станет олимпийским видом.

— Господин бургомистр, я благодарю вас за беседу.

— И вам спасибо. Да, может быть, последнюю фразу уберем? Президент очень важен для нашего города. Не хотелось бы выставлять его в смешном свете.

Репортер кивнула и попрощалась. Из всего интервью в эфир пошло только последнее предложение.

Дорогой господин комиссар!

Что я услышал: вы сдаётесь? Вы бросаете дело? Я выражаю мое исключительное сожаление. Вы прерываете ни с того ни с сего расследование — а вы ведь так близко подошли к решению дела Сёренсена! Я читал в газете, что вы окончательно уехали, потому что нет больше убедительного подозрения, что там произошло что-то нечистое. Что это был только прискорбный несчастный случай! У вас замечательная команда, господин комиссар, я сам видел, на территории трамплина, я был там, ведь и мои деньги от налогов поступают в эту команду, я тоже оплачиваю все приборы и компьютеры — поэтому обращайтесь более ответственно с моими отчислениями! Будьте следователем и расследуйте! Потому что это был не несчастный случай, и это я вам уже могу сказать.

Я смешался с зеваками — если бы вы это знали! Я спросил одного из ваших чиновников, что случилось, может быть, здесь снимается фильм. Нет, конечно, я не сам спросил, но я слышал, как какой-то придурок рядом со мной сказал:

— Извините, а полицейские настоящие? Или, может быть, здесь снимается детектив? А где же тогда стоит камера? А когда его будут показывать? Или это что-то американское? А вон тот, это ведь Хью Грант, или?

С беспокойством о вас — ваш (будущий) разыскиваемый преступник и ваш честный налогоплательщик.

P.S. Налоги, которые я плачу, не такие уж большие. Сколько может заработать делопроизводитель, акушерка, повар (я бы им хотел быть!), учитель народной школы, садовник, проводник в горах, священник, стюардесса, футбольный тренер, инженер-строитель, журналист, электрик, живописец, работник зоопарка, ухаживающий за животными, швейцар, иллюзионист...

Да, признаемся, один австриец все же приехал на курорт. Он прилетел вместе с фёном через Альпы и приземлился на непривычной северной стороне. У него была козлиная бородка, маленькие черные глаза, которые беспокойно блуждали вокруг и как бы бесцельно перескакивали с одной точки на другую.

Человек с козлиной бородкой неспешно шел вдоль пешеходной зоны и рассматривал выставленные безделушки. Особенно внимательно он рассматривал подъезды домов между витринами, там он читал фамилии на табличках для звонка. При этом он заложил руки за спину, как будто он был бодрим пенсионером, ушедшим раньше времени на пенсию, который уже много лет проводит отпуск на курорте, и сегодня по табличкам у звонков хотел изучить принятые в данной местности фамилии, Грасеггер и Шнитцер, Хаутерер и Бибергбахер, которые здесь встречались. Затем он, наверное, нашел фамилию, которую искал. Он кашлял, чихал, сморкался. Что случилось с мужчиной с козлиной бородкой? Он заболел? Может, он схватил насморк, прогуливаясь без шапки по долинам реки Лойзах? Было похоже на это, потому что он начал яростно звонить к врачу общей практики *доктору мед. наук О. Штайнхоферу*. Он звонил несколько раз. Никто не открывал. Естественно.

Шан и Вонг очень хорошо знали, что морозильный шкаф был только предварительным решением. В первую очередь нужно было окончательно ликвидировать бранные останки Сунь Ю. Он велел им обратиться за помощью и довести до конца выполнение непосредственного поручения. О прямом контакте с Чаояном не могло быть и речи, в этом направлении не должны были вести никакие следы. Что же делать? После того как они уже один раз провалили операцию, они даже подумывали о том, чтобы выбрать чаоянский вариант почетного самоубийства, одновременного взаимного отрубания головы, но для этого потребовалось бы два ритуальных кованых меча, которые на курорте вряд ли можно было достать, и, с другой стороны, в этом случае они бы оставили еще два трупа и тем самым проложили бы похожий на автобан след в их родной город. Шан и Вонг испытывали большие трудности. Но у них было поручение. Они должны были действовать.

Они набрали несколько номеров. Многие абоненты сразу клали трубку. У других упоминания города Чаоянь было достаточно, чтобы закончить разговор. Они пошли в интернет-кафе, отправили несколько электронных сообщений и попросили ответить. До сих пор им никто не перезвонил. Они заходили на несколько интернет-форумов. Они подключались к нескольким чужим локальным сетям WLAN, они искали в Твиттере — но все безуспешно. И так они молча изнемогали в пансионате «Альпийская роза». Через час особенно гнетущего молчания Вонг сказал:

— Последняя возможность — это обратиться к Падроне Спаланцани.

Они прокрутили в голове возможные риски. Мафия была мощной, в некоторых случаях готовой помочь, но также и чрезвычайно любопытной организацией — хранить тайны в этом сообществе было не очень хорошо. Но им не оставалось ничего другого. Наконец, они набрали номер в Южной Италии. Там Падроне сам снял трубку. На заднем плане слышался железный тенор арии из оперы Джакомо Пуччини, *Recondita Armonia!* — *Wie sich die Bilder gleichen!* — пел Марио Каварадосси, одновременно по телевизору показывали футбол.

— Моя мама это еще умела, — пробурчал Спаланцани.

— Что она еще умела? — спросила Шан вежливо.

— Рагу по-сицилиански, что заслуживает такого названия. Оно готовится пять или шесть часов, все это время рагу должно кипеть на медленном огне. Но в конце оно того стоит.

А сейчас в телефоне стали слышны выстрелы и крик. Шан надеялась, что эти шумы были от телевизора.

— Я посмотрю, что смогу для вас сделать, — пробурчал Спаланцани. — Раньше бы сам приехал.

Тенор продолжал петь *E lucevan le stelle* — «Сияли звезды», все трое дослушали арию до конца, Спаланцани с наслаждением, а Шан и Вонг в ожидании услышать что-то определенное.

— Я пришлю вам одного человека, который сможет кое-что сделать, — сказал наконец Спаланцани, потом он положил трубку.

Прошло еще несколько дней, пока они, после всех электронных щебетаний, получили совершенно допотопным способом письмо, которое положили в регистратуру, когда Маргарете Шобер пошла за книжкой «Для маленьких читательниц детективных романов». В нем шла речь о скором прибытии помощника, сотрудника, который попытается решить их проблемы. Шан и Вонгу не оставалось ничего другого, кроме ожидания.

Мужчина с козлиной бородкой закончил свои наблюдения на курорте, он переоделся и снял маску бодрого пенсионера, ушедшего раньше времени на пенсию, он ликвидировал свою одежду, и после того как наступил вечер, он пошел окольными путями в пансионат «Альпийская роза», невидимым, неслышимым, незаметным. Постучал в дверь.

— Пароль? — спросила Шан тихо.

— Турнир четырех трамплинов, — сказал поздний гость, и его впустили.

И вот он стоял перед ними: Карл Свобода, который завоевал во всем центрально-европейском нелегальном пространстве бодрую славу *risalvatore*, решальщика проблем. Австриец не любил, когда его называли мафиозо, он работал самостоятельно, работал порой для легальных фирм и администраций. Он работал на правительства и учреждения, у него было еще несколько незаконченных глобальных проектов. А теперь австрийского решальщика послали к Шан и Вонгу. Так как он как раз проживал поблизости, то хорошо знал местность, как раз в прошлом году здесь у него были дела.

— Итак, вначале вы тут натворили дерьма, — сказал Свобода и снял накладную бородку, которую он тщательно почистил и спрятал в косметичку.

— Дерьма?

— Ерунды. Дерьма. Халтуры. Я не знаю, как вы это называете. Во всяком случае, это будет прилично стоять, это я вам точно говорю.

Шан и Вонг слушали грубое приветствие австрийца с неподвижными лицами.

— Когда господин решальщик сделает свою работу, — сказала Шан на родном языке Вонгу, — он поплатится за дерзость! — Она сказала это с такой жестикуляцией и с такой интонацией, что у Свободы должно было возникнуть впечатление, будто бы она как раз что-то перевела Вонгу. Свобода улыбнулся. Шан улыбнулась. Вонг улыбнулся.

— Не хочет ли господин решальщик чего-нибудь выпить?

— Очень мило, спасибо, нет. Но вначале я хочу знать полную предысторию, затем

приму решение, что делать дальше. Насколько я понял, вы хотите угрожать Рогге, чтобы получить Игры-2018?

— Именно так было запланировано, — сказала Шан. Никаких дорогостоящих подкупов членов комитета, а прямое нападение на голову крупного олимпийского деятеля. У Вонга при этом была задача вывести из строя одного прыгуна с трамплина во время Новогодних соревнований, что должно было внести замешательство, прежде всего в рядах службы безопасности и телохранителей в ВИП-зоне.

— Сама по себе идея неплохая, — сказал Свобода. — Большая катастрофа, как отвлекающий маневр, неплохо. А дальше?

— Я и скончавшийся Сунь Ю, — продолжила Шан, — хотели использовать замешательство, чтобы проникнуть в ВИП-ложу. Мы были переодеты в местных помощников, ждали у входа и спокойно слонялись там в тот момент, когда Оге Сёренсен поднялся в воздух. Никто нас не остановил, это действительно была прогулка. Игрок на цитре исполнял приятную мелодию, и мы были в хорошем настроении.

— В самой ВИП-ложе, вскоре после падения, — продолжил Вонг, — в момент самого большого замешательства, Шан должна была найти президента, заговорить с ним на его родном языке, как старая знакомая или как собирательница автографов, а затем сразу же обратить его внимание на обнаженное оружие Сунь Ю.

— Это должно было показать Рогге, что мы его в любое время можем достать, — сказала Шан.

— Оружие, сила, угрозы, выстрелы, катастрофы, падения! — сказал Свобода, качая головой. — Все это можно сделать намного проще и элегантнее, поверьте мне. Я бы осуществил покушение на Рогге совсем по-другому. Ну совершенно по-другому!

— Мы дома тысячу раз отрепетировали операцию. Но на месте все сорвалось.

— Почему?

— Когда мы вошли в ВИП-зону, Рогге не было в помещении, он появился только через некоторое время, но толчея уже была большая. Тем не менее я решил, как и было спланировано, подойти к нему, попросить у него автограф и показать ему записку:

Господин президент!

Эта операция показывает, что мы можем найти вас везде.

Мы настоятельно советуем вам не поднимать тревогу.

Мы хотим, чтобы игры состоялись в Чаояне.

Следуйте нашим дальнейшим указаниям.

— ...но затем нас обстрелял какой-то идиот. Сунь Ю был ранен. Я едва успела поддержать его, и мы смогли уйти. Мы с большим трудом довели его сюда.

— Черт побери! Черт побери! — Свобода надул щеки и несколько раз выдохнул воздух. — Все пошло не так, что только могло.

Он подошел к окну и посмотрел в ясное ночное небо. Затем он повернулся к двум неудачникам и сказал:

— Вначале нам нужно убрать трупы. Труп вашего шефа должен исчезнуть полностью и совсем. А труп врача — с ним нам нужно придумать какую-то хорошую историю. — Он покачал головой. — Как можно быть такими идиотами!

— Это было несчастливое стечение обстоятельств, — защищалась Шан.

— Это была чистой воды неспособность, — прервал Свобода. — А сейчас: дисциплина!

У вас есть уже идея?

Вонг достал маршрутную туристскую карту и положил ее на стол — кругом много природы, много леса, много лугов, много полей. И господин решальщик очень хорошо знает местность.

Свобода удивленно поднял брови. Закопать? Нет, он их обоих не стал бы закапывать. Здесь есть также много прогулочных маршрутов, много бегающих кросс, бегающих трусцой, собирателей бабочек и, что больше всего говорит против закапывания, огромное количество собак. Огромное количество собак, такое впечатление, что у каждого в запасе дома есть еще две или три штуки.

— Вторая возможность, — сказал Вонг и показал пальцем на большое, синее, как гематома, пятно на карте.

— Это Ейбзе, друзья. Да, вы правы, оно достаточно глубокое, но местность там очень оживленная. Кругом отели с неспящими в них пенсионерами; одна тропинка для прогулки шириной в доску, которая прямо ведет вокруг всего озера; наконец, влюбленные парочки, которые по ночам выезжают на озеро.

— Мы можем изобразить такую влюбленную пару, — сказала Шан. — Последние отпрыски двух цейлонских династий сборщиков чая в свадебном путешествии.

— Нет, не это. Ейбзе мне не нравится, друзья.

— А как с этим торфяным болотом к северу отсюда?

Палец Вонга двигался в направлении Норвегии:

— Мурнаурское болото? Да, уже лучше. Но вы знаете, что болотные трупы сохраняются навечно. Если содержание гуминовых кислот будет очень высоким, то они могут сохраняться десять или даже двадцать лет.

— Что же тогда?

Свобода сделал резкое движение руками:

— Я что-нибудь придумаю.

Вонг принес чай и сказал:

— Тогда нам нужно выяснить, обратили ли уже внимание на исчезновение этого гнусного убийцы-доктора.

— С этим делом я уже ознакомился, — сказал Свобода. — Нам пока не стоит беспокоиться. Я заходил в магазин рядом с его практикой. Обычная сувенирная лавочка, не более. Спросил доктора. О Господи. Ну и наслушался я! Узнал все, что хотел узнать. И даже больше. Он уже продал свою практику, преемник должен приехать только в течение ближайших недель. Я был также в его квартире и вынул почту из почтового ящика.

— Его исчезновение может обнаружиться в любое время.

— Я тоже так считаю, друзья. Тут мы должны что-то сделать.

— А что, если не ликвидировать труп, — сказала Шан, — а положить его открыто, так чтобы его нашли?

— Какой в этом смысл? — проворчал Свобода.

— Мы свалим на доктора покушение на Сёренсена. Местная полиция, которая и без того, кажется, работает не очень эффективно, вцепится в это дело, репутации курорта опять будет нанесен вред, а мы спокойно сможем готовить второе покушение на Рогге.

— А как вы объясните отверстие от пули в теле врача общей практики? Нет, нет, это плохой план. Доктор должен исчезнуть так же, как и ваш босс. Но свалить на него вину за покушение — очень неплохая идея. Мы пометим его отпечатки пальцев на снайперское оружие и выстроим вокруг него легенду об исчезновении. Находящийся в состоянии замешательства пожилой человек совершает кровавое злодеяние, снимает все свои сбережения и бесследно исчезает. У детективов будет над чем поломать голову!

— Что мы сделаем? — спросил Вонг.

— Вы вначале вообще ничего не будете делать! Вы будете сидеть тихо и разыгрывать дальше роль хихикающих и шелкающих фотоаппаратом туристов. Я сейчас разложу несколько ложных следов. Как будто мне больше делать нечего. Халтурщики иностранные.

Он попросил подвести его к морозильному шкафу, открыл пластиковый пакет и положил в него кое-что из недобровольного наследства доктора Штайнхофера: пуговицу от брюк, клочок волос и еще несколько вещей. Он сунул пакет в свою сумку и сказал Вонгу:

— Мне потребуется ваше высокоточное оружие.

— Это не достойно...

— Плевать на ваше достоинство, — прервал его Свобода. — Давай его сюда.

Это было складное устройство, которое можно было разобрать для полной безвредности и затем снова собрать, его изобрел и изготовил сам Вонг, а теперь добровольно отдавал его. Свобода присвистнул:

— Но это ведь!..

— Да, конечно, это не пистолет, — сказал Вонг гордо. — Пистолет или ружье вызвали бы много шума у более чем двадцати тысяч свидетелей, слышавших это. А глушитель для такого большого расстояния не подходит.

— Беру слово «халтурщик» обратно.

Свобода тщательно почистил устройство, которое дал ему Вонг, сунул его также в пластиковый пакет и готов был уйти. Уже светало, когда Свобода тайком выбрался из пансионата «Альпийская роза», чтобы притвориться веселым альпинистом в «брюках с манжетами», в клетчатой рубашке и с рюкзаком — при этом он был занят только тем, чтобы оставить ложные следы, связать исчезновение доктора Штайнхофера с покушением и найти место на лыжном стадионе, где он мог спрятать чудодейственное оружие Вонга. Его рассуждения были очень простыми: сыщики снова будут искать пулю от пистолета, но вместо этого они найдут устройство чаоянца, в этом он был уверен. Только не должна была просматриваться связь с маленьким далеким городом зимнего спорта Чаоянем.

Рассуждение Свободы было простым, но неверным. Необычное оружие не было найдено. Прошли Масленица, Вербное воскресенье, Пасхальный понедельник и другие примечательные даты католического церковного года, обермейстеры полиции Остлер и Холльайзен снова гоняли нарушителей парковки и магазинных воришек, умер старый Антон Хаутерер в благословенном возрасте девяносто семи лет, прошли дни именин Урсулы, Петруса, Казильды и Дамиана. Остлер и Холльайзен приняли заявление об исчезновении доктора Штайнхофера, показали первые крокусы, затем отмечался праздник святой Стефании. Через день после этого два парня обнаружили чудодейственное оружие из Чаояня под сиденьем на лыжном стадионе, но они не признали его таковым, а взяли пару трубочек и болтов с собой домой и бросили их к остальному хламу. Последний снег растаял, бургомистр

поручил рекламному агентству разработать эмблему для кампании 2018 (поэтому он снова был переизбран, лишь с небольшим перевесом голосов). Союз стрелков и два враждующие между собой местных духовых оркестра уже готовились к летним праздничным шествиям. Пришла открытка из Лимы, поиски доктора Штайнхофера были остановлены, выглядело так, будто бы он исчез в джунглях Южной Америки. Чего только не происходило, но не были найдены ни пуля, ни оружие преступления, которые могли бы пролить свет на темноту. Ничего.

— Написанное от руки письмо с признанием? — спросила Мария Шмальфус удивленно и бесконечно долго мешала кофе. — Это что-то совершенно новое!

— Именно так оно и есть, — сказал обермейстер полиции Йоганн Остлер и положил находку осторожно на стол совещательной комнаты. Все встали и наклонились над ним.

— Невероятно.

— Такого я еще никогда не видел.

Вместе с умным психологом в цветных одеяниях и двумя добросовестными, просто одетыми местными полицейскими Остлером и Холльайзенем, спустя три месяца вся остальная команда комиссара Еннервайна снова собралась в полицейском участке. Здесь была молодая, тщеславная комиссар из Реклингхаузена Николь Шваттке. Она собрала темно-русые волосы в хвостик и с интересом смотрела на присутствующих. Здесь был гаупткомиссар Людвиг Штенгеле, степенный представитель Альгойских Альп с необычайно здоровым цветом лица. Все приехали, кто поездом, кто на машине, даже на велосипеде, чтобы ознакомиться с необыкновенной находкой супружеской четы Траудль и Максимилиана Утцшнайдер, имеющих безукоризненную репутацию, находку они принесли со своей утренней прогулки в горы.

Погода была необычно теплой и мягкой для этого времени года. Оба собрались на прогулку еще до рассвета, так сказать ни свет ни заря. Они отправлялись на популярную вершину Кроттенкопф, как и каждый год в годовщину их свадьбы. После того как они почти через четыре часа без больших происшествий дошли до верха (только один раз поскользнулись на снежном блюде), распаковали под установленным на вершине горы крестом свои бутерброды. В это ясное апрельское утро они были одни на вершине Кроттенкопф, но беглый взгляд в книгу посетителей вершины показал, что перед ними, вероятно, уже кто-то здесь был, еще более ранняя птичка.

— Наверное, какой-то заядлый любитель горного спорта, который за это время уже спустился вниз, — сказала Траудль Утцшнайдер, чмокая.

Максимилиан Утцшнайдер обвел пальцем круг вокруг котловины.

— И где он, приняв внизу душ, начинает свою утреннюю смену.

Таких было полно здесь в Верденсфельской долине. Их утренняя зарядка состояла из восхождения на двухтысячник беглым шагом. Одним из таких был, например, местный священник. Или адвокат Зильбермиллер.

— Корбининан Бухвизер тоже на это способен, — сказала Трудль, отмечающая годовщину свадьбы уже с серебром в волосах. — Или мой брат.

— Да, есть парочка таких людей, — сказал Максимилиан и, задумавшись, откусил от крепкого яблока. Солнце уже взошло, чета Утцшнайдер посмотрела еще на него, так как это лучше всего подходит к годовщине свадьбы, они чокнулись бумажными стаканчиками, наполненными теплым, хорошо взболтанным просекко, затем встали, чтобы увековечить себя и годовщину свадьбы в книге записей на вершине. Но вначале они пролистали несколько страниц назад и прочли кое-какие из оригинальных записей:

17 марта, раннее утро
Незабываемый вид! — Тина и Берт

17 марта, вечер
Точно так же! — Гунди и Макс

18 марта, днем
Первыйраз на Кроттенкопф! — семья Бухгартингер-Бремзе (Ева, Флоки, Берт, Инесс с собакой)

18 марта, 18.32
Дорогая семья Бухгартингер-Бремзе,
если вы еще раз когда-нибудь подниметесь сюда, то позвольте вам заметить, что слово «первый раз» со времени реформы правописания пишется отдельно — ОстК
Гундольф Мютценбергер (Д, Г, Соц)

19 марта
И все же здесь наверху так красиво! — Хубси

20 марта
Восхитительный вид! Еще лежит немного снега — Густль Пфайфбергер

23 марта, 09.30, 12°, немного пасмурно
Бодрый марш, ясно просматриваемая местность, внушительное плато!
Генерал-майор в отставке Альфред Ритц

29 марта
Чудесно здесь наверху — Пока! Пит и Анни из Фленсбурга

2 апреля
Великолепный вид! — Герберт и Шарлотта

5 апреля
Дорогой комиссар Еннервайн,
Вы не прореагировали на мои предыдущие письма. Может быть, вы отнесетесь ко мне серьезнее, если я обращусь к вам таким способом. Покушение в новогодний день этого года совершил я. Это было покушение номер один, за ним последуют другие. С Сёренсеном получилось все не совсем так, как я себе представлял, но следующие операции будут безупречными — это я обещаю! Начните же наконец расследование, господин комиссар, вы об этом не пожалеете. Я заканчиваю, вы снова обо мне услышите, так как я вижу, что следующие туристы уже поднимаются на гору из Вильгеймского приюта. Это супружеская пара — я знаю их, и они знают меня — поэтому скорей отсюда. Я прошу вас срочно ответить, господин комиссар, иначе это становится неинтересным.

С уважением — ваш (беглый) преступник.

Максимилиана и Траудль Утцшнайдер прочли запись, подумали, что это шутка, выдумка опьяненной горным воздухом ранней пташки, но тем не менее для гарантии уложили книгу отзывов в рюкзак и занесли ее на обратном пути в полицейский участок. Там она и лежала сейчас на столе.

— По крайней мере одного этот шутник добился, — сказал Еннервайн, который еще не успел снять плащ. — Нам придется возобновить расследование по делу Сёренсена.

Мария достала большую лупу и повнимательнее стала рассматривать почерк легкомысленной записи. С возгласами изумления и профессионального удивления она изучала росчерки. Она была в своей стихии. Она писала свою кандидатскую диссертацию о многократных рецидивистах. О симулянтах (*«тритбретфарер»-псих, выдающий желаемое за действительное*), о демонстрации силы, об игре «в охотника и собаку», о письмах с признанием, психострессе и о системных ошибках. Во время учебы она выбрала эту специальную область, которая, с точки зрения статистики, имела чрезвычайно малое значение. Так как тип Лектора Ганнибала встречается так редко, как и австралийский трехпалый ленивец с кисточковыми ушами. Многократный рецидивист — редчайший специалист в большой и пестрой семье криминального мира, редчайший мотылек среди ночных бабочек. И сейчас Марии наконец попался один в сачок.

Протокол допроса свидетелей обермейстером полиции Иоганном Остлером, номер дела 8458-000029-9/2

(Один микрофон свистит.)

Остлер: Проверка. Проверка. Двадцать один, двадцать два. Проверка. Проверка. Годится. Протокол допроса свидетелей обермейстер полиции Иоганн Остлер — время — сколько...

Свидетель: Сейчас четверть двенадцатого.

Остлер: Хорошо. Спасибо. Итак 11.15. Тогда — Траудль и Макс, хорошо, что вы здесь. Поздравляю с годовщиной свадьбы. А теперь прошу рассказать всю историю еще раз с самого начала.

Свидетель: Итак, Иоганн, это было так...

Остлер: Я полагаю, мы должны обращаться друг к другу на вы. Это официальный протокол.

Свидетель: Это так предписано?

Остлер: Нет, как тогда звучит такое: *Привет, Траудль, ты что-нибудь видела?* — *Нет, я ничего не видела, Иоганн!* — это похоже на деревенское театральное представление, а не на официальный протокол.

Свидетель: Ну хорошо, тогда будем на вы.

Остлер: Итак. Что вы собственно сейчас видели, господин — скажи, а как твоя фамилия, Макс. А то я только знаю название твоего владения: Хаутерер.

Свидетель: Утцшнайдер моя фамилия. Зовут меня Хаутерер, я Максимилиан, а Утцшнайдер — так пишется.

Шваттке: Гм, позвольте мне вмешаться: я не совсем поняла, что вы сказали.

Остлер: Извините, это госпожа комиссар Шваттке, она из Реклингхаузена, там, очевидно, нет названий владений. Итак: название владения, дома в сельской местности в Баварии считается все еще первоначальной фамилией, с которой к человеку обращаются. То есть это имя рода, клана, баварской семьи. *So hoast ma*. А то, как это пишется, это официальная фамилия.

Шваттке: *So ho-asst ma*.

Свидетель: Почти так, госпожа комиссар. Только «а» вы должны произносить еще более закрыто. *So hoast ma*.

Шваттке: *So ho-asst ma*. Я никогда этому не научусь.

Остлер: Это правильно, а теперь дальше. Фамилию по названию дома Хаутерер мы опустим и будем обращаться к вам Утцшнайдер. Макси и Траудль Утцшнайдер, верно?

Свидетель: Почти. Максимилиан и Вальтрауд Утцшнайдер.

Остлер: Итак, допрос Максимилиана и Вальтрауд Утцшнайдер. Но минуточку: Утцшнайдер? Утцшнайдер? У меня есть родственница, двоюродная бабушка, ее фамилия тоже Утцшнайдер. Терезия Утцшнайдер. Ты с ней случайно...

Свидетель: Это Доммеле Ресль, кузина одной моей тети. Она пишется официально Утцшнайдер. Но зовут ее Доммеле. А имя ее Терезия.

Остлер: Да, ну и дела, тогда мы все друг другу родственники!

Свидетель: А разве это плохо?

Остлер: Не совсем плохо. Но я думаю, в этом случае я не имею права проводить этот допрос.

(Растерянное молчание, двиганье стульями, открывается дверь.)

Холльайзен: Я не помешал?

Остлер: Нет. Оставайся здесь, это очень кстати, ты можешь продолжить допрос свидетелей Утцшнайдер вместо меня.

Холльайзен: Да, конечно.

(Дверь закрывается, шаги, кто-то садится. Откашливание. Шелест страниц.)

Холльайзен: Проверка. Проверка. Двадцать один, двадцать два. Проверка. Проверка. Годится. Протокол допроса свидетелей обермейстер полиции Франц Холльайзен — время — сколько...

Свидетель: Сейчас около половины двенадцатого.

Холльайзен: Спасибо. Итак 11.30. Господин и госпожа Утцшнайдер, а теперь расскажите всю историю еще раз с...

Свидетель: Холльайзен? Холльайзен? Извините, что я вас прерываю, но вы ведь Франц Холльайзен, сын старого Холльайзена, который тоже был жандармом?

Холльайзен: Да, полагаю, что это я. То есть: мое имя Франц, зовут меня Кунтерер, потому что название нашего дома Кунтерер — а официально я пишу Холльайзен.

(Один микрофон свистит.)

Мария Шмальфус считала, что ей в сети попался серийный рецидивист, остальная часть команды в большинстве своем была еще более скептически настроена. Написанное от руки признательное письмо? Подложено в таком неконспиративном месте? И потом спустя так много времени после предполагаемого покушения?

— С моей точки зрения, это скорее указывает на розыгрыш, — сказал Штегеле. — Шуточка типа: Одинокий турист читает наверху на вершине горы Кроттенкопф газету трехмесячной давности, в которую он завернул свои бутерброды, выпивает немного настойки из горечавки и в приподнятом настроении пишет в гостевую книгу на вершине что-то спонтанно, в чем при спуске уже раскаивается.

— Протестую, Штенгеле, так как на спонтанную запись это не похоже, — говорит Мария. — Не хочу опережать эксперта по проведению графической экспертизы, но я бы сказала, что пишущий заранее все очень хорошо обдумал то, что изложил на бумаге.

— Хорошо, подождем графолога. Но я все равно не жду многого от этих фокусов, — сказал Штенгеле.

— Вы имеете в виду графологию? Ну да, это в некотором роде пограничная наука. Но кое-что по почерку можно распознать.

— Я не совсем уверен, — сказал Штенгеле, — может быть, у меня предрассудки. Я, будучи школьником, как и многие другие дети, использовал разные почерки. У меня было два: один плавный, с наклоном вправо, мелкий и другой, вертикальный, более угловатый и более крупный. Я никак не мог остановиться на одном почерке — я и сегодня пишу и так, и так. Для потехи я однажды показал образцы моих обоих почерков — признанных судом — одному графологу, и тот с вероятностью до девяноста девяти процентов сказал мне, что оба образца почерка принадлежат разным людям. Если не повезет и в суде окажется такой эксперт...

— Я не хочу вас обидеть, Штенгеле, — сказала Мария мягким голосом психотерапевта, — но это может означать, что вы носите в себе совершенно разные, шизоидные личности, так что графолог не был далек от истины.

Штенгеле разложил перед собой стопку листов. Он был слегка оскорблен. Шизоидный. Ну надо же.

— Если наш покоритель вершин имел в запасе два или несколько почерков, — размышлял Еннервайн, — то для него вообще нет никакого риска написать признательное письмо от руки?

— В сущности, нет, — сказала Мария. — И заметьте: если кто-нибудь искажает свой почерк, то хороший графолог это сразу определит. Но если этот кто-то, напротив, уже много лет владеет несколькими почерками, но один из них никогда не использует открыто, и вдруг применяет его, то тогда...

— А китайцы ведь учатся нескольким почеркам? — вставил Штенгеле. — Или я путаю с корейцами? Один повседневный почерк для повседневных дел, а один — для писем личного содержания?

Возникла задумчивая пауза, во время которой все пригубили из своих стаканов.

— Другой вопрос, — сказала Шваттке, обращаясь к Остлеру. — Можно ли быть

уверенным в том, что Утцшнайдеры никого не видели на вершине? И что на последнем отрезке пути никто не шел им навстречу? Я думаю: если тот, кто писал в книгу посещений, их видел, то тогда и они могли его видеть.

— Нет, Николь, как раз об этой детали мы много раз спрашивали обоих. Но однако оба показали, что они не особо обратили на это внимание. На последних сотнях метров, от Вайльхаймерского приюта до вершины Кроттенкопф, у них были другие проблемы. Скорей физические.

— Но если спускаться с вершины с другой стороны, как это предположительно сделал наш предполагаемый сознавшийся, куда тогда можно попасть?

— С вершины нужно всегда возвращаться к Вайльхаймерскому приюту, там только одна дорога. А оттуда ведут много маршрутов в окружающие долины.

— Итак, он прятался наверху, до тех пор пока Утцшнайдеры не покинули вершину. Может быть, за горными соснами?

— Но там наверху нет сосен.

Николь Шваттке все еще была недовольна.

— Но существует еще вероятность, что автор нашего письма с угрозами пошел напрямик и спустился вниз по одной из отмеченных на карте горных тропинок.

— Да, — сказал Остлер, — такое возможно, но тогда он должен был бы быть хорошим альпинистом, который очень хорошо ориентируется, который уже много раз поднимался на Кроттенкопф. Я сам бы на такое не осмелился, там наверняка много снега, а без лыж преодолеть этот путь возможно, ну только теоретически.

— Но есть, конечно, и еще совершенно другая вероятность... — начала Николь Шваттке.

— ...которую я уже тоже проверил, — перебил ее Остлер. — Поэтому я попросил Утцшнайдеров сделать образцы почерка. Даже если такие образцы и ни к чему не приведут. Когда Макси и Траудль поняли, по какой причине я это потребовал, они обиделись. Я надеюсь, что не разрушил сразу же только что завязавшиеся родственные связи.

— Вы с ними в родственных отношениях? — спросила Мария.

— Это выяснилось при допросе. Но это очень дальнее родство.

— Я исхожу из того, что мы должны серьезно отнестись к угрозам дальнейших покушений, — сказал Еннервайн. — Но если все это только розыгрыш, то эта шутка может грозить уголовным наказанием. Если я правильно помню, то здесь нарушается параграф 145д Уголовного кодекса, это Симуляция уголовного преступления, а за это полагается до трех лет.

— А что, если это лицо не осознает, что это уголовное преступление, — возразила Николь. — А что, если это группа подростков, которые провернули это дело просто ради кайфа?

— Просто так, ради интереса? — поднял брови Штенгеле. — Можно просто так под кайфом взобраться на Кроттенкопф?

— Мне надо посмотреть в путеводителе, — ответил Остлер сухо. — Кроттенкопф, по моему, это гора с конической формой.

— Я думаю, — продолжила Мария, — что предполагаемый преступник полностью осознавал достигаемость этого письма. Мужчина или женщина что-то затекает. И имеет ли этот преступник отношение только к первому покушению, или нет, он планирует следующее покушение. Верхние края почерка — энергичные, преисполненные жаждой деятельности,

силы воли.

Опять начинает, подумал Штенгеле, а вслух сказал:

— Вы полагаете, он нам перед этим еще раз напишет?

— Да, непременно. Единственное, что привлекает такого серийного рецидивиста, это игра в кошки-мышки с полицией. Наверняка перед покушением придет еще одно письмо.

— И вероятно, это будет наш шанс, — сказал Штенгеле, — так как письмо ведь где-то нужно хранить. Общение с полицией — это ведь слабое место, которым преступник или преступница...

— А теперь давайте говорить наконец о преступнике, а не все время о преступнике или преступнице, черт возьми! — сказал Еннервайн. — Согласны?

— Согласны, — сказала Мария, — и я бы еще убрала предписываемое для внутреннего использования в полиции слово предполагаемый. Среди нас нет предполагаемого преступника или предполагаемой преступницы, и поэтому позже никто не сможет пожаловаться на предварительное осуждение или дискриминацию.

— Давайте дадим ему или ей, предполагаемому или действительному кличку (*ник*), — сказала Николь Шваттке. — Нейтрального рода, нейтрального подозрения, политически корректную.

— Признавшийся?

— Слишком заранее осуждаемо.

— А как насчет X?

— Это не нейтрально с точки зрения пола.

— Автор письма.

— Куница, и точка, — сказал Еннервайн. — И я не хочу сейчас слышать: почему именно Куница? Я хочу сейчас наконец перейти к делу. Перекур!

Перекуры в команде Еннервайна все еще назвались так, хотя при этом никто не курил. Николь Шваттке бросила курить два года тому назад, Мария — пять, Штенгеле — двадцать, заменой этому служили желатиновые медвежата, кофе или излишнее потребление пудингов. Еннервайн сам никогда не курил, его единственной страстью была работа криминалиста. Остлер курил тайком в туалете, все это знали, только он не знал, что все знают. Холльайзен хотя и не курил, но баловался нюхательным табаком, что при чтении кажется намного аппетитнее, чем на самом деле.

Итак, они все трое стояли во дворе, за полицейским участком, на перекуре, без курения. И все еще раз осмотрели отверстия от пуль в стене, которые так и были оставлены, так как напоминали о героическом дежурстве отца Холльайзена, который здесь в шестьдесят третьем году удерживал банду контрабандистов, спустившихся сюда с гор Карвендель. Они вдыхали пряный воздух, разминали ноги на дочиستا ошипанном молочными коровами лугу. Единственное, чего не хватало, так это духового оркестра, который исполнял бы на фоне мелодию гимна Баварии «Слава тебе, земля Бавария!». Если бы было соревнование под девизом «Самые прекрасные виды из кабинетов полицейских участков», то у участка Остлера и Холльайзена был бы шанс.

Еннервайн тоже осмотрел роскошное строение в стиле барокко, но сейчас он массировал себе виски большим и средним пальцами: перерыв закончился, и все вошли в комнату. Внутри в совещательной комнате две фигуры в белых пластиковых комбинезонах

занимались тем, чтобы поднять книгу посетителей и положить ее в белую коробку. Два верных помощника Ханс-Йохена Беккера двигались медленно, как при замедленной съемке, как будто им предстояло вынести оригинальную рукопись Евангелия от Луки. Команда снова уселась, и Эннервайн взял слово.

— Я предлагаю, чтобы мы вместе поищем вначале другие письма нашего Куницы.

— Другие письма? — спросила Николь. — Вы верите его утверждению, что он написал уже несколько писем?

— Я совершенно уверен в том, — сказал Эннервайн, — что это было не первое его письмо. Я полагаю, что их было до этого три или четыре.

— Правда? Почему?

— Опыт подсказывает. Другие предположительно находятся в архиве главного управления.

— Я не совсем понимаю.

— Николь, вы себе даже представить не можете, — усмехнулся Эннервайн, — как нас, будто мусором, заваливают такими письмами. В главных управлениях земель у нас для этого даже есть специальное отделение.

Остлер согласно кивнул.

— Даже здесь, в нашем маленьком уютном курортном городке, — сказал он, — мы получаем каждую неделю не менее одного такого письма. Большей частью это письма с признаниями в преступлениях, о которых уже сообщалось в газетах, но это также признания в симпатиях преступникам, советы полиции по расследованиям, сумбурные и абсурдные подозрения против того или иного в поселке, или просто оскорбления и брань в адрес полиции вообще и бедного дуэта Холльайзена/Остлера в особенности — если бы мы проверяли все эти письма и электронные сообщения, то нам потребовалось бы здесь в участке свое собственное бюро.

Николь скептически покачала головой.

— То есть все это время после нового года к вам уже поступали письма с признаниями?

Она сдула прядь волос с лица.

— Конечно, — поддержал Холльайзен. — Мы их поверхностно просмотрели и подшили под рубрикой «обычные подозреваемые». Между прочим, после 11 сентября один прислал нам e-mail, что удары планировались непосредственно здесь на курорте и, конечно, под его руководством. И я, разумеется, не стал это расследовать.

— А как дальше идет служебный порядок?

— Если информация из писем с признаниями уже публиковалась в газетах (а это так в девяноста девяти процентах писем), то мы их подшиваем и передаем в архив. Прокурор для надежности просматривает еще раз, не кроется ли за этим преступление, и на этом заканчивается.

— Но теперь мы, разумеется, снова выловим эти письма, — сказал Эннервайн. — Николь, тогда это сразу же будет задание для вас. Вы просмотрите вначале все дела полицейского участка здесь, потом вы свяжетесь со службами в других регионах. Затребуйте все, что пахнет Куницей. Прошу вас проверить все, что добудет Шваттке, чтобы таким образом составить более точное представление.

Николь и Мария кивнули.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Остлер и Холльайзен, вы оба будете вести расследование в совершенно другом

направлении. Вы ориентируетесь здесь в этой местности, знаете большинство живущих лично. Вы будете размышлять просто, здравым человеческим рассудком, без всякой психологической...

— Вы, — Мария подняла брови вверх, — хотели сейчас сказать галиматью или что-то вроде этого?

— ...подоплеку, чего можно ожидать от проживающих в данной местности лиц.

— После всего того, что мы слышали, наш Куница, вероятнее всего, из местных, — продолжил Еннервайн. — А теперь о вас, Штенгеле. Вы ведь были когда-то заядлым альпинистом.

— Да, еще в молодые годы. Я предчувствую что-то нехорошее. Мне что, сейчас придется ежедневно лично проверять все горные вершины?

— Нет, я совсем не хочу присутствия полиции на горах. Пока не хочу. Это вынудит Куницу продолжить свое дело еще веселее где-то в другом месте. Но у вас есть связи с Клубом альпинистов, с горноспасательной службой и подобными организациями.

— Альгойец мимо таких не пройдет.

— Хорошо. Вы можете задействовать свои контакты и собрать группу, которая незаметно будет наблюдать за этой вершиной Кроттенкопф?

— Это можно сделать. Одного-двух человек будет достаточно. Им нужно делать фотографии?

— Этого я сейчас официально, конечно, не могу утверждать, — сказал Еннервайн. — Но если два или три горноспасателя будут фотографировать каждого, кто будет подниматься на Кроттенкопф, только просто ради удовольствия, то я, конечно, ничего не смогу сделать.

— Я понял, шеф.

— Итак, за работу, коллеги, по горам! Завтра утром в восемь совещание.

Группа разошлась.

— Подвезти вас к пансионату, Губертус? — спросила Мария.

— Да, с удовольствием.

В машине они молча сидели рядом. В мозговом центре Еннервайна для нелепых мыслей слова «стрельба из лука» все еще совсем не растворились, он ломал себе голову, поскольку не привык останавливаться перед загадками. Мария тоже была погружена в свои мысли.

— С таким мне еще никогда не приходилось сталкиваться, — сказала она вполголоса. — Написанное от руки письмо с признанием. Гм. Но что-то во всем этом деле, не только письмо, почерк и стиль, и остальные обстоятельства кое-что мне напоминают. Что-то другое, я только не знаю что мне о чем напоминает. Вам знакомо такое чувство?

— Даже очень хорошо знакомо.

— Я об этом подумаю.

— Вот гостиница «Эдельвейс», — сказал Еннервайн. — Вы за мной завтра утром заедете?

— Конечно, — сказала Мария и выключила мотор.

О нет, подумал Еннервайн, сейчас она непременно захочет узнать, о чем я хотел поговорить тогда при несостоявшейся встрече. С тех пор прошло три месяца, а он все еще ничего не рассказал ей о своих проблемах со здоровьем. Когда это дело будет закончено, подумал он, то я об этом поговорю. Но тогда уж точно. Стопроцентно.

— Спокойной ночи, — сказала Мария и завела двигатель.

У полицейского профайлера тоже есть личная жизнь, вероятно, он когда-нибудь тоже лежит расслабленно в отпуске на итальянском пляже, и при этом он не разделяет сразу всех плещущихся в воде на матрицы по вероятности преступления. А как это у серийного убийцы? У Куницы? Здесь уже труднее представить себе, что он делает, когда он не убивает серийно, когда не мечтает о том, как высосать мозг последнего знакомого по e-mail. Чем он занимается, когда не зашифровывает послания с выдержками из Библии, не тренируется в стрельбе и прорезании отверстий, посещает курсы заметания следов? Как выглядит частная жизнь Куницы? Есть ли она у него вообще? Волнуют ли его в дополнение к болезненной слабости еще и другие страсти? Этого Куницу? Он был заядлым альпинистом.

6 ч. 11 мин. Оксенвизе

Куница встал сегодня в пять часов, послушал во время завтрака прогноз погоды в передаче «Радио в рюкзаке» и еще в потемках отправился в путь. Короткий крутой отрезок пути, который после Оксенвизе вел к Кельбертритт, заставил его еще раз ускорить темп. Куница был в форме. Еще в молодые годы он всегда поднимался на гору, когда ему нужно было обдумать какую-либо проблему. Такое сочетание ведущих вверх горных троп и медленно вырисовывающихся решений сформировало его характер. С каждым шагом горных ботинок большие и мелкие заботы откалывались. Угрызения совести, сомнительные компромиссы и неуверенные переходные решения отламывались и скатывались как камни вниз по крутой тропинке, внизу в долине разлетались с треском на кусочки и рассыпались.

7 ч. 51 мин. Кельбертритт

На сегодня Куница запланировал многое. При маркировке пути после Кельбертритт, у камня с двумя желтыми крестами он свернул с обычной дороги альпиниста-любителя и проложил себе путь через поросль, уверенно двигаясь к своему укрытию. Второй рюкзак там был туго набит бикфордовыми шнурами, взрывчатыми веществами, начиненными кухонными будильниками и подобным милым реквизитом. И он потопал дальше с двумя тяжелыми рюкзаками горчичного цвета. Хотя уже стоял апрель, снега оставалось еще много. Куница шел по тропинкам, по которым когда-то гулял король Людвиг (или его несли на паланкине). Сегодня, в этот прекрасный весенний день, он собирался особым способом подготовить лыжню.

9 ч. 32 мин. Заувальд

Ему не нужно было волноваться, что кто-то попадется ему навстречу, он вышел слишком рано. Правда, не исключалось, что кто-то его обгонит, но это было маловероятно. При этом ему вспомнился один неприятный момент. Именно при подъеме на его любимую гору для решения проблем ему грубым способом показали, что есть еще более тренированные товарищи, чем он. Тогда примерно на середине участка он услышал за собой пыхтение другого туриста, само по себе ничего особенного, но это откровенное топание и пыхтение приближалось все ближе к нему. И если бы этот анонимный атакующий тогда укусил его в шею или ударил палкой по пояснице, Куница не испытал бы такой боли, как от того, что его кто-то обгоняет. Такое случилось первый раз в его жизни.

10 ч. 56 мин. Фрошбахель

«Там свободно бегает серийный убийца. И мы должны его найти». Во всех американских мыльных сериалах встречалось это предложение, подумал Куница. До цели оставалось всего несколько метров. На маленьком пригорке он снял свои рюкзаки, сел и отдышался. Он пришел, запыхавшись, и теперь смотрел, с трудом переводя дыхание, вниз в долину. Где-то там внизу, подумал Куница, где-то там среди других сидит комиссар. И я должен дать ему работу.

11 ч. 02 мин. Шахенхойзер

Куница разорвал пакетик с одноразовыми перчатками и надел их. Затем он достал ручку и бумагу из пластикового файла и написал:

Дорогой господин комиссар Еннервайн!

Мне двадцать семь лет, мне сорок три года, и мне скоро шестьдесят. Я верующий пресвитерианец, я верующий буддист, я практикующий проповедник вуду в приходе Вуду в районе Северный Дуйсбург. Я урожденный житель Хаммерсбаха. Я мужчина, а может быть, женщина, ах, как это прекрасно, когда ты паришь в виртуальном, потенциальном пространстве, если ты «вещь в себе», а не один из его множественных проявлений.

Это, собственно, самое привлекательное в серийном убийстве, что ты (хотя бы на некоторое время) представляешь собой беспрофильное все, что объединяет в себе многие существа, которые очень медленно сужаются в одно, скучное, конкретное. Но самое волнительное для всех сторон это как раз то время, когда преступник имеет такой нечеткий профиль, что каждый из причастных лиц думает: это мог бы быть и я сам, у меня просто не хватило мужества зайти так далеко.

Второе покушение вскоре предстоит, господин комиссар!

С уважением — из Грайнау, из Хаммерсбаха, из Клайса, из Фарханта, из Крюна...

Ваш неуловимый, в приподнятом настроении.

Оге Сёренсен ехал верхом по лесу Мора, на серой в яблоках лошади, которую ему подарила богиня асов Кригальда. Ее избушка была чисто прибрана, он вошел и спросил Тора с молотом. Уже уехав, подумал, не сделал ли он большой ошибки. Совсем позади, на столе в избушке Кригальды он увидел пакетик саго, стакан сметаны и миску ежевики. Саго, сметана и ежевика, это же были ингредиенты для — ну? На высоте Луписвульде он вспомнил, Оге улыбнулся, и мамаша Сёренсен не могла этого не заметить.

Она держала руку сына, но могла бы также держать и один из кабелей, которые выходили из медицинских аппаратов и падали на Оге, как жаждущие задушить его змеи. Мамаша получила разрешение остаться здесь. Она знала, что означает это разрешение. То, что у Оге уже практически не было шансов.

Самой клиникой она была довольна. Персонал больницы был любезным, врачи готовы были дать любую информацию. Но заслуживающим критики она считала единственный факт, что во всем здании не было ни одного знака Ø. Вместо этого санитары написали на карточке в ногах кровати *СОЕРЕНСЕН* как будто это было одно и то же. СЁРЕНСЕН было написано на бутылках с раствором для вливания, а на одном из медицинских приборов даже можно было прочесть *A_GE SO_RENSEN*. Как это можно было произнести? В такое время когда на каждой игрушечной клавиатуре уже можно было найти @ и €, казалось, что Ø это не тот знак, который был нужен миру. За все те недели, что она была здесь, она не встретила ни одного Å и ни одного Ø. И это при том, что датчане когда-то владели половиной Европы. Однако это было уже слишком давно, тысячу лет тому назад, во времена Кнута Великого: Норвегия, Шотландия, Литва, Северная Германия вплоть до Ганновера и даже Нюрнберга все это принадлежало Дании!

А в остальном она не могла жаловаться на клинику. Несколько дней тому назад к ней даже пришел главный врач, лысый мужчина ростом в два метра с большими, живыми глазами, который в коридоре напевал песню Боба Дилана: *A hard rain's a-gonna fall*, во всяком случае, он обладал чувством юмора. Затем он откашлялся:

- Внизу опять стоит кто-то из прессы, госпожа Сёренсен. Он хочет с вами поговорить.
- Сколько раз можно говорить этим людям, что я этого не люблю. Я уже все сказала.
- Да, вы правы. У меня с этим тоже проблемы. Все время одни и те же вопросы. И я не могу предвидеть, придет ли он в себя и когда, и помнит ли он, что с ним действительно произошло.
- Его все еще нельзя перевозить, не так ли?

На улице смеркалось, она достала из сумки книгу и читала из нее вслух сыну, как и каждый день в это время. Книга называлась «Краткая история прыгуна на лыжах с трамплина», но она была толще Библии.

Карл Свобода был в своей стихии. Он преобразился в дряхлого старичка, на его полной лысине торчало несколько белесых волосков, исцарапанные очки скрывали блуждающие, живые глаза. Он бродил, опираясь на трость, по всему городку и спокойно изучал все общественные парки и частные дворы, изучал навозные кучи и отхожие ямы, искал приметы проложенных под землей трубопроводов с глухими ответвлениями, изучал рост больших, но на вид трухлявых деревьев и полые внутри деревья, прикидывал вместимость этих пустот, наблюдал за буйными водоворотами в мельничных ручьях и плотинах, изучал, как на поле для гольфа прокладывались новые дорожки дерна для газонов на сочной черной земле. Если понаблюдать за ним, то можно было бы подумать, что это всесторонне заинтересованный пенсионер, но никогда бы и в голову не пришло, что он ищет совершенно особое укрытие. Окончательное укрытие для достойного сожаления врача общей практики доктора Штайнхофера и героического Сунь Ю вместе с половиной расстрелянного свиного окорока. Карл Свобода потопал к двум находящимся на возвышении озерам для купания, Риссерзее и Пфлегерзее, в плане ландшафта оба прекрасные, но похороны в озерах избавитель от проблем выбрал бы только в крайнем случае. Он вернулся обратно к центру городка и прошел мимо нескольких стройплощадок. Черт побери, черт побери, подумал Свобода при виде массивного проекта супермаркета Лидль прямо в центре городка, это была бы заманчивая идея — подложить этим наглým владельцам магазина удешевленных товаров в фундамент два забетонированных трупа. Но стройплощадка находилась прямо в центре, ее было видно со всех сторон, прятать здесь что-то казалось ему рискованным. Свобода пошел гулять за пределы городка. И на окраине городка нашел то, что искал.

Строительный рынок «Швайгер» состоял из нескольких складских помещений, выглядевших старомодными и разбросанных посреди обширной территории. Несколько рабочих как раз были заняты размещиванием свежего бетона, который они заливали в скрепленную опалубкой яму. Три бетонных колоды, с ораторскую трибуну каждый, уже были погружены на грузовик, показывая конечный результат их стараний. Это были изготовленные по размеру стабилизационные элементы, которые использовались для опор высоковольтных линий, а также для подвальных этажей со скошенным наклоном. Из каждого квадрата на верхней стороне торчала скоба из арматуры, которая очевидно служила для того, чтобы подвесить на крючок крана. Свобода потопал в темпе старца к ограде строительного рынка. Новый блок уже был отлит, железный крюк как раз вставлялся в мягкую массу и фиксировался в ней.

— А когда он затвердеет? — спросил он одного из рабочих и попытался говорить с баварским, а не австрийским акцентом, что австрийцу по-настоящему никогда не удастся. После многолетней тренировки, пожалуй, жителю Киля удалось полутемное *a* в баварском слове *Mass* (или светлое в слове *Leberkaas*) произнести более-менее правильно, а австриец обычно даже и не пытается.

— Ты имеешь в виду бетон? — ответил рабочий и не заметил искусственный баварский акцент Свободы, так как он, во-первых, был тирольским наемным работником, а кроме того, от него ужасно несло пивом, как это может быть только у рабочего, сбивающего из досок щиты опалубки перед концом рабочего дня.

— Да, я имею в виду бетон, — сказал Свобода, и его баварский с каждым словом становился все лучше.

— Нужно три или четыре часа, пока он затвердеет.

Великолепно, подумал Свобода.

— А куда отвозят блоки?

— Они расходятся по всей Европе.

Еще лучше, подумал Свобода.

— А до которого часа здесь работают?

— До пяти.

Черт побери, сегодня везет, подумал Свобода.

— Это совершенно надежное укрытие, друзья, — сказал Свобода Шан и Вонгу в пансионате «Альпийская роза».

— Когда мы это сделаем?

— Сегодня же. Прямо сейчас. В пять часов строительный рынок «Швайгер» закрывается, там не остается ни одного человека. Это специальный бетон ручного замеса, который они использовали. Они оставляют его на ночь затвердевать. На следующий день они вытаскивают блок с помощью тали и грузят его на машину. Больше мне ничего не нужно говорить или?

— Рекомендуются прочная обувь? — спросила Шан.

— Для Вонга и меня — да, а для тебя нет, — сказал Свобода. — Ты наденешь лодочки и нарядишься немножко по-сексуальнее. В то время как мы будем делать нашу работу, ты будешь стоять на улице и свистнешь, если что-то заметишь. Если будет что-то серьезное, то ты отвлечешь их, пока мы не исчезнем.

— Сильно не перестарайся, — сказал Вонг Шан.

— Поторопитесь! — зарычал Свобода как императорский фельдфебель. — Через полчаса мы едем на строительный рынок.

Так они и сделали. На машине Свободы можно было подъехать прямо к территории. Шан, которая была очень похожа на персонаж фильма «Голубой Китай», заняла позицию. Свобода сфотографировал свежеслитый бетонный блок на цифровую камеру, отметил также высоту заливки бетона. Они вытащили железную скобу из вязкой массы и положили доктора Штайнхофера и Сунь Ю на поверхность. Оба трупа были заморожены и скрючены. Это было большим преимуществом, так если бы они были киселеобразными и раскатаны, было бы очень трудно поместить их в квадрат. Им пришлось пронести тела несколько метров, это была самая опасная часть операции, ведь здесь не должен был проехать и пройти ни один велосипедист и ни один пешеход. Шан не подала сигнала, значит, все прошло хорошо. Бетон начинал застывать, Свобода и Вонг должны были поработать досками, чтобы затолкать тела. Наступили вечерние сумерки, казалось, что доктор Штайнхофер бросил последний любопытный взгляд в этот мир, его замороженное лицо затем окончательно погрузилось в серую массу. Сунь Ю по желанию Вонга был похоронен лицом вниз, если слово *похоронен* вообще является подходящим и почтительным понятием в данном случае. Бетон сейчас вышел за черту разметки, но Свобода и это продумал.

Он велел Вонгу принести лопату из машины, снял лишний бетон и переложил его в привезенный с собой чан. Лопату и чан он велел Вонгу снова погрузить в машину. Свобода

сравнил результат своей работы по выравниванию со сделанной ранее фотографией. Он сделал тут и там некоторые поправки и гонял Вонга с некоторыми подручными работами. Тот вообще не был в восторге от роли подсобного рабочего и тихо ругался на своем диалекте. Но наконец, они завершили свое дело. «Голубой Китай» не свистела, никто там мимо нее не проходил, кроме одного любителя нордической ходьбы с заткнутыми ушами и любовной парочки, проявлявшей в данный момент мало интереса к развороченной строительной площадке.

— Черт побери, иногда все идет как по маслу, — сказал Свобода и снова воткнул Т-образную скобу из арматуры в бетон, как раз между доктором Штайнхофером и Терминатором. Он положил еще сверху толстый брезент, который должен был защищать цемент от дождя — и как бы для безупречного завершения дела тучи сгустились, и освежающий ливень смыл все следы.

Ильзе Шмитц, бывшая заместительница второй начальницы отдела кадров фирмы QQи, которая непременно хотела стать первой, меж тем уже не была сотрудницей фирмы QQи, она была отдана внаем, после того как она, как женщина в кожаной шляпе, при последнем выездном мероприятии не справилась ни с одной задачей (провалилась по всем параметрам). Причинная связь между увольнением и падением, естественно, нигде не была зафиксирована письменно, но она узнала, что девушка с шакальим лицом сразу же после этого заняла ее место в QQи. Ильзе обратилась в другую фирму, более крупную международную фирму, была принята с испытательным сроком, но не могла уклониться от адского испытания выездным приключенческим культурным мероприятием в целях формирования команды, и сразу же после первого собеседования ее приговорили к такому мероприятию в выходные дни.

Мероприятие, организуемое ведущим Ивент-агентством по организации мероприятий, Ивент-агентством «Impossible», расхваливала с восторгом менеджер по внутрифирменным мероприятиям на новой фирме — и вот Ильзе снова стояла здесь, в Альпах, но на этот раз не на утесах ледяного ущелья Хелленталь, а на несколько метров к востоку, в горах Веттерштайн, на пути к Шахену, на историческом пешеходном маршруте под названием «По следам сказочного короля», к знаменитому охотничьему замку Людвига II. Из огня фирмы QQи да в полымя крупной международной компании. Она могла бы отказаться от участия, да, вполне. Но такой отказ означал бы, что она не годится для командной работы, недостаточно инновативна для фирмы. Ни рыба ни мясо, ни то ни се, и вовсе ничто. Итак, сейчас ей нужно было продержаться.

В апреле подъем к охотничьему замку был еще перекрыт для обычных смертных романтиков, дороги были покрыты снегом и льдом. Но агентство было постоянным и прежде всего платежеспособным пользователем скалистых мест вокруг котловины, оно заполняло гостиницы, рестораны и городскую казну, и ее клиенты приезжали снова и снова, не то что эти бешено несущиеся туристы из Гамбурга или Сицилии, которые, не задерживаясь, щелкали на свои фотоаппараты вершину Альп и неслись дальше. Агентство получало специальное разрешение.

Исторический турпоход с агентством «Impossible» означал, однако, также и поход в историческом одеянии, а оно было чертовски неудобным, как это Ильзе Шмитц заметила уже при первых шагах подъема в гору.

Каждый из двадцати участников был одет аутентично вплоть до нижнего белья, оно щипало и стягивало, от него краснела кожа, и старое доброе время сейчас уже казалось несколько обременительным. Шмотки из неолита были удобнее. Вначале общество еще смеялось и шутило, но потом, когда дорога стала более крутой и скользкой, когда сотрудники крупной международной фирмы увязли по щиколотку в снегу, разговоры смолкли. Каждый пытался сконцентрироваться на своей роли. На самой Ильзе Шмитц было платье придворной куртизанки, массивный кринолин и прилегающая жакетка над стягивающим корсажем, широкополая шляпа в стиле Леди Чаттерлей и филигранные ботинки на шнуровке ставили ее в один ряд где-то между Маркизой де Помпадур, Лолой

Монтес и Камиллой Паркер Боулз. Мужчинам в исторически облаченной туристической группе было не легче. Перед Ильзой топал венгерский гвардейский офицер в полном парадном мундире, состоявшем из островерхой каски с султаном из конских волос, пальто и гвардейской сабли (господин Шухарт из конструкторского отдела), позади нее шагал епископ в расшитом одеянии для торжественных церемоний, конечно, в митре и с посохом, а также с перстнем с печаткой, который нужно было все время держать на виду (господин Брезеке из отдела маркетинга), и совсем сзади сгибался под тяжестью ноши слуга в тяжелой льняной ливрее Виттельсбахского двора (господин Хойптль из отдела контроллинга) — несмотря на сгорбленность, господин Хойптль нес перед собой еще большую красную подушку на вытянутых руках, где лежало украшенное серебром охотничье ружье — драматургический элемент, дававший повод для кое-каких рассуждений по поводу сегодняшнего мероприятия. Сейчас они как раз проходили мимо Оксенвизе (*воловье пастбище*), солнце пробивалось сквозь ветки с набухающими почками, с которых стекали капли, это немного примиряло с трудностями подъема. Правила этого *history walks* (*исторического похода*) были простыми. Нужно было по возможности от начала до конца выдерживать роль, которая каждому определялась по его костюму — кто окажется в конце самым молодцеватым гвардейским офицером, самым правдоподобным епископом, самым сгорбленным слугой, самой соблазнительной куртизанкой? Полностью осознавая это, маленький двор шагал за рогатыми горными санями, которые тянули четыре лакея. Впереди, на облучке, сидел пятый у шеста для управления. В украшенном цветами палантине, установленном на санях, предполагался сам король Людвиг II, бесспорный правитель всех баварцев. Лакеи были одеты в голубой цвет Виттельсбахского двора, темно-синие бархатные шторы паланкина были закрыты; только один раз, во время первого отдыха у Кельбертритта, появилась рука в перчатке и слегка отодвинула штору. Королевская рука махнула и сразу же получила бокал шампанского. Все попытались заглянуть хоть одним глазком внутрь паланкина, но очень неясно можно было распознать мужчину с длинными темными волосами, нос и рот были прикрыты пурпуровым платком. На повороте он отодвинул шторы пошире и милостиво выглянул наружу.

— А это вообще-то король? Я имею в виду *наш* король? — спросил господин Вурхтердингер из отдела сбыта, изображавший великого герцога Регенсбургского, потому на нем была достающая почти до колен кольчуга. — Он выглядит совершенно по-другому! Он выглядит, как... — И штора задвинулась.

Еще полчаса они, кряхтя, тащились за шатающейся повозкой, один раз из чащи показались четыре охотника, заняли позицию и протрубили на своих сверкающих латуnią охотничьих рожках — ха-ла-ли, ха-ла-ла! — серенаду. Затем начались первые сбои. Легкомысленная обувь «фэн-де-сьекль»^[6] была слабым местом всего мероприятия. Маркиза Люксембургская (фрау Брекль с телефонной станции) сняла шелковые цветные туфельки и пошла дальше в принесенных с собой кроссовках. «Нарушение правил игры!» — закричал ей вслед епископ. «Сам такой», — ответила маркиза, и обоим было гарантировано снятие балла — внедренные в группу шпионы агентства «Impossible» наверняка уже это записали. Но в районе Заувальд среди утомленных пешеходов, топавших по снегу, послышался ропот. Там наверху, наконец показалась знаменитая деревянная хижина — охотничий и увеселительный замок короля. Все были уверены, что в находящемся перед ней приюте Шахенхютте есть настоящая еда с местными продуктами. Уже было объявлено о неизменных поварах высшего класса, жаренных на гриле шпикачках, дичи, мясе серны, которую, может быть, еще нужно

будет застрелить, и не важно, кто это сделает. *Рогатые сани* остановились, за ними весь двор, Ильзе Шмитц тянула и дергала корсет, излишне затянутый, и приказала своей камеристке (господин Фрелих из бухгалтерии) вытереть ей лицо и попудрить. Но штора поднялась и меланхолического вида фигура, поддерживаемая и подталкиваемая двумя слугами, спустилась по маленькой лесенке.

Перед ними стоял сказочный король. Он был обернут в большую голубую мантию, темная брошь из изумрудов выглядела как жирный паук, который вскочил ему на шею. Одни только костюмы стоили, наверное, целое состояние, подумалось Ильзе. Лицо короля все еще было скрыто. Только глаза были открыты, он огляделся вокруг, поднял голову, стащил с носа защитную дыхательную маску и стал принюхиваться, будто бы хотел понюхать каждого в его империи, франков, швабов, жителей Верхнего Пфальца, Нюрнберга, Аугсбурга и всех, кто жил на бело-голубых полях блаженных. Он оглянулся, и откуда-то, из лесов, с холмов, раздалась тихая музыка, нежная мелодия, несколько простых тактов в вечном ритме появления и исчезновения. Деревья тихо навевали свою зеленую песню, воздух был наполнен сплошным счастьем. Замечательная деталь, подумала Ильзе, музыка, которая раздается откуда-то, действительно замечательная деталь, агентство умеет придумывать. Но музыка доносилась не откуда-нибудь, ее исполнял Беппи Фишер, всемирно известный игрок на цитре, который и воспроизводил эти звуки. Он до этого сидел в паланкине, совсем рядом с королем, а теперь вышел, неся инструмент перед собой, как Орфей свою лиру. На нем была накидка и берет. И для тех, кто хоть немного подготовился к этому историческому походу под названием «По следам сказочного короля», было очевидно: игрок на цитре изображал Рихарда Вагнера, великого, собственно почти уже баварского композитора Рихарда Вагнера, который исполняет для государя что-то из его опер. Исполнение на открытом воздухе увертюры из «Тангейзера», на цитре, настоящим жителем гор. Неплохо, подумала Ильзе Шмитц. И впервые у нее было чувство, что здесь может быть не так плохо, как тогда в ущелье Хелленталь.

Один из лакеев подал знак носовым платком. Сейчас придворный этикет требовал склониться, расшаркиваясь и приседая в реверансе, и десяток взрослых менеджеров согнулись бессловесно перед исполнителем роли Людвига. Ильзе Шмитц снова выпрямилась. Хорошо, что ее не стали подкрашивать и пудрить, так как внимание короля обратилось вдруг на нее, маленькую Ильзе в присборенном и гофрированном одеянии куртизанки. Королевским жестом руки он велел ей подойти. С завистью наблюдали за ней остальные, Клаус Вондрикат из отдела рекламы скрипел зубами, но сохранял самообладание. Сказочный король не говорил, он только жестикулировал, он показывал вверх на возвышенность. Ильзе жмурилась и увидела, против солнца, несколько движущихся точек. «Серны!» — шепнули некоторые из двора; те, кто знал французский, шептали *Les chamois!* чтобы быть еще более достоверными. Ильзе Шмитц слышала также хихиканье, но она не стала обращать на это внимание. Государь всех баварцев показал на одетого в ливрею Виттельбахского слугу, на бархатной подушке которого лежало ружье. О нет! Разве сегодня ее заданием было стрелять в серну? Почему именно она? Она ведь никогда в жизни не держала в руке ружье, даже на ярмарке, но от нее, как от менеджера, ожидали, вероятно, что она решит эту проблему. Молниеносно, решительно, настойчиво. Она взяла ружье с подушки и прицелилась. Близоруко щурилась она в прицел. Может быть, сначала нужно было зарядить ружье? Беппи исполнял на цитре как раз «Смерть от любви» из Тристана и

Изольды, он подмешивал в музыку Вагнера несколько альпийских песен: *As Gamsalschiafen is mei Freid*. («Стрелять в серну для меня такая радость»). Она делала вид, будто она ищет на холме самую жирную и самую неподвижную серну. Вероятно, они были из картона, эти животные, и какие-то помощники таскали их веревками взад и вперед, но в Баварии никогда нельзя было знать точно, что было декорацией, а что настоящим. Она крепко обхватила ружье, и все смотрели на нее, смелую куртизанку и охотницу на серн, стоявшую в тончайших полусапожках из телячьей кожи на высоте Фрошбахель. И тут это случилось. Наверху на окраине леса появилась лошадь. Ах, да что там лошадь: благородный конь вороной масти, иссиня-черного коня вели через луг, ноздри у него были раздуты, бока мокрые от пота, голова своенравно откинута назад, и Людвиг II подошел к этому страшилищу и на удивление ловко сел на него. И когда он сидел так высоко на лошади и окидывал взором местность, и когда он совсем стянул с себя защитную маску, некоторые узнали его.

— Да это ведь...

— Как он сидит на лошади!

— Это может быть только...

И это был он: Пьер Брис, который когда-то играл вождя апачей и который сейчас, не менее величественно, изображал короля. Так мог бы выглядеть Людвиг II, если бы ему, как Пьеру Брису, исполнилось восемьдесят. У некоторых, кому было за тридцать, задрожали колени, в их числе у Ильзе Шмитц. Она в юности была горячей поклонницей Пьера Бриса. Облагороженный «индеец» Людвиг только махнул ей, и она подошла поближе. Хотя она и знала об инсценировке, его серебристо-голубые, как озеро, глаза пронизывали ее насквозь. Что это был за взгляд! Он показал ей жестом подняться к нему на лошадь, она ухватила за протянутую руку и взобралась с помощью быстро подставленной лесенки к нему на лошадь. Все еще держа ружье в руках, она села позади него как вооруженная невеста мотоциклиста, и он тотчас же пустился вскачь. Раздались бурные аплодисменты, почти без зависти аплодировали все в команде этой сцене, и с радостными возгласами она размахивала ружьем над головой. И тем не менее: она еще никогда не ездила верхом и через несколько прыжков почувствовала легкую тошноту. Но слава Богу, король остановился у подножия покрытого снегом крутого склона, зубчатые скалы резко поднимались вверх и немного защищали от поднявшегося вдруг ветра. Он развернул лошадь против ветра, осторожно взял ее ружье и направил его в сторону серн, в телесном существовании которых она все еще сомневалась. «Картонные серны!» — слышала она перед этим сквозь хихиканье. Издалека были слышны звуки цитры, ее указательный палец нажимал на спуск. Но выстрела не произошло.

Придворные льстецы баварского короля, стоявшие внизу, первыми увидели лавину, все сразу же вышли из своих ролей и с криками показывали вверх. То, что произошло что-то непредвиденное при этом приключенческом мероприятии, что-то катастрофически непредвиденное, поняли по тому, что одетые в ливреи слуги стремительно убежали, не заботясь о короле. Вся компания высоких господ рассыпалась, позабыв этикет и спасаясь от траектории схода лавины.

Ильзе Шмитц и Пьер Брис тоже смотрели наверх. Там, на расстоянии пяти-шести метров оторвалась большая снежная глыба, катилась устрашающе величественно вниз, она катилась вниз, прямо на них. Снег был мокрый и грязный, это отсюда было видно, и снежная стена, высотой в человеческий рост, ударила по лошади и всадникам. Виннету-Людвиг пришпорил лошадь. Ильзе, которая не вцепилась в храброго всадника, сорвало с лошади, и

она грохнулась с двухметровой высоты на твердую промерзшую землю. Ружье она крепко прижимала к себе, лавина находилась еще в тридцати метрах от нее. Она ругалась и хотела встать на ноги. Лавина находилась еще в двадцати метрах от нее. Как только Ильзе сделала первый шаг, подвернутая лодыжка отозвалась болью. Десять метров. Может, сломала ногу, Ильзе сейчас не могла сдвинуться ни на шаг. Пять метров. Она изо всех сил звала на помощь. Три метра. Она бросилась на землю и легла плашмя, в наивной надежде, что снежная масса пронесется над ней. Один метр.

Господин Вурхтердингер из отдела сбыта, который изображал великого герцога Регенбургского, подвергался в течение всего мероприятия легким насмешкам со стороны всех участников. Он был самым тяжелым на подъем среди всех туристов, огромный живот выпирал из-под кольчуги. Фыркая и сопя, господин Вурхтердингер протопал весь путь до Шахена, он был довольно молчаливым, этот великий герцог, но ему тоже хотелось проявить гибкость, открытость, готовность работать в команде, подвижность и многое другое. Он остановился и оглянулся еще раз назад на сошедшую лавину. Он достал свой маленький цифровой фотоаппарат из-под кольчуги и сфотографировал мирный, белый пейзаж. Рогатые сани короля стояли как задрапированные на улице, обладатели ливрей и подхалимы в королевских синих одеждах удрали, другие участники мероприятия тоже уже были на пути в сторону Шахенхютте. Господин Вурхтердингер еще раз сфотографировал нетронутую белизну с рогатыми санями, затем он повернулся, чтобы пойти вслед за остальными.

Если бы он только еще немного подождал! Только пару секунд, и тогда у него перед глазами был бы действительно необыкновенный фотосюжет, весенний этюд, полный прелести и грации. А именно, в одном месте раскрылся снег, и что-то маленькое, изящное проворно пробиралось сквозь белый ковер. Можно было видеть несколько пальцев, затем барахтающуюся руку, одетую в перчатку из телячьей кожи. Теперь показались рукава, украшенные тончайшими брюссельскими кружевами, ржаво-красная бархатная отделка протискивалась сквозь грязную сырость, и, наконец, появилось мягкое плечо вместе с прилежащей к нему головкой, обрамленной свисающими завитыми локонами. Ильзе Шмитц совсем выбралась наружу и отряхивала снег с промокнутого платья куртизанки. И вот она стояла здесь, непогибший подснежник, однако без ботинок, они застряли где-то в снегу. В руке Ильзе все еще держала украшенное серебром ружье, которое ей предоставил его величество король для стрельбы по сернам или для стрельбы по картонным мишеням.

Ильзе чертовски повезло. После падения с лошади она попала в небольшое углубление в почве и легла там; когда первая лавина пронеслась над ней, тяжесть снега прижала ее вначале вниз, затем по законам физики вытолкнула полужидкое тело снова наверх. Это было подобно уравнению: корень из веса, деленного на скорость минус омега, но самое главное — она была жива. Таким образом, она была покрыта снегом высотой только полметра, и в первый момент просто не знала, жива ли вообще. Но скоро смогла освободиться. Ильзе Шмитц, птица феникс из белого пепла, отряхивалась и осматривалась вокруг: нигде ни души. Новое испытание? Новый вызов? Новый шанс набрать баллы? Но может быть, в первую очередь ей хотелось согреть пальцы на ногах. На некотором расстоянии стоял манящий к себе паланкин Людвига II, и она пошла, спотыкаясь, к нему. Может быть, там внутри она сможет немного обсохнуть. Она бросила ружье внутрь и забралась через боковое окошко в узкую каюту. Понятно, ей нужно было наверх, к остальным, в приют Шахенхютте, чтобы оттуда привести людей на помощь, но сначала надо растереть досуха ноги. Или остальных тоже засыпало? Нет, они ведь убежали, это она еще могла видеть.

Ильзе Шмитц сняла насквозь промокшие шелковые носки, нежнейшего льежского канареечно-зеленого цвета, и массировала пальцы ног. Но она еще не успела согреться, как

ее внезапно перевернуло. Она потеряла равновесие и грохнулась на пол. По тому как быстро происходило это круговое вращение, и по виду из окна она поняла, что сани повернули и показывали сейчас в другое направление, вниз с горы, в прекрасную долину реки Лойзах. Повозка начала медленно скользить вниз. Ильзе смотрела вперед, сквозь маленькое незастекленное окошко, откуда можно было видеть только облучок. К ее удивлению, там был человек в белом лыжном костюме, который держал сани за оглобли. Он натянул свою, тоже белую, лыжную шапочку на лицо, шапочку с прорезями для глаз, которая даже самому веселому лыжнику придает вид бесстрашного грабителя банка. Правящий санями был, вероятно, помощником на мероприятии из агентства «Impossible», который должен был собирать реквизиты.

— У других все в порядке? — крикнула Ильзе сквозь маленькое окошко, на что мужчина только мельком взглянул в ее сторону. Он, вероятно, кивнул, но не дал никакого ответа. Резкий поворот, и Ильзу Шмитц снова отбросило назад, она ударилась о твердую землю. Но это было уж слишком для нее. Боль привела ее в ярость. Она поползла снова вперед, цепляясь за нижний край отверстия.

— Эй, послушайте, поосторожней! Я вас спросила, все ли в порядке с остальными?

Сани сейчас поехали быстрее, водитель уверенно направлял их точно на дорогу, по которой они ехали наверх.

— Вы что, глухой? Я вас спросила...

Она замерла, так как «лыжная шапочка» повернулась и попыталась одной рукой отцепить ее пальцы, которыми она крепко держалась. Произошла потасовка, молчаливое перетягивание туда и сюда, потом он отпихнул ее назад, на этот раз она стукнулась головой о заднюю стенку.

— Эй вы, идиот, остановитесь! Я выйду!

Этот человек не был помощником агентства. Это был какой-то деревенский придурок, который собирался украсть сани. Она уже кое-что слышала о странных обычаях в этой местности. Здесь воровали «майские деревья», заделывали кирпичной кладкой двери за новобрачными. И человек в лыжной шапочке точно хотел украсть эти рогатые сани! Вор, вероятно, слишком поздно заметил, что Ильзе сидела внутри. Или он все же был из агентства? Можно ли здесь будет набрать баллы?

Ружье лежало на полу, она небрежно бросила его перед этим в паланкин. Она поползла, насколько это было возможно в грохочущих и шатающихся санях, и схватила ружье.

— Эй, глянь-ка сюда, дурак! Остановись же, наконец!

Мужчина взглянул через плечо, увидел ружье, и у него был довольно испуганный вид, насколько это можно было понять сквозь прорези шапочки. Для профессионального вора не слишком хладнокровен, подумала она. Глупая шутка подростка?

— Я сказала, чтоб ты остановился!

Она потрясла ружьем, надеясь, что он наконец затормозит, если такое вообще возможно на этих рогатых санях. Но он не затормозил, а сделал что-то совершенно неожиданное. Отпустил шест для управления, невозмутимо встал с облучка, схватил два лежавших на полу горчичного цвета рюкзака, набросил их на себя и каким-то невероятным прыжком с облучка полетел прямо в снежный сугроб.

Ну прекрасно! Теперь Ильзе Шмитц сидела одна в неуправляемых санях, мчавшихся с горы. Ее первым порывом было последовать за незнакомцем и выпрыгнуть сбоку паланкина.

Она выглянула наружу и увидела, что сани уже давно едут не по дороге, а прокладывают себе путь по свободному, но каменистому полю. Не очень удачная идея прыгнуть здесь, так как сани уже набрали приличный темп. Отверстие вперед к облучку — слишком маленькое, чтобы сквозь него проползти. Сколько было сил, от отчаяния, она вогнула приклад ружья в дерево. На ее счастье, это был не настоящий, не исторический Людвиг, который велел построить этот паланкин, тот бы использовал прочный баварский дуб или тяжелый тик из Оберпфальца. А эта калоша была сделана из фанеры, и уже от первого удара Ильзы конструкция подалась, второй, третий удар, и с фанерной стенкой и ее деревянными рейками было покончено. Отталкивая от себя стволом винтовки остатки реек и обломки дерева, Ильзе Шмитц выбралась на свободу. На свободу — звучит хорошо, но на самом деле это было не так, поскольку сейчас она заметила, какую огромную скорость набрали эти жуткие сани, и ей было видно, что внизу у подножия горы стояло несколько роскошных сосен. Она схватила шест и дернула его с силой влево. Сани отреагировали, но слишком вяло. Из-за надстройки паланкина они были тяжелыми и не очень подходили для резких маневров на поворотах. Тем не менее Ильзе надеялась, что сможет объехать препятствие из ансамбля сосен. Еще пятьдесят метров: прыгнуть? Слишком много камней. Еще тридцать метров. Она надеялась, что сможет проехать мимо самой крайней сосны слева, а там она видела, что идет небольшой подъем, и если ей чуть-чуть повезет, она остановится. Еще двадцать метров. Она увидела, что с крайней сосной ей справиться не удастся, нужно было править в промежуток между ней и ее соседкой справа, чтобы таким образом, она надеялась, попасть на подлесок, который открывался там, темный, мягкий и зазывающий. Если повезет, то карета там затормозит. Если повезет, то она отделается парой царапин. Она упала на пол саней, и в следующее мгновение повозка просвистела между двумя деревьями. Получилось! Мелькнула мысль, не заползти ли быстренько обратно в паланкин, чтобы при столкновении иметь хоть какую-то защиту. Но выяснилось, что это была плохая идея, так как уже на первых метрах в лесу надстройка зацепилась за несколько торчащих веток и с треском отлетела от саней. Виттельсбахская голубизна затерялась в изумрудно-зеленой чаще, паланкин подбросило высоко в воздух, он с треском раскололся, шансы на выживание уменьшились. Сани понеслись дальше. Скоро они должны были притормозить где-то в кустарниках, не могли же они нестись бесконечно! Но здесь уже было мало кустарников, сани не тормозили, они скользили дальше, Ильзе поднялась с пола и закричала от ужаса. Она схватила шест и направила его в другую, в правую сторону. Без тяжелой надстройки колымагой было значительно легче управлять. И хотя дорога круто шла вниз, на поле здесь было значительно меньше снега, трава тормозила. Если бы только склон не становился круче, она бы смогла остановить рогатые сани. Но впереди! В ста метрах поле вдруг резко закончилось, и за ним было видно голубое небо. Она направила сани прямо к пропасти.

На горячем песке пустыни стояли двое мужчин на маленьком пригорке. Один спрятал руки в карманы брюк и молчал, другой говорил ему что-то, изображая при этом обеими руками трамплин, который возвышался над пустыней. Третий мужчина стоял немного в стороне и искал биноклем горизонт.

— Смотрите, доктор Мак-Грей, — сказал Калим аль-Хасид, — я представляю себе это так.

— Я весь внимание, — сказал доктор Мак-Грей и засунул руки еще глубже в карманы.

— Если Олимпийские игры-2022 состоятся в Дубае, то будет самая фантастическая церемония открытия, какую когда-либо видели. Первый раз в истории Зимних игр среди прыгунов будет араб, может быть даже дубаец...

— ...который предположительно еще даже не родился?

— ...примерно так. Двести тысяч зрителей будут его поддерживать. Я назову его Курадом. Он разгонится, наш Курад, визгу толпы не будет предела. Он подпрыгнет и полетит. Он полетит к солнцу, будет подниматься все выше и выше. И кто-то подумает — может ли человек так вечно лететь? Разве законы тяготения для этого араба не действуют? Разве кривая полета не должна снова пойти вниз? Но Курад летит дальше, становится все меньше и исчезает как маленькая точка из поля зрения двухсот тысяч зрителей.

— Гм, — сказал доктор Мак-Грей, — у вас уже есть какая-то идея, как ваш Курад это должен сделать?

— Предоставьте это мне. Это моя маленькая тайна, и вам я ее не выдам.

— Может быть, это будет пропеллер, который он пристегнет себе на спину?

— Слишком заметно.

— Вертолет, который будет лететь на большой высоте и держать этого Курада на прозрачном канате?

— Тоже нет, доктор Мак-Грей.

— Нагнетатель воздуха снизу?

— Я вам этого не выдам. Но от вас мне нужно кое-что другое, — сказал Калим аль-Хасид. — Вы, как главный метеоролог НАТО, наверняка сможете мне помочь.

— Мне очень любопытно. Что же вам нужно от меня?

— Снег, — ответил Калим. — Я хочу, чтобы в Дубае выпал настоящий снег. Такое возможно?

Юсуф опустил бинокль. Это одинокое местечко в калифорнийской пустыне выбрали в качестве места для переговоров, чтобы быть полностью уверенными, что никто не подслушает. Фантастические идеи Калим аль-Хасида никто не должен украсть, иначе они всплывут, как уже много раз случалось, во время другой международной церемонии открытия. Но еще большие заботы доставляла Юсуфу безопасность Калима. То, что он до сих пор еще не выяснил загадочное нападение на Новый год, не давало ему покоя. Мысли Юсуфа возвращались снова и снова к кусочку ковра со следами крови. Он отдал кровь на анализ в лабораторию. Затем прогнал с помощью знакомых данные анализа по разным полицейским компьютерам. Это было жутко дорого, а результат был равен нулю. Кровь не принадлежала ни одному из известных в мире зарегистрированных преступников.

Также много денег потребовал сумасшедший австриец за сравнение с его базой данных. Он уже много лет работал с сетью доносчиков, собиравших отпечатки пальцев, анализы крови и другие данные известных современников. Однако следы крови на ковре и в его картотеке не привели ни к какому результату. А это могло означать одно из двух. Или тот, в кого в Новый год стреляли, был мелкой сошкой, например, привратником, что маловероятно, так как он наверняка бы громко представился, или это был другой телохранитель, что невероятно по тем же причинам. Не исключено, конечно, что он подстрелил переодетого супер-ультра-видного деятеля, такого, о котором даже не следовало знать, что он находился в ВИП-ложе лыжного стадиона.

— А от нынешнего папы, например, у нас совершенно ничего нет, ни отпечатков пальцев, ни ДНК, ничего, — сказал этот Карл Свобода. — А о чем, собственно, идет речь?

Юсуф ему не ответил.

— Снег, — сказал доктор Мак-Грей задумчиво. — Со снегом мы еще никогда не работали.

— Значит, невозможно? — спросил Калим аль-Хасид разочарованно.

— Нет, подождите. Мы работаем уже давно с искусственными дождевыми облаками, — сказал доктор Мак-Грей. — Формируем на высоте примерно четырех тысяч метров поле индукции Лейснера, в котором, говоря по-дилетантски, улавливается атмосферная влага. Затем мы герметизируем облако специальной высокоплазменной технологией. Точнее вам, вероятно, не нужно знать, так как при этом не обходится без атомной энергии. Затем с помощью ведущего луча подвигаем облако туда, где оно нам нужно. В настоящее время у нас по всему миру в обращении пятнадцать таких облаков. Идея, чтобы пустить падать снег, мне в голову совсем не приходила. Но такое возможно.

— И в Дубае тоже?

— Именно в Дубае, — подтвердил главный метеоролог НАТО.

Общество придворных было не узнать, на всех участников набросили переливающиеся золотом термопокрывала из полиэтилена, они лежали на простых деревянных нарах, полностью покрытые согревающим пенопластом, наружу выглядывали только трясущиеся головы, красные уши и синие губы. Никакого следа от венгерских гвардейских офицеров, французских маркизов и итальянских епископов — в данный момент только господин Шухарт, фрау Брекль и господин Брежеке потягивали пластиковые трубочки и пили подслащенный глюкозой бодрящий чай, который со времени основания горноспасательной службы в 1920 году не изменил своего вкуса. Горноспасатели привели участников испорченной прогулки опытными приемами к охотничьей избушке, освободили их от исторических одеяний и, наконец, укрыли полиэтиленовыми одеялами. Каждого в отдельности осмотрели на наличие повреждений и признаков обморожения, но исторические путешественники, за исключением нескольких царапин, были вполне здоровы. То один, то другой уже поглядывали на канapé с семгой и на фрикадельки из мяса серны (*«гамсфляйшпфланцерль»*), выставленные на заднем плане, но никто не осмеливался дотронуться до них.

Несмотря на исключительно быструю спасательную акцию и сравнительно благополучный исход несчастья, настроение, как у организаторов мероприятия, так и у участников, было раздраженным. В особенности Пьер Брис, без типичной бородки Людвига, ругался как марсельский докер. У него на сегодня предполагалось еще два выступления, в качестве Виннету и Наполеона I, и тоже в коммерческой сфере.

— Вы знаете, что это означает! Если откажешься один раз, то тебя больше никогда не пригласят!

Вид у него в данный момент для всех участников, которые видели его как таинственного человека в паланкине, был горьким разочарованием, так как едва с него сняли драгоценное мантию и обернули в пластиковую накидку, он превратился в скандального старичка. Многие отвернулись, настолько исполнитель обесценил и девальвировал свою достойную почитания роль. Таким короля никто не хотел видеть.

Вдруг снаружи сначала раздался шорох, потом нарастающий шум, и что-то устрашающее прогремело над зданием.

— Это вертолет! — закричал радостно один из горноспасателей сквозь этот треск. И действительно, вертолет можно было увидеть сквозь окошко охотничьего замка. Пассажиры не стали дожидаться, пока пропеллеры остановятся, долговязая женщина в темно-зеленой парке открыла дверцу, выскочила наружу и побежала к домику. Одета точно также свора полицейских последовала за ней — и в двери вдруг оказалась смелая группа сил быстрого реагирования комиссии по расследованию убийств, которая прибыла сюда кратчайшим путем.

— Эй, а что вы делаете здесь наверху? — спросил горноспасатель, все еще продолжая кричать. — И как вы добрались до нашего вертолета?

— Небюрократическая служебная помощь, — ответил Штенгеле. — Мы как раз получили угрозу покушения.

— А это, вероятно, пострадавшие? — спросил Еннервайн и показал в направлении лежаков.

— Ну да, несколько синяков, и больше ничего. Мы можем прямо сейчас отвезти весь багаж снова в долину.

Еннервайн подошел к закутаным фигурам.

— Все в порядке? — спросил он старика с покрашенными в синевато-черный цвет волосами.

— О да, — ответил Пьер Брис, с трудом переводя дыхание. — Все в порядке — кроме того, что я разорен!

— Ну главное, вы живы и здоровы, — возразил Еннервайн и снова обратился к своей команде. — Я думаю, нам нужно вначале огородить место происшествия.

— Я уже видел с вертолета место, где откололась снежная лавина, — сказал Ханс-Йохен Беккер. Он обратился к двум другим экспертам-криминалистам, женщине в огромных очках и к худому как щепка человеку. — Мы сейчас пойдем наверх и посмотрим повнимательнее.

— Может, и мне тоже...

На лежаке рядом с Пьером Брисом поднялся еще один полиэтиленовый сверток.

— А вы кто такой? — спросил Еннервайн.

— Я помощник организаторов этой прогулки, — раздалось из свертка. — И может быть, я мог бы вам...

— Оставайтесь здесь. К вам я вернусь позже. Итак, вперед, к месту происшествия!

— Я все время слышу место происшествия, — сказал горноспасатель. — Что это означает? Почему вы вообще здесь? Кто вас звал?

Еннервайн отвел горноспасателя в сторону.

— Мы получили звонок, — пояснил он, — с уведомлением о покушении.

— Что за покушение? — воскликнул горноспасатель ошарашенно. — Это совершенно обычный сход лавины. Кто-то из этой — гм, ну да, — туристической группы позвонил нам по мобильнику и попросил о помощи.

Еннервайн рассматривал фигуры на лежаках. Может, кто-то из этих?

— Что это вообще за туристическая группа? — спросил комиссар. — Так, прямо как в песне «Весной мы идем в горы, фаллера!», они не выглядят.

— Насколько я понял, это менеджеры одной фирмы, которые хотели устроить здесь какое-то мероприятие.

— Тогда я попрошу сохранять все в секрете. Пока мы не будем знать все обстоятельства, о покушении не следует распространяться.

Роторы вертолета остановились. Мария посмотрела на лежащие фигуры.

— Наш Куница не будет таким глупым, чтобы самому участвовать в мероприятии?

Помощник организаторов мероприятия агентства «Impossible» собрался с силами и сел на край лежака, чтобы лучше слышать разговоры.

— Что-то случилось? — спросил он. — Я слышал что-то о покушении.

— Мы вначале собираем информацию, — сказал Еннервайн и махнул горноспасателям и их следователям, чтобы они подошли.

— Когда к вам поступил звонок? — спросил Еннервайн горноспасателя.

— Около тринадцати часов.

— И сколько вам потребовалось времени, чтобы добраться сюда?

— Меньше десяти минут.

— Что сказал звонивший?

— Что под приютом Шахенхютте на высоте Заувальд сошла лавина. А что сказал ваш звонивший?

— Объясните ему, — приказал Еннервайн Марии. — Штенгеле и Шваттке, пойдете с мной, мы запишем некоторые личные данные свидетелей.

— Я гаупткомиссар Еннервайн. При таких несчастных случаях принято привлекать полицию для выяснения, что не было вины посторонних, — солгал комиссар. — Оба мои коллеги сейчас перепишут ваши адреса.

Все в помещении с нарами поднялись и показались сами себе чуть-чуть важнее, чем до этого. Внезапная лавина, моментальное спасение, сенсационное приземление вертолета и выступление горноспасателей и полиции — большинство сейчас подумало, что за всем этим снова стоит агентство «Impossible». Но когда же будут «фрикадельки из мяса серны», которые они перед этим видели? Николь Шваттке обратилась к первому свидетелю.

— Позвольте узнать ваше имя и адрес?

Пьер Брис потерял дар речи:

— Разве вы не знаете, кто я?

Двадцатилетняя Николь Шваттке покачала головой.

— Пьер Брис, — бросил Еннервайн через плечо.

— Как, вы знаете этого человека? — спросила она удивленно.

— Это еще было до вас, Николь, — сказал Еннервайн. — Оставьте его, я не думаю, что его вторая профессия Куница.

Приезжая команда криминалистов снова ввалилась в помещение, Ханс-Йохен Беккер, женщина в толстых очках и тощий человечек отряхивали снег с одежды и обуви.

— Наш Куница профессионал, ребята! — закричал Беккер радостно. Еннервайн сделал ему знак, чтобы тот замолчал, и пошел в соседнюю комнату. Трое из команды Беккера тут же поставили свои пакеты осторожно на пол, и женщина в толстых очках сразу же начала их надписывать.

— Наш Куница проделал хорошую работу, — прошептал Беккер. — Он взорвал лавину по меньшей мере в трех местах. Одно-единственного взрывателя было бы уже достаточно, чтобы сдвинуть ненадежный и полуприлегающий снежный слой. Похоже, со знанием дела. Но в то же время как-то педантично. Как будто Куница не очень был в себе уверен.

— Или по-военному, — вставил Штенгеле. — Я был в федерации в инженерных войсках. Мы тоже также готовили контролируемые сходы лавин. С механическими взрывателями, которые распределялись по разным местам.

— А если это был все-же кто-то из этого агентства «Impossible»? — сказала Мария.

— Это вполне возможно, — вмешался горноспасатель. — Нам уже много раз приходилось их выручать. И не впервые случается так, что они сами создают себе проблемы.

— Контролируемый сход лавины как стимулирующий удар? — спросила Николь Шваттке.

— Если я вам расскажу, что они тут уже наделали! — воскликнул горноспасатель. — Небольшой сход лавины это еще пустяк.

— Тут кто-то говорил о механических взрывателях. Разве Куница работал не с дистанционными взрывателями? — спросила Николь.

— Нет, — ответил Беккер, — с совершенно старомодными, самодельными

взрывателями с часовым механизмом. А потом мы нашли еще кое-что, что говорит против тезиса, что это был кто-то из агентства.

— Давайте, я угадаю, — сказал Еннервайн. — Письмо с признанием.

*«Уважаемый господин комиссар Еннервайн!
Мне двадцать семь, мне сорок три, мне скоро шестьдесят...»*

— Куница, — сказала Мария.

— Послушайте, — обратился Еннервайн к хранителю воздушных высот. — Можете ли вы попридержать при себе детали этого покушения некоторое время?

— Конечно. На горноспасателей вы можете положиться. Чего мы только не храним в тайне! По сравнению с баварской горноспасательной службой любая могила как блог в Твиттере.

— Ну, тогда ладно, — сказал Еннервайн. — Вы обо мне еще услышите.

Внутри в большом помещении любители исторических турпоходов как раз были заняты тем, чтобы снова одеться и подготовиться к отлету. Одна часть из них собиралась полететь на вертолете, другая, в их числе цитрист Беппи, предпочитала пойти в долину пешком. Еннервайн наблюдал за ними и прислушивался к их разговорам. Он успокоился. Никто из них не был похож на Куницу. Но герцог Кларенс тоже не выглядел как Джек-потрошитель.

— Все в полном составе? — спросил горноспасатель помощника организаторов похода, когда они выходили, но это было скорее утверждение, чем вопрос. — В полном составе?

— Да, в полном составе.

— А где, например, новенькая? — спросила фрау Брекль из телефонной станции.

— Да, где моя храбрая всадница? — спросил Пьер Брис, у которого настроение улучшилось, потому что он смог раздать несколько автографов.

Они искали в том месте, на котором сказочный король потерял охотницу на серн. Рыли и копали и нашли, наконец, глубоко в снегу пару филигранных ботинок на шнурках, какие, вероятно, когда-то носила Маркиза Помпадур. Может быть, и Лола Ментес или Камилла Паркер. От их хозяйки не было и следа.

— А где, собственно, карета? — воскликнул один из агентства «Impossible».

Да, куда девалась карета? Некоторые горноспасатели побежали к тому месту, где она стояла последний раз. Свежие следы вели вниз.

Член совета общины Харригль был ужасно зол. Ему пришлось идти пешком к кондитерской «Крусти», потому что у него уже в третий раз украли велосипед.

— Мы расшибаемся в лепешку для граждан, — сказал член совета общины Тони Харригль в кондитерской «Крусти» и откусил от булочки «Барак Обама» (багет из темной муки, посыпанный белым маком, если кто-то не верит, то может сам съездить туда). — Мы предлагаем гражданам все возможное, а что делает полиция, которая живет за счет наших налогов?

Все за столом согласно кивнули. Полиция никогда ничего не предпринимала. Стекольщик Пребстль, который всегда приходил сюда с супругой, кивнул, небольшой коллектив сотрудников аптекарского магазина напротив, который подслащал послеобеденный перерыв яблочными пирожками, кивнул, отдыхающий, которого никто не знал по имени, но который уже пятнадцать лет проводил свой отпуск на этом курорте, тоже кивнул, и Харригль кивнул особенно усиленно.

— Знаю я этих чиновников, — сказал он. — Знаю их всех — Остлера, Холлбайзена, Еннервайна, и этот Еннервайн особенно ленивый пес, если можно так сказать. Я не хочу снова начинать историю с новогодними прыжками, но он ведь затягивает расследование этого дела! И это при том, что я сообщал ему информацию, и не раз. Даже задействовал мои связи с Министерством внутренних дел. Даже раскрыл «горячий» след, который ведет от нашего трамплина для прыжков прямо в Москву. И вы думаете, он пошел по этому следу?

— Нет, ничего, они продолжают дальше свои бюрократические действия, а потом удивляются, когда преступники их постоянно на шаг опережают, — вставил слесарь Большой.

— Что действительно произошло с датчанином, все еще никто не знает, — добавила одна из аптекарш. — Ничего не обнаружилось в ходе следствия, это ведь позор для нашего курорта.

— А теперь представьте себе, — сказал Харригль, — как это будет на Олимпийских играх. Мы их вовсе не получим, если так пойдет дальше. И даже самый последний заметит, что новый трамплин для прыжков на лыжах только выброшенные на ветер деньги! Если бы тогда серьезно подошли к моему предложению...

Вошел Вилли Ангерер. Он слишком поздно увидел, что Тони Харригль, его личный враг, тоже был там и произносил что-то вроде речи — и сейчас он не собирался повернуть обратно.

— Что тут у вас? — спросил Ангерер и как обычно поставил свое охотничье ружье в угол. Он заказал кофе и совершенно простую булочку (он подчеркнул это).

— У нас нет таких, — сказала женщина за прилавком.

— Вы единственная булочная, где булочки нужно приносить с собой, — сказал Ангерер и наконец взял булочку «Уши Глас» (посыпанную сахарным песком) и булочку «40-я годовщина высадки на Луне» (с маленькими кратерами на поверхности).

Вилли Ангерер подошел к высокому столу и принялся молча есть. Дверь распахнулась, впуслав немного весеннего воздуха, и вместе с ним запыхавшегося Манфреда Пенка, сельского психолога, как его называли, укротителя упрямых спорщиков, своего рода

стеколыщика, восстанавливающего деловые отношения.

— Там наверху у Шахена, — с трудом выдохнул он, — там наверху у Шахена...

Пенк не смог договорить, ему нужно было перевести дыхание. Он был интеллигентом, образованным, как говорят здесь, и спортивных достижений от него не ожидали. Может быть, он пробежал двадцать шагов и уже едва переводил дух. И тем не менее. В таком естественном кругу в Баварии обязательно должен был присутствовать человек с высшим образованием, уже первый Виттельбахский правитель Отто I держал при дворе астрологов и писарей.

— Там наверху у Шахена, — сказал Пенк еще раз, тяжело дыша, и сел, плотая комок в горле, — сошла лавина. Много людей засыпало. Мне только что рассказал один горноспасатель.

— Местные? — спросил Ангерер.

— Нет, это люди от этого ненормального агентства организации праздников, «Impossible», или как там его. Больше я ничего не знаю.

— Да. Что-то должно было случиться, — сказали Тони Харригль и Вилли Ангерер почти одновременно.

Ильзе Шмитц неслась навстречу пропасти. Ей нужно было прыгнуть. Поле было скользким, кое-где торчали пни. Еще тридцать метров. Надо было расстаться с этой проклятой повозкой! Еще двадцать метров. Она крепко обхватила ружье и прыгнула. Когда падала на землю, она опиралась на ствол винтовки и смогла таким образом немного смягчить падение. Она проскользила в опасной близости от торчащих пней, ей как-то удалось упереться стволом в мокрую траву, и, наконец, она остановилась и смогла посмотреть на жуткий спектакль из партера. Рогатые сани неслись к краю горного пастбища и полетели, неуправляемые, без Ильзе, вниз в долину. Сама она замерла всего в нескольких метрах от пропасти и теперь сидела, опираясь на ружье и дрожала всем телом. Она считала двадцать один, двадцать два, потом услышала внизу отвратительный грохот. Дерево по металлу, металл по стеклу. Осколки разлетались, один оббитый бархатом подлокотник, взлетев высоко в воздух, снова упал вниз, но все равно она была спасена. Она была жива. Ильзе Шмитц расслабилась, хотя старая солдатская мудрость — не расслабляйся слишком рано. Она все еще держала в руке ружье, свою опору, свой тормоз. Она держала его крепко, судорожно, и когда повернулась в сторону, задела спусковой крючок серебряного ружья. Грохот был ужасный, сильной отдачей ее бросило на землю. И она даже не сразу поняла, что произошло. Она прострелила себе ногу.

Он-лайн издание газеты «Цугшпитценкурир»:

— Ваше мнение по поводу происшествий у приюта Шахен? И что вы думаете по поводу «Шахенского дьявола»? — эти вопросы мы задали он-лайн и получили много откликов граждан:

«Праздники с приключениями в Шахене! Теперь мы наконец знаем, на что уходят деньги на фирмах! Вместо того чтобы организовывать для менеджеров курсы, где они могут научиться, в чем состоит разница между брутто и нетто, они выезжают на прогулки и транжирят деньги такими сомнительными мероприятиями. Это просто свинство! Я очень симпатизирую этому „Шахенскому дьяволу“. Продолжать в том же духе!»

Сузанна С. (43, продавщица в сети розничной торговли).

«У этой ненормальной фирмы я больше ничего не буду покупать. Если они там все такие идиоты! Может быть, „Шахенский дьявол“ от их конкурентов?»

Эльке Х. (23, работница питомника для животных).

«Ты только посмотри: к этим любителям эксклюзивного туризма горноспасатели тут же прискакали! Когда мы однажды заблудились во время похода, я, мой муж, двое детей и собака, то горноспасатели появились только через два часа. Так любезно относятся горноспасатели к семьям».

Гунди Р. (34, флорист).

Он-лайн издание газеты «Цугшпитценкурир»:

— Ваше мнение по поводу происшествий у приюта Шахен? И что вы думаете по поводу «Шахенского дьявола»? — эти вопросы мы задали вчера он-лайн. Несколько известных общественных деятелей нашего округа также высказали свое мнение. Вначале бургомистр города:

«Прискорбный несчастный случай, который происходит настолько редко, что его нельзя назвать „типичным“ для курорта, как это делается в прессе по всей стране».

Первый бургомистр.

«Это следует рассматривать дифференцированно. Участники подвергались опасности, что собственно и привлекает в таких мероприятиях. Приключение закончилось сравнительно благополучно, и это надо помнить в первую очередь. Кроме несчастной женщины, которую засыпало снегом, все закончилось хорошо».

Манфред Пенк (32, дипломированный психолог).

«Не считая того, что новое слово, которое было образовано в связи с этим свершившимся нападением, по официальным „Правилам немецкой орфографии“ (§ 47 „Сложные слова с одним именем собственным или географическим названием в качестве наименования вида“) пишется не через черточку („Schachen-Teufel“), а слитно („Schachenteufel“), потому что в данном случае это сложное слово с первоначальным географическим названием используется как наименование вида), я все же думаю, что наша славная полиция скоро во всем разберется».

Остр Гундольф Мютценбергер (49, учитель гимназии).

«Повесить их надо, мерзавцев! (Надеюсь, сейчас хотя бы правильно написано?!))»

Губертина фон Роймонд (84, офицерская вдова).

«Подъем в горы — это вам не хальма».

Свен Оттингер (41, Президент Федерации лыжного спорта Верхней Баварии).

— Шеф, у вас есть несколько минут для интервью? На улице уже ждут несколько журналистов.

— Пожалуйста, отправьте их в пресс-службу.

— У нас есть пресс-служба?

— Нет, но этим мы выиграем немного времени.

— То есть я их обнадежу.

— Да, сделайте это.

Йоганн Остлер, который только что просунул голову в дверь, снова вышел и терпеливо объяснил журналистам, почему, например, следственную группу во главе с комиссаром Еннервайном называли именно СГ «Куница». Нападение «Шахенского дьявола», как он теперь везде назывался, было у всех на устах, общественность ждала результатов. Йоганн Остлер мужественно удерживал позицию, отвечал на одни и те же вопросы и отбивал атаки журналистской своры. Поэтому в совещательной комнате полицейского участка не было времени для перекуров без курения. Здесь судорожно работали. У каждого из группы были фотокопии предыдущих пяти писем Куницы, каждый знал их теперь наизусть. Николь Шваттке проделала всю работу, выловила первые четыре письма с уведомлением из главных архивов различных полицейских служб. Все были написаны от руки — и именно поэтому их не приняли всерьез.

— Мы придерживаемся нашей прежней линии, — сказал Еннервайн. — Пока мы на стс процентов не будем уверены, что Шахенское покушение связано с новогодним покушением, мы ничего не будем сообщать общественности. А это только для вас, Мария: вы рискнете сделать первый анализ?

— Надеюсь, вы не ждете от меня чудес, — начала Мария, — так как для точного установления профиля личности еще слишком рано. Но то, что при чтении этих писем сразу бросается в глаза — и вероятно, должно бросаться в глаза, — это слишком много информации. Он заваливает нас возможностями, кем он мог бы быть, и именно этим он отводит наш взгляд от его действительной характеристики.

— Есть ли примеры такого рода признательных писем? — спросил Штенгеле.

— Такое мне неизвестно. Он насмехается над нами и над работой полицейских. Наверняка такое бывало и раньше. Но он насмехается над самой спецификой работы. Я не слышала еще ни об одном случае, где бы кто-то так четко очерчивал наши границы.

— Может ли это быть кто-то из полицейской службы? — спросила Николь Шваттке. — Ушедший досрочно на пенсию и поэтому разочарованный бывший коллега? Или уволенный по какой-то причине госслужащий?

— Возможно. Но не стал бы он сообщать еще больше деталей из полицейских будней? Не доставил бы он себе еще больше удовольствия, излагая еще в более смешном свете порой очень скучные результаты работы профайлеров?

— И это говорите вы, фрау доктор? — засмеялся Еннервайн. — А теперь серьезно. Мужчина хочет нас спровоцировать, и это ясно. Но вначале вопрос: что общего между покушениями?

— Может быть, то, что оба покушения можно назвать провалившимися? — сказал

Штенгеле. — Они проведены халтурно, и уже с самого начала были обречены на провал.

— Я не знаю, — произнесла Мария, — не было ли в этом больше умысла, чем мы думаем.

— Знаете, как это выглядит с моей точки зрения? — сказал Еннервайн. — Покушавшийся не собирался доводить покушение до конца. Он только хотел показать, что он мог бы нанести удар. При этом в первый раз что-то сорвалось. Поэтому — это только рассуждение! — во второй раз он действовал наверняка и проинформировал горноспасателей и нас по мобильной связи, и при этом сразу же после покушения, так чтобы мы, если бы даже все участники были засыпаны, сумели спасти всех.

— В этом тезисе что-то есть, — заметила Мария задумчиво.

В дверь постучали. Вошел Холльайзен.

— Я как раз иду от Ильзе Шмитц. Ей повезло, это было сквозное ранение ноги. Врачи говорят, что рана заживет.

— Как будто бы нам больше нечего делать, — завозмущался Штенгеле. — Мы разыскивали женщину три часа. Как можно быть настолько глупой, чтобы поехать в долину на рогатых саних! Ее уже можно допрашивать?

— Нет, — продолжил Холльайзен, — она в истерике, кричит и утверждает, что она не добровольно поехала вниз. Я думаю, что ее не стоит воспринимать всерьез. Она говорит, что хотела согреться в карете и что таинственный, молчаливый, совершенно закутанный незнакомец неизвестно откуда появился и насильно увез ее.

— Ага. Обратила ли она внимание на что-то особенное у таинственного незнакомца? — спросил Штенгеле.

— Нет. Только то, что на незнакомце была лыжная шапочка с прорезями для глаз.

— И опять незнакомец. Может быть, в этой истории что-то кроется? — спросил Еннервайн.

— Я не совсем уверен, — сказал Холльайзен. — В конце она мне еще что-то кричала, типа: «Пропasti! В этой местности я все время попадаю в пропасти!»

— А как она еще будет кричать, — сказал Штенгеле, — когда узнает, что рогатые сани в конце полностью разлетелись о новую «альфа-ромео» Джекки Бауера. Очень большие повреждения. Может быть, боится, что ей придется самой за все платить.

— Но главное, что у нее все нормально, — сказал Еннервайн. — Но мы не будем упускать ее из вида.

Штенгеле покачал головой:

— Что вообще могло бы произойти! Что собственно говорит против тезиса взаимосвязи между обоими покушениями?

— Ответ, к сожалению, такой, — сказала Мария, — что мы сможем это оценить только при третьем покушении.

— Хватит домыслов, — заявил Еннервайн. — Мы раскроем оба покушения, кем бы они ни были совершены.

— Может быть, — добавила Николь Шваттке, — мы сможем ограничить круг подозреваемых, если предположить, что между ними имеется содержательная связь. Оба покушения были направлены против спорта, против досуга, против иностранного туризма, против турпоходов, собственно против всего, что имеет большое значение для этого курорта.

— Вы имеете в виду какого-то активиста организации «Гринпис»? — предположила Мария Шмальфус. — Речь может идти о радикальном защитнике природы, представителе

экологического Талибана? Например, об охотнике-фундаменталисте, возжелавшем наконец тишины и спокойствия в лесных угодьях? Я вспомнила этого Вилли Ангерера, вы знаете, того, с огромными усами и зонтиком в чехле от ружья. Нам следует проверить его алиби.

— Ангерер? — возразил Холльайзен со смехом. — Старший лесничий Ангерер может быть нашей Куницей? И он после первого покушения со спокойной душой идет к нам в участок и своей теорией о выстреле направляет подозрение на самого себя?

— Может быть, — пробормотала Мария. — В этом нет ничего нового.

— Так как мы уже затронули тему алиби, — сказала Николь Шваттке, показав на стопку лежащих перед ней листков, — я проверила все новогодние алиби участников этого исторического турпохода.

— Давайте угадаю: у всех оно есть.

— Верно. У менеджеров так и так. В новогодний день у них было много разъездов, либо на корпоративные встречи, либо на приключенческие мероприятия, понятно, что они могли назвать массу свидетелей. Сотрудники агентства «Impossible», как, например, этот Пьер Брис, они также участвовали в таких приключенческих походах, разбросанные по всему свету, но всегда со свидетелями. Единственный, кто в новогодний день был здесь, на лыжном стадионе, был — минуточку — Беппи Фишер, цитрист, но он играл в ВИП-зоне, и совершенно отгороженной ложе. — Николь Шваттке удивленно подняла брови. — Когда я его спрашивала о свидетелях, его начало немного заносить. Он сказал, чтобы я позвонила Францу Беккенбауэру или Жаку Рогге — или папе римскому.

— А что вы тогда сделали?

— Стукнула его резиновой дубинкой по башке, и тогда он мне назвал свидетелей.

— Это похоже на знаменитый вестфальский юмор, — заметил Штенгеле.

— Ах да, еще кое-что, — продолжила Николь. — Эта Ильзе Шмитц в новогодний день также была в долине Лойзах. Она, правда, с другой фирмой, участвовала в каком-то другом приключенческом походе, при этом она свалилась в ущелье Хелленталь, и после этого, согласно врачебной справке, у нее был сильный грипп.

— Опять эта Ильзе Шмитц, — сказал Еннервайн. — Мы действительно должны не упускать ее из виду.

— Я бы, чуя мое нутро, исключила всех, имеющих дело с «Impossible», — сказала Мария. Все усмехнулись, так как доктор фрау Шмальфус была самая интеллигентная сотрудница в команде. — Это ненормальная публика, — продолжила она. — Но они все хотят сделать карьеру менеджера, а не изображать серийных убийц. Их привлекает игра с экономической властью, а мы, представители государственной власти, для них не соперники. И еще кое-что: они получают кайф от того, что они подвергают опасности самих себя, а не других.

— Но на сто процентов вы не исключаете организаторов или участников этого похода? — спросил Штенгеле.

— Нет, конечно, нет. Но на девяносто процентов. Это как раз проблема при профайлинге. Все время речь идет о вероятности.

— А теперь к вам, Холльайзен, — сказал Еннервайн. — Вы уже составили список местных жителей...

— ...которые могли бы иметь отношение к записи в книге посетителей на вершине? — перебил тот. — Примерно двадцать семь тысяч, то есть все. Мы точно также могли просить сделать образцы почерка всех жителей — и опозориться навеки, если это окажется кто-то не

из местных.

— Штенгеле, как прошла ваша акция с горноспасателями?

— Горноспасатели все еще находятся на вершине Кротеннкопф. На Шахене с этого времени тоже. Но вы видите, что это дало. Куница не такой глупый, чтобы два раза идти на одну и ту же гору.

Вошел Ханс-Йохен Беккер:

— Никаких отпечатков пальцев, никаких следов на адской машине, так же мало, как и на письме с признанием.

— А что это за адская машина?

— Переделанный кухонный таймер, влагонепроницаемые шнуры зажигания, два стержня гремучей ртути на каждую взрывную скважину — непрофессиональная работа, но и не совсем дилетантская.

— Хорошо, за дело, — сказал Еннервайн. — Если у кого-то будет что-то новое, то сразу же доложить мне.

Еннервайн собирался совершить небольшую прогулку, подышать свежим воздухом, использовать спортивные возможности здесь на курорте, чтобы поразмышлять. Ждать Еннервайн не любил. Итак, он пошел вдоль Брайтенштрассе, мимо маленькой Песткирхе, прогулялся вниз по напоминающему Средневековье переулку и совершенно не случайно вышел на улицу, которая вела к трамплину. Его уже было видно, гигантский спуск, который привлекал сюда массы народа и открывал множество больших и маленьких кошечек. Маленькая, еще не оформившаяся мысль, нерешенный вопрос, засевший в затылке у Еннервайна, не выходила у него из головы. Он пошел в направлении трамплина. Хотя территория уже давно очистилась от снега, но группа Куница решила не начинать больше подробных поисков правой лыжи Оге Сёренсена и возможной пули. Лыжу взял какой-то фанат, в этом Еннервайн был уверен. Но почему не нашли пулю? Еннервайн еще раз обобщил. Куница хотел показать, что мог совершить покушения. В его первоначальную цель не входило убивать Сёренсена, а превратить мероприятие, которое увидят миллионы людей, в катастрофу. Для этого не нужно было смертельно ранить Сёренсена, он просто хотел, чтобы тот сорвался. А пули не нашли. Потому что никакой пули не было. Потому что, ну конечно, это было оружие без снаряда!

— Оружие без снаряда?! — спросил Штенгеле, когда Еннервайн вернулся в полицейский участок.

— Да, именно так. Сёренсена не хотели убивать, ему хотели просто помешать. И это должна была устроить небольшая, резкая боль посреди полета.

— Если только... ружье с наркотическим средством для оглушения. Маленький укол, обычно для диких животных.

— Задумано очень сложно. Такой шприц с анестезирующим средством имеет снаряд, который где-то лежит и позже может быть найден, в связи с чем возникнут вопросы о происхождении. Процесс прицеливания и выстрела не должен быть узнаваем, видимым и слышимым. И — что очень важно — не должно остаться пули. Но хватит игры в загадки!

— Бесшумно? Бесшумно? Что стреляет бесшумно? Стрела и лук?

— Ба!

— Арбалет?

— Тьфу!

— Рогатка?

— Очень остроумно.

— Ааааааааааа! — заорал вдруг Людвиг Штенгеле и хлопнул себя рукой по лбу. — Конечно, я догадался: свет. Лазер. Гениально: лазерное ружье!

— Точно, — сказал Еннервайн. — Луч, насколько я знаю, для наблюдателя и для обстреливаемого невидим — разве что его ослепляет. Он не может вызвать каких-либо существенных повреждений, боль не сильнее, чем от удара током. Это может вызвать возбуждение, побуждение, которое заставит обстрелянного произвольно сделать нервное движение.

Штенгеле свистнул сквозь зубы.

— Беккер сможет сказать нам наверняка, возможно ли это.

— Я сконструировал и собрал это оружие, — скакал Вонг гордо Свободе. — Мы несколько месяцев испытывали в Чаояне лазерный пистолет, даже стреляли в настоящих прыгунов на лыжах. Оно сработало. И эта часть плана в итоге удалась.

— Удалась? Ну да, я всего до конца не знаю. Вред, причиненный датчанину, очень существенный.

На улице стояла прекрасная погода, даже директриса пансионата «Альпийская роза» вышла прогуляться, но при этом у нее в сумке была книжка «Жадные взгляды», она время от времени доставала ее и читала об «алых, как роза, губах, которые, двусмысленно хрустя, выпячивались под маской младшего ординатора». Глуховатые вюрттембергские секретари министерств и бывшие мекленбургские пасторы пошли на курортный концерт, и только Карл Свобода и Вонг остались в комнате, чтобы обсудить дальнейшую стратегию: как преследовать Рогге? Как не привлечь внимания к Чаояну? Как отвлечь полицию? Шан была в городе, чтобы разведать, где будут проходить намечающиеся мероприятия по парашютеризму. И где предположительно будет находиться президент МОК во время представления. Так как в телевизионном интервью Рогге уже сказал, что он собирался приехать, дабы посмотреть соревнования по военному парашютеризму. На интернет-портале курорта даты соревнований были указаны очень подробно, *brezlbroad*, как говорят в Баварии.

— Мы планируем неожиданно напасть на Рогге прежним способом, — произнес Вонг.

— Опять, — сказал Свобода. — Вы никогда не научитесь, друзья. Чтобы шантажировать кого-то на его должности, мне не нужно шприц-оружие. Такого легче припугнуть щепетильной информацией.

— А если у него незапятнанная репутация?

— Такой нет ни у кого. Мне по крайней мере ни один не встречался. Я собирал информации обо всех.

— И о Рогге тоже? Давай, выкладывай.

— Минуточку: наизусть я, конечно, не помню. Это уже совсем другой заказ. И стоит он будет совсем других денег.

— Тогда мы сделаем по-своему.

— Как хотите.

— Нам и на этот раз потребуется отвлекающий маневр. Не может ли господин решальщик проблем взять это на себя?

— У меня есть другие дела, вы у меня не единственные заказчики, — сказал Свобода. — Но я предлагаю сделку. Ты мне дашь точную схему твоего лазерного ружья. Это меня интересует, как эффективное оружие.

— Господин решальщик так спрятал оружие, что его сначала нужно найти. Но до сих пор его не нашли!

Свобода не выказал никаких эмоций.

— Иногда что-то просто срывается. Это уже включено в смету. Тогда я хочу знать еще кое-что: откуда ты стрелял? За это я, в свою очередь, помогу вам с повторным наступлением на генерал-лейтенанта фон Гутгельсбергера.

— С каким наступлением?

— Отвлекающее покушение, по методу лейтенанта Непомука фон Гутгельсбергера, 1823 года в битве при Брюнне. Непосредственный удар нанес штирийский фельдмаршал Лукачек, а у Гутгельсбергера была задача устроить только небольшую суматоху. Вы в школе это не проходили?

— Я ходил в школу в ГДР. Такой отвлекающий маневр там назвался — наступление Макаренко.

— Дай-ка я угадаю: по знаменитому отвлекающему нападению Юрия Макаренко...

— Алексея.

— Хорошо, я начерчу схему моего лазерного оружия, за это господин решальщик поможет нам в последний раз, — сказал Вонг. — Мое предложение для отвлекающего маневра: один из этих военных парашютистов свалится на глазах Рогге.

Свобода закатил глаза:

— Опять он со своими насильственными акциями! Нет, мы этого делать не будем. Во-первых, я противник таких вещей. И во-вторых, мы не будем делать второй раз то же самое. Полиция любит искать образцы. Я прямо вижу перед собой одного такого профайлера. Если он найдет образец, то будет доволен. А мы не хотим видеть довольную полицию. Мы хотим видеть совершенно растерянную полицию.

— Как господин решальщик собирается действовать?

— Это я еще должен обдумать. На это еще есть пара дней.

Сильный стук в дверь испугнул двух интриганов. Вонг бросился к двери и спросил пароль дня.

— Парашютизм, — послышался торопливый ответ снаружи. Вонг открыл, и вошла Шан.

— Какой-то идиот совершил покушение здесь совсем недалеко, — сказала она, запыхавшись, по ней было видно, что последние несколько сот метров она бежала.

— Где? — спросил Свобода спокойно.

— Я не все поняла. Группа местных жителей стояла рядом, они об этом говорили. Они говорили на сильном диалекте, но я уловила, что они говорили о Шахене, об искусственно организованном сходе лавины и о пятидесяти заваленных снегом.

— А что в этом плохого? — проворчал Свобода. — Я имею в виду, для нас? Мне очень жаль заваленных снегом, но чем больше покушений будет происходить здесь в городе, тем лучше для нас и вашей заявки. Чем больше пострадает репутация этого места, тем больше станут ваши шансы.

— Я не знаю, — сказал Вонг. — Больше покушений означает большее присутствие полиции. А это болезненно затрагивает наши планы с Рогге. Тогда нам будет совсем не подобраться к нему.

— Совсем наоборот, — сказал Свобода. — Чем больше присутствие полиции, тем спокойнее можно действовать. Полиция ведь всегда думает, что она одним только своим присутствием парализует активность. Это логическое заблуждение нужно использовать, друзья.

— Дорогая Шан, — произнес Вонг на диалекте минь-ю. — Этот австрияк мне уже действительно начинает действовать на мозги.

— Мне уже давно, — сказала Шан, тоже на диалекте минь-ю.

Она сказала это таким тоном и с улыбкой, как будто произнесла: «Дорогой, не хочешь ли еще чашечку чая?»

Карл Свобода знал людей. Именно когда эти двое говорили на минь-ю и так любезно обращались между собой, они слегка переигрывали со своей любезностью. Они преувеличивали, они не были хорошими актерами. Осторожно, подумал Свобода, будь особенно внимательным.

— Господин бургомистр, вы все время говорите об Экологических играх. Что вы под этим подразумеваете?

— В 2018 году мы установим экологические нормативы, нормативы, скажу я вам, так что Федерация охраны природы в итоге внесет предложение, чтобы Олимпийские игры устраивались каждый год.

(Смех в публике.)

— Господин бургомистр, вы говорили также о Зеленых играх. Вы имели в виду, что в ходе изменения климата в 2018 году, может быть, вообще не будет снега?

— Во-первых, мы и так используем искусственный снег...

— А это экологично?

— Более чем экологично. Мы благодаря искусственному снегу не расходуем природные ресурсы.

(Продолжительный смех, аплодисменты, выкрики «Браво!».)

— Потепление климата пройдет мимо вас?

— Конечно! Температура в ближайшие сорок лет повысится на 0,4 градуса. Для нас в олимпийском городе это означает только, что граница выпадения снега будет лежать на сто метров выше. О Господи, тогда снег будет начинаться не у первой опоры канатного подъемника для лыжников, а только у второй!

(Рокот одобрения, выкрик:

— Ну и собака ты, бургомистр!)

Бургомистр на сей раз затеял что-то еще более хитрое. Он давал интервью, не втиснувшись где-то между дерзкими гражданами, он участвовал в настоящем телевизионном круглом столе, где участники с соответствующими позициями уже заранее были известны. Кроме нарушителя хорошего настроения Георга (Жоржа) Хакля, который с сияющими глазами вставлял время от времени анекдоты из санного спорта, сидели обычные политики с обычными аргументами. Модератор с узкими губами храбро сражалась с немецкой грамматикой, так что бургомистр мог полностью сконцентрироваться на молодой представительнице экологического фронта, отчаянной четырнадцатилетней горячей оппонентке, которая как раз сделала ошибку, вызвав народный гнев фразой, *«нужны ли вообще»* такие игры. Да, если она, конечно, захочет лишить миллиарды людей огромного удовольствия, возразил сквозь слезы Жорж Хакль, если она хочет поставить под сомнение то счастье, ту гордость, встречу между людьми — да. В студии раздались теплые аплодисменты, оппонентка отступила.

— Но потепление климата, — изменила модератор направление. — Что будет, если снег не выпадет?

(Выкрик:

— Жорж, объясни ей!)

— Смотрите сюда, — сказал Жорж терпеливо. — Тут на этом курорте пару дней тому

назад одна ненормальная, сумасшедшая, съехала на рогатых санях от Шахенского приюта до самого низа в долину. Вначале был снег, потом снег кончился, просто было зеленое поле. И что, это ей помешало? Вовсе нет! Это значит, что снег для зимнего спорта не так уж важен. Важна сплоченность, огромное удовольствие, которое ты испытываешь, миллиарды людей, которые на это смотрят...

Юсуф выключил телевизор в своей комнате в отеле. Сейчас он опять попал в город зимнего спорта, с которого все началось. Этого случая он ждал четыре месяца. Его объект Калим аль-Хасид через два часа встречается со спонсором, личный телохранитель которого хотел сам взять на себя охрану обоих объектов. У Юсуфа была назначена встреча. Калим аль-Хасид поселился в большом номере рядом с Юсуфом, оттуда он слышал, как в ванну лилась вода. Сейчас он тихонько постучал в дверь. ТАК ТАК ТАК. Юсуф был в крайнем напряжении. Это не был условленный сигнал с Калимом.

Бесшумно Юсуф сполз с кровати и двинулся тихонько ко входу. Он встал у двери и достал свой миниатюрный пистолет. Медленно снял его с предохранителя, так что при этом было слышно не больше, чем «ффлюпп» взлетающей маленькой птички.

Оглушительный колокольный звон от четырех до пяти часов утра в небольших поселениях обычно связывают со страшными катастрофами. Такой неожиданный трезвон может означать, что наступил конец света, что Чингисхан или один из его потомков стоят у Пассау или что горела гостиница — именно такого рода катастрофы. Такой колокольный звон во внеурочное время на курорте уже случился пару лет тому назад. Тогда роскошную церковь в стиле барокко восстанавливали как раз на период карнавала, и в «Зеленый понедельник»^[7] утром вдруг накачавшийся вина весельчак влез через наружные подмости наверх и стал беспорядочно дергать за веревки увесистых языков. Было несколько десятков рассерженных прихожан, которые проснулись от колокольного звона, автоматически встали и побрели в церковь, как полуживые зомби и оказались в четыре часа утра перед закрытой дверью церкви. Все ворчали и, грозясь выйти из общины, поплелись обратно домой.

На этот раз (церковь была, как и тогда, обнесена наружными подмостками, на которые было легко взобраться) колокола зазвенели задолго до восхода солнца, еще более гулко, чем тогда, но на этот раз проснулся только пономарь и чертыхнулся про себя. Да, верно, вы правильно прочли: он чертыхнулся, пусть даже и в душе. (Больше двух раз Аве-Мария все равно не получилась.) Светало, он оделся и побрел к церкви, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Автоматическая колокольная установка была выключена, тут было все в порядке, наверное, опять кто-то залез наверх. Он взял на всякий случай массивный канделябр с алтаря и исполнил для пробы удар в воздухе. Вооружившись, таким образом, пономарь медленно поднялся вверх по лестнице, но там никого не было видно. На полулежало письмо. Он вскрыл его. Почерк был прямой и строго направлен вверх, по верхним краям он был дрожащим, как будто бы собирался загореться. Пономарь испугался до смерти.

Глубокоуважаемый господин комиссар Еннервайн!

Вначале я подумал о том, чтобы засунуть мое письмо в кошель для сбора денег в церкви — это тоже было бы новшеством в длинной истории мест для оставления признательных писем. Но не хотел портить некоего общего впечатления. До сих пор при наших прежних покушениях мы действовали на высоте, следующее покушение тоже должно состояться высоко наверху, и поэтому такой способ оставления письма мне показался особенно подходящим. И это при том, что я боюсь высоты! Я уже даже лечился от этой «акрофобии», но у меня это не поддается никакому лечению, не помогают ни таблетки, ни терапевтические сеансы, ни висячие канатные парки. (Хотя это не совсем так, с боязнью высоты, но, пожалуй, нам уже не стоит притворяться.) Сейчас самое время прояснить парочку важных пунктов:

1. Нельзя не заметить: и это письмо я написал от руки и положил его в реальное место. Вам не нужно искать в этом какого-то особого смысла, причина очень простая, такой старомодный способ аналоговой коммуникации снова стал самой надежной из всех форм передачи сообщений. E-mail? Интернет? Bluetooth? Мобильник? Тогда у меня за спиной будет штук двадцать ваших специалистов,

наступающих друг другу на ноги. Местонахождение всех цифровых устройств можно определить, расшифровать, отследить — дай технические возможности идентифицировать по Интернету отпечатки по байтам и битам становятся все более изощренными, но мне ли вам это говорить. Но почерк, напротив, я могу совершенно классически изменить. У вас вообще есть под рукой графолог или специалист по почеркам? Если есть, то подключите его. И вы увидите: он представит только одно заключение, что этот почерк с вероятностью более чем на девяносто процентов изменен. Фантастический вывод! Но он не продвинет вас ни на шаг!

2. Коммуникация между нами двумя, дорогой господин комиссар, это путь с односторонним движением. Работает таким образом: я пишу письма — вы их читаете. Не утруждайте себя поисками контакта со мной. Мы поговорим с вами в первый раз, когда вы меня схватите. А возможно, и никогда.

3. А теперь перейдем сразу к распределению ролей. Оно очевидно: я совершаю покушения — а вы пытаетесь мне в этом помешать. Но не пытайтесь поучать меня, что мои действия бессмысленны или деструктивны, незаконны или представляют угрозу для окружающих. (Я ведь тоже в вашу работу не вмешиваюсь.) Не направляйте на меня ваших великолепно образованных психологов, ваших специалистов по коммуникациям и заумных начальников, это ничего не даст. Первого же профайлера, которого я увижу, застрелю.

4. Игра будет продолжаться до тех пор, пока я не сделаю ошибки. Это может произойти уже при следующем покушении, при седьмом или при тридцатом. Подумайте: я не психопат с тяжелым детством, не ослепленный фундаменталист с запутанными посланиями, не хочу спасать или изменять мир, я серьезный игрок, работающий в полную силу.

5. Это, правда, замечательно болтать так с вами (хотя односторонне), господин комиссар, но на сегодня мне пора заканчивать. Я немного тороплюсь, я установил себе срок для следующего покушения, но для этого мне нужно еще кое-что поискать в Google. Например, где можно найти быстро действующий яд, но чтобы он не сразу по вкусу напоминал яд? Как долго человек может выжить в холодильнике? Как ездить с перерезанным кабелем тормозного привода — даст это что-нибудь? Сколько отчетов, столько и вопросов.

С дружескими приветами — вашей команде тоже — ваш очень занятый серийный убийца.

P.S. Следующее покушение произойдет очень скоро и решительно — итак, открывайте глаза!

Юсуф прижался ухом к стене, оружие он все еще держал на изготовку. Так он стоял полностью сконцентрированным несколько минут. Просто ухом ничего не было слышно. Он осмотрелся. На серванте рядом со входом стояла бутылка минеральной воды с двумя стаканами. Он взял один из них и приложил его отверстием к стене. Затем он прижал ухо к доньшку стакана. Любопытные (или скорее любители подслушивать) знают: таким образом шумы в коридоре слышны в пять раз громче. Юсуф слышал уличный шум, где-то, кажется, открыли окно. Он услышал тихое, повторяющееся скрипение, но он не мог его определить. ОИНК. ОИНК. Больше ничего не шевелилось. Шум воды крана в ванной соседнем номере люкс вдруг прекратился. Не послышалось ли ему там в коридоре дыхание какого-то человека? ОИНК. ОИНК. Или ему это только мерещилось? Юсуф посмотрел на часы: меж тем прошло более десяти минут. Он глубоко вдохнул, затем рывком открыл дверь и изготовился.

Его пистолет был нацелен на человека в спецодежде голубого цвета, который как раз отжимал швабру в ведро с грязной водой. Мужчина стоял к нему спиной и начал сейчас медленно и тщательно мыть стекло находящегося напротив окна. ОИНК. ОИНК. Лицо мужчины нечетко отражалось в стекле, и Юсуф смог уловить его на мгновение взглядом. Его краткий анализ: Безобидный. Степень опасности: бледно-голубой.

— Извините, вы никого не видели? — спросил он мужчину из службы по уборке. — Кого-то, кто постучал в мою комнату?

Он поставил осторожно на пол стакан, который все еще держал в руке.

— Возьмите деньги из своего номера, — сказал человек в спецовке, не поворачиваясь и не прекращая работы. — Положите их в пакет для грязных вещей, который висит на уборочной тележке. Затем вернитесь в номер и примите ванную, примерно в течение получаса.

Это был приличный пакет долларовых купюр, Юсуф взял его в своей комнате. Но он хорошо зарабатывал. Не оглядываясь и не поворачиваясь, мужчина в голубой спецовке показал на стакан, который все еще стоял на полу.

— Хороший трюк, — сказал он. — Но я его уже знал.

Когда человек в голубой спецовке услышал, что дверь закрыли, он прекратил свои ОИНК, ОИНК и покатиł тележку для уборки в подсобку. Через некоторое время он снова вышел, наблюдатель мог бы поклясться, что это был совершенно другой человек. Совершенно другой человек покинул отель и пошел в сторону пансионата «Альпийская роза».

— Где он опять был так долго, господин решальщик? — сказала Шан.

— У меня тоже другие дела. Я не рассчитывал на то, что заказ здесь продлится так долго.

— Нам нужно еще ликвидировать лишний бетон, — сказал Вонг. — Есть уже на это какой-то план?

— Четыре корыта бетона, — сказала Шан, — мы можем их просто закопать.

— Мне это кажется не слишком безопасным, друзья, — сказал Свобода. — Если их кто-

нибудь найдет, то он задаст себе вопрос: Кто это так постарался закопать четыре корыта бетона?

— А как насчет романтической прогулки на лодке в полночь? Сбросить четыре раза балласт посредине озера Вальхензее?

— Опять вы со своей прогулкой на лодке! Я совсем не хочу, чтобы за мною наблюдали, как я буду загружать четыре корыта бетона в лодку, на которой потом уедут мужчина и женщина. Как это будет выглядеть!

— А что тогда?

— Мы растворим бетон и выльем его, к чему рисковать. Я уже написал список, что нужно купить. — Свобода дал каждому по записке, на которых было по несколько примесей.

— Гидрат алюмината кальция? — сказал Вонг. — Что это такое? В магазине я, вероятно, не могу об этом спросить.

— Конечно, нет. Вы просмотрите все чистящие вещества и купите то, в котором большее содержание гидрата алюмината кальция. А теперь подъем.

В дверь постучали. Свобода прокрался к окну, Вонг схватился за свой стилет, Шан пошла к двери и встала у косяка.

— Кто там? — спросила она.

— Маргарете Шобер, — ответили из-за двери. Свобода исчез в соседней комнате, Вонг спрятал свой стилет обратно, Шан открыла дверь:

— Что вам угодно?

— Фрау Шан, я не хотела бы вам мешать, у меня только один вопрос: Вам все еще нужен морозильный шкаф? Знаете ли, приближается лето, и будет очень практично иметь еще одну морозилку.

На фрау Шобер был один из тех цветных рабочих халатов, которых магазин Вулворт заказал примерно пять миллиардов штук. Из кармана, конечно, торчал роман, название которого невозможно было прочесть.

— Нет, — сказала Шан, — нам он больше не нужен. Мы его еще вымоем и сегодня отнесем к вам. Хорошо?

Маргарете Шобер пыталась заглянуть в комнату. Шан была не уверена, может быть, у директрисы еще что-то на уме. Она решила понаблюдать за этой женщиной.

— Сильная штука, — сказал Людвиг Штенгеле. — Он делает с нами, что хочет.

Пономарь чуть свет поспешил с письмом в полицейский участок и передал его в руки дежурившему в утреннюю смену Остлеру.

— Вы открывали его? — спросил Остлер.

— Нет, что вы!

— А почему тогда принесли письмо сюда? Если вы его не открывали и не читали, тогда не можете знать, что...

— Хорошо, хорошо, я признаюсь. Я открыл его и прочел.

— Разве так можно делать?

— Читать?

— Лгать.

— Нет, так не делают, мне уже стыдно.

— Три раза Аве-Мария, — сказал Остлер.

— Два раза Аве-Мария. За мелкую ложь читают два раза Аве-Мария, и не больше.

— Вам лучше знать.

— Я это сделаю сразу же на обратном пути.

— Да, сделайте это. И еще кое-что.

— Да?

— Ни слова никому. Обещаете?

— Обещаю.

После того как Остлер всех обзвонил, следственная группа Куница немедленно была в сборе. Эксперты-криминалисты были уже на месте, когда Еннервайн и его команда появились в участке. Худой как щепка человечек работал кисточкой с листом бумаги и конвертом, женщина в толстых очках рассматривала письмо дополнительно с лупой и делала записи.

Затем Ханс-Йохен Беккер поднял помятое письмо пинцетом, рассмотрел его, качая головой, и положил в пластиковый пакет.

— Относительно дактилоскопических следов я вряд ли смогу вас обнадежить, — сказал он.

— Мы так и думали, — вздохнул Еннервайн. — Но есть ли какая-нибудь зацепка, с которой мы что-то можем начать?

— Я с ходу нашел десять различных отпечатков пальцев, — сказал человек с кисточкой. — Предположительно их даже больше.

— Куница дал потрогать бумагу по возможности большему числу людей, — произнес Штенгеле.

— Но это еще не все, — сказала женщина в очках. — Он еще дополнительно окунул письмо в воду, искал его, сбрызнул жиром и еще бог знает что. Видите, на одной стороне оно даже немного подпалено. Настоящая путаница следов на узком пространстве. Как из учебника.

— Просто захватывающее зрелище, — добавил Беккер с восхищением. — Это письмо займет нас на долгое время.

— На что это похоже! — воскликнула Николь. — Кто-то имеет право нас провоцировать? Этот Куница наверняка достаточно уверен в своем деле.

— Это наш шанс, — сказал Беккер. — Будем надеяться, что когда-нибудь он будет слишком уверен в своем деле. Что в своем цирке со следами здесь он, например, сделал ошибку. Если нет, то тогда это с позволения сказать произведение искусства.

— То есть все-таки бывший сотрудник полиции? — заметил Остлер. — Может быть, даже, криминалист? Потому что он так хорошо разбирается в этой области.

— Сейчас не требуется большого труда, чтобы найти информацию, — сказал Беккер. — Книжные магазины завалены специальной научно-популярной литературой, каждый день целые классы школьников водят по полицейским участкам — иногда это настоящее мучение.

— На тему школьные классы попозже еще будет, — сказал Остлер. Все наблюдали за маленькой немой сценой, как Беккер, дама в очках и человек с кисточкой по очереди обнюхивали письмо.

— Это все указывает на возврат к инфантильности, — произнесла Мария, когда люди Беккера разложили свои сокровища и ушли.

— Вы думаете, он большой ребенок? — спросил Штенгеле.

— Так можно сказать. Большой, опасный ребенок, да. С огромной криминальной энергией...

— ...и имеющий много свободного времени, — прервал его Еннервайн. — Чтобы все это подготовить, нужно иметь временной запас.

— Пенсионер? Подросток?

— Пенсионеры и подростки — это группы населения, у которых сегодня меньше всего свободного времени, — сказал Еннервайн.

— Я бы сказала, что свою патологическую потребность подвергать людей опасности он перекрывает различной галиматьей и, таким образом, легализует, — рассуждала Мария.

— Историями о лошади, так сказать, — сказала Николь Шваттке.

— Да, верно. Он устраивает так, как будто играет в игру, но хочет только одного: власти. Он хочет иметь власть над людьми, он должен быть важным, ему нужно внимание многих людей. Рассказывает нам истории, и тем самым хочет отвлечь нас от одной истории, а именно от своей. Насколько я знаю, существует такое выражение: мифомания. Это нарцисстическое нарушение личности. Мифоман — это такой тип, который вместо одного ответа дает десять ответов. Я приведу один такой пример.

Мария встала и прохаживалась взад и вперед, что придавало ей вид профессора.

— Ребенок тайком таскал сладости из кладовки. Родители приходят домой, видят по ребенку, что тот в чем-то провинился. Ребенок ищет стратегию. Вместо того чтобы либо отвергнуть, либо признать проступок, ребенок рассказывает, что он выпустил золотистого хомячка, пролил чернила на ковер, жег спички в сарае, и все, что угодно. Он полагает, что сможет спрятать истинную историю среди многих выдуманных. Но когда-то это, конечно, вскроется, но на данный момент стратегия срабатывает. Если такое детское поведение сохраняется до взрослого возраста, то мы говорим об инфантильной мифомании. Это теория.

— Теория, да, конечно, — сказал Остлер. — Но в этом поселке есть человек, к которому это описание подходит.

Остлер коротко рассказал о цитристе Беппи и его невероятных историях. Все в этой комнате его уже один раз видели, он был наверху на Шахене при сходе лавины.

— Это как раз соответствует профилю мифомании! — воскликнула Мария в восторге.

— Он так и так в списке подозреваемых, — сказал Еннервайн. — Мы им потом сразу же займемся.

Мария встала и наклонилась над столом, чтобы достать кофейник, Еннервайн рассеянно смотрел в ее сторону. Вдруг он схватился большим и средним пальцами за височные доли и начал их массировать. Он облокотился на стол и глубоко дышал, опустив голову вниз.

— С вами все хорошо, шеф? — спросил тихо Штенгеле, наблюдавший за ним.

— Да, все в порядке, — пробормотал Еннервайн, не выпрямляясь. — Мне кое-что пришло в голову. Продолжайте, я слушаю.

— Преступник хочет что-то скрыть. Мне кажется это приемлемым, — сказала Николь Шваттке посреди возникшей паузы. — Мы имеем дело с серийным преступником, который дважды наносил удары, и заявляет о новых покушениях. Если своими утверждениями он только играет и его привлекает лишь приключение, не собирается ли он скрыть действительно хладнокровное убийство, которое либо уже произошло, либо еще предстоит в будущем?

— Это возможно. Такие прецеденты имеются, — сказала Мария и бесшумно помешала кофе в своей чашке. — Например, убийство Мак-Кензи в Оклахома-Сити. В девяностые там была целая серия убийств полицейских. Профайлеры предполагали, первоначально, конечно, извращенного ненавистника полицейских. Но это был сознательно устроенный ложный след. Феба Мак-Кензи, одна из вдов, убила своего мужа, чтобы получить страховку. Она отвела от себя подозрение, совершив еще несколько убийств полицейских, имитируя, таким образом, серийное убийство. Полиция годами не могла об этом догадаться.

Еннервайн снова поднялся. Штенгеле бросил искоса в его сторону быстрый взгляд. Ему показалось, что комиссар немного побледнел.

— Тем не менее я исхожу из того, что это игрок, — сказал Еннервайн. — Я не вижу в Кунице преступника, которого побуждают такие мотивы, как кровожадность, алчность, политический фанатизм и другое. Холльайзен и Остлер, вы подумали о кандидатах из местных?

Оба участковых полицейских встали и повернули «флипчарт» (*магнитно-маркерная доска*), на которой можно было увидеть листок:

1. Один из сотрудников агентства «Impossible»

— Эти сотрудники в большинстве своем не местные, — сказал Остлер, — но они все очень хорошо ориентируются в окружающих горах. Наш Куница должен иметь больше, чем просто основы альпинистских знаний.

— Мотив? — спросил Еннервайн.

— Никакого настоящего мотива. Может быть, просто предлагалось суперсобытие, невиданные острые ощущения для совершенно очерстевших топ-менеджеров: серия покушений.

— Гм, — проворчал Еннервайн.

2. Вилли Ангерер, старший лесничий.

— Ангерер лгал, — сказал Холльайзен. — Он не смотрел прыжки с трамплина по телевизору. Он был там на лыжном стадионе, свидетели это наблюдали. Он поднялся на возвышение и смотрел на прыжки в бинокль. Кто знает, что у него там было в чехле от ружья.

— Мотив?

— Он против того, чтобы курорт расширялся в мировую спортивную площадку зимнего спорта. Он всегда возражал против подачи заявки на проведение зимних Олимпийских игр, о которой без конца говорит бургомистр. Он личный враг бургомистра и члена совета общины Харригля.

— Гм, — хмыкнул Еннервайн.

3. Член совета общины Тони Харригль.

4. Бургомистр.

5. Йозеф Фишер, известный как «цитрист Беппи».

— Почему?

— Они были на месте происшествия.

— Там было еще двадцать шесть тысяч других.

— Соответствуют эти трое моему профилю инфантильной регрессии? — спросила Мария. — Во всяком случае, каждый из них считает себя пупом земли. Один, президент клуба, утверждает, что он является голосом региона, другой, заклинатель снега, видит себя уже в учебниках истории. А третий, цитрист, якобы на ты с самим папой римским.

— Гм, — пробурчал Еннервайн.

6. Защитники окружающей среды.

— Конечно, парочка таких здесь на курорте найдется, — продолжил Остлер. — Бургомистр всегда называет их «обычные».

— Да, — добавил Холльайзен, — существует всего три гражданских инициативы против Олимпийских игр...

— Но защитники окружающей среды, — прервала его Мария, — не пишут тайные признательные письма. Я не думаю, что Куница из защитников окружающей среды.

— Мгм, — проворчал Еннервайн.

7. Вышедшие на пенсию полицейские, вышедшие в отставку военные, уволенный персонал службы безопасности.

— У вышедших на пенсию полицейских есть даже свой постоянный столик. Каждый четверг после обеда в кондитерской «Крусти».

— Эта кондитерская и без того кажется мне местом встречи интересных людей, — сказал Еннервайн. — Если бы у нас было больше сотрудников, мы могли бы заслать тайного агента.

— Кондитерская меня тоже интересует, — сказала Мария. — Меня здесь в местечке мало кто знает. Я с удовольствием могу поприслушиваться к разговорам.

— Гмгм, — проскрипел Еннервайн.

8. Научный семинар «Проект Альпшпитце».

— Какое отношение имеют школьники к списку подозреваемых лиц? — спросила Николь Шваттке. — Но семинар — это ведь научный семинар по пропедевтике. Раньше он назывался просто курсом для исследования физических нагрузок.

— Это как раз самый заковыристый пункт, — сказал Холльайзен, — но и самый интересный и многообещающий. Здесь в гимназии работает дама — старший преподаватель по фамилии, минуточку, Ронге. На своем семинаре она раздала темы рефератов. Она дала также несколько криминологических тем и побудила учащихся к тому, чтобы они занялись серийными убийцами и их мотивами. Как специально!

— Когда это было? — спросил Еннервайн.

— В прошлом году. Учащиеся разработали семинарские занятия и прочли рефераты, из которых просматривается некая симпатия к серийным убийцам. Некоторые из них могли даже себе представить, я цитирую: *«Когда-нибудь тоже что-то подобное сделать»*.

— Заезженная тема, — сказал Еннервайн задумчиво, — но тем не менее нам следует сходить туда и поспрашивать ребят. Я сейчас разделю группу, каждый получит специальное задание. Мария, вы продвинулись за это время с профилем?

Мария все размешивала свой кофе.

— Куница. Мужского пола, не старше сорока, образованный, но без диплома о высшем образовании, живет один. Интеллигентен, но у него такое чувство, что он предназначен к чему-то более возвышенному. В этом городке он до некоторой степени известен и сравнительно связан, но на него не обращают того внимания, как ему хотелось бы. Он не иностранец, не посторонний, он местный.

— Имейте эти пункты в виду, — сказал Еннервайн и поднялся. — Расходимся. Шваттке, вы самая молодая, пойдете в гимназию и посмотрите на этих симпатизирующих научной работе. Возьмите с собой Холльайзена. Я сам пойду в клинику и побеседую с этим лысым заведующим отделением, у меня есть к нему еще несколько вопросов. Мария, ваша идея послушать, о чем говорят в кондитерской, не такая уж плохая. Сделайте это, прислушайтесь к голосу народа. Штенгеле, вы сядете на телефон и проверите еще раз тезис относительно «уволенных со службы полицейских». Желаю удачи. И за дело!

Все приступили к работе. Но кому-то следовало, конечно, нести дежурство в участке. Это был обермейстер полиции Остлер. На его письменном столе лежало две стопки бумаг: одна большая, касающаяся дела Куницы, и значительно меньшая, для всех других происшествий в курортном городке. Кто-то позвонил. Он открыл. Вошла женщина средних лет. Он ее хорошо знал, это была племянница старого доктора Штайнхофера, врача на пенсии, который до сих пор считался пропавшим.

— Мне очень жаль, у меня нет никакой новой информации.

— Но вы ведь дальше и не искали.

— Мы этим занимались, но все улики говорят за то, что он всплыл в одном центрально-американском штате. Поверьте мне, у нас уже было много таких случаев. Он снял все со своего счета, перевел деньги в другой банк. Забронировал в турагентстве поездку в Центральную Америку. Купил два билета, взял с собой паспорт и все документы; кроме того,

в книжном магазине купил немецко-испанский словарь. И прежде всего: открытка из Лимы.

Племянница, вздохнув, попрощалась. Франц Остлер положил бланк, на котором была эта информация, обратно на самую маленькую стопку с происшествиями, которые не имели отношения к делу Куницы. Карл Свобода сделал свое дело.

Губертус Еннервайн был на пути в клинику, когда зазвонил его мобильный телефон.

— Алло, Беккер, хорошо, что вы мне позвонили.

— Чтобы ответить на ваш вчерашний вопрос, комиссар: Да, лазерным ружьем можно обстрелять с причинением боли. Все зависит от длины волны луча. При незначительной энергии лазера, как это, например, применяется в CD-плеерах, обстреливаемый вообще бы ничего не почувствовал. Но если тепловую мощность луча увеличить настолько, что будут разрушаться органические молекулярные связи, то тогда луч наверняка будет причинять боль.

— Как выглядит такое лазерное ружье?

— Во всяком случае, не как обычное ружье. Для того чтобы генерировать такой мощный лазерный луч, понадобится достаточно места. Машина, которая для этого потребовалась бы, со всеми атрибутами, была бы размером примерно как ваш письменный стол.

— А мог бы наш стрелок стоять во время новогодних прыжков где-нибудь в толпе...

— ...оставаясь незамеченным? Я считаю, что это исключено. Генератор тока работает довольно шумно. Что касается меня, то я бы снял номер в отеле, где-нибудь в районе на отдалении до двух километров. Взял бы твердофазный лазер, поставил его на балкон, генерировал луч и послал его в направлении местности. Потом пошел бы в толпу, имея с собой маленькую, незаметную коробочку, уловил бы ею луч и перенаправил на датского прыгуна.

— А нужен ли мне для всего этого помощник?

— Я думаю, можно справиться одному.

— А где мне взять такой аппарат?

— В универмаге его купить нельзя. Но если в этом хорошо разбираться, то такую штуку можно смастерить самому.

Еннервайн достал блокнот и записал данные, которые представляли для него интерес: отель в радиусе двух километров, балкон с видом на территорию трамплина.

— Беккер, вы говорили о маленькой, незаметной коробочке. Как она могла бы выглядеть?

— Как сумочка. Как свернутая газета. Как толстый томик со стихами Гельдерлина. Все, что может иметь с собой фанат прыжков с трамплина.

— Как фотоаппарат?

— Превосходно! Таким предметом можно замаскировать операцию как фотографирование.

— Спасибо, Беккер, вы мне очень помогли.

Еннервайн выключил мобильный телефон и пошел задумчиво дальше. Уже показалась клиника. Он собственно планировал задать несколько вопросов лечащему врачу относительно Сёренсена. Но тут у него возникла мысль, что, пользуясь случаем, он мог бы просто зайти в неврологическое или психиатрическое отделение и спросить о шансах на лечение временной акинетопсии, просто так, между прочим, тактично и не опасаясь за дальнейшую профессиональную судьбу. Но не было бы это одновременно глупо и

подозрительно? Не почувствует ли психиатр или невролог сразу же, что с ним что-то не в порядке?

Уже год как у него не было тяжелого, длящегося более нескольких секунд приступа, ему всегда удавалось подавлять приступы при первых признаках и сократить их до секунд или долей секунд. Когда у него случался стресс, потому что он слишком много работал, тревожные сигналы в его голове издавали резкий звук, тогда он знал, что очень быстро и решительно должен принимать контрмеры. Следовало в ту же секунду бросить все, снять напряжение и расслабиться, расслабиться. Так как если он допустит приступ, то из одного кадра у него получится целый фотоальбом, и не будет возможности повлиять на скорость перелистывания этого фотоальбома. Он не сможет больше принимать участия в нормально текущей жизни. Как раз перед этим во время совещания в служебном кабинете он пережил такую секундную атаку. Мария встала, чтобы взять кофейник. Ее туловище находилось поперек стола, когда картинка остановилась, моментальный снимок, мир ужасающе остановился. Цветной шарф Марии немножко отделился и поплыл свободно в воздухе. Еннервайн услышал, как Штенгеле спросил о его самочувствии, как остальные продолжали разговаривать, он слышал также, что Мария бесшумно налила кофе в чашку и после этого начала также бесшумно его мешать — застывший стоп-кадр сюда вообще не подходил. И только в следующем изображении Мария снова сидела за столом, казалось, что она рывком перепрыгнула туда. Мир медленно стал вращаться вокруг него обычным способом, и шумы постепенно стали соответствовать изображениям. Так не могло продолжаться дальше. Ему нужно обязательно открыться психологу. После окончания этого дела.

У клиники его уже ждал плешивый главный врач. Еннервайн договорился с ним по телефону.

— Входите, — сказал доктор. — Я уже тоже думал, что вы когда-нибудь появитесь здесь. Вы пришли по поводу Сёренсена, не так ли?

— Да, у меня еще несколько вопросов.

— Вы хотите его видеть?

— Если это возможно, охотно.

— Пойдемте со мной.

Оба пошли по кривым коридорам больницы, сквозь окна иногда можно было увидеть трамплин для прыжков. Главный врач, вероятно, заметил, что Еннервайн бросал взгляд в его сторону.

— Из отделения психиатрии трамплин видно лучше всего, — сказал он, улыбаясь.

И опять психиатрия.

— На каком расстоянии находится трамплин, если стоять на одном из этих балконов?

— Я не думаю, что где-нибудь в мире есть психиатрические отделения с балконами. — Главный врач снисходительно ухмыльнулся.

— Ах да, понимаю. Но какое расстояние отсюда до трамплина?

— Может быть, тысяча, а может быть, полторы тысячи метров. А зачем вам это нужно?

— Просто интересно. А почему Сёренсен все еще здесь, после стольких месяцев?

— Он не транспортабельный.

— А когда он будет транспортабельным?

Главный врач ничего не сказал. То есть никогда, подумал Еннервайн, и ему стало

стыдно за такие мысли.

— У меня к вам еще один вопрос, — сказал он. — Вы не обратили внимания на какую-либо травму, которая не вызвана самим падением? Это мог быть ожог, покраснение кожи, которое может появиться, если направить на нее лазерный луч.

— Лазерный луч? Как вам это пришло в голову?

— Я могу уточнить, эту травму можно было обнаружить на левой ноге.

— На левой ноге? Травма от лазерного облучения?

— Да, вероятнее всего.

— Как раз левую ногу мы ампутировали ему сразу после несчастного случая. Ее было невозможно спасти.

— Я этого не знал.

— Были времена, когда полиция знала все.

— А ее обследовали, ногу? — ответил Еннервайн, не обостряя ситуацию.

— Если бы вы увидели ногу, вы бы не спрашивали. Вам описать все в подробностях? Если будете настаивать, то я могу это сделать. Но у нас в операционной даже выдавшим виды коллегам стало плохо.

— То есть, ее не осматривали.

— Ее осмотрели в рамках общего судебно-медицинского порядка, например, искали огнестрельные раны, но на мелкие ожоги от лазерного луча — нет. Такое случается крайне редко.

В полутьме отделения интенсивной терапии лежал Оге Сёренсен. В аппарате для искусственного дыхания было больше жизни, чем в нем, подумал Еннервайн. К нему подошла мать Оге.

— Вы тот комиссар, который ведет расследование? — спросила она.

— Да, это я.

— Вы все еще верите в несчастный случай?

Еннервайн решил сказать ей правду.

— Нет, я больше не верю в несчастный случай.

Еннервайн подошел ближе к постели больного.

Нордри, один из гномов, которые поддерживали небо, попросил Оге сойти с его серой в яблках лошади.

— Далеко еще? — спросил его Оге.

— Уже недалеко, — сказал Нордри. — Еще только через одну гору, и тогда ты найдешь Тора с молотом.

Когда они вышли в коридор, Еннервайн спросил:

— Вы работаете в клинике с лазерными скальпелями?

— Сегодня это стандарт.

— А можно мне посмотреть на такой скальпель?

— Да, конечно. Но, что это все означает с лазером?

Еннервайн решил рассказать врачу о своих подозрениях. Когда они пришли к складскому помещению с техническими приборами, главврач показал на аппарат, который в равной степени мог бы быть либо суперсовременным пылесосом, либо выполненной в

постмодернистском дизайне яйцеваркой.

— Это оборудование для лазерного скальпеля, — сказал он. — И — из окон психиатрического отделения свободно просматривается трамплин для прыжков. Но перед тем как вы обнадежите себя, комиссар, перед тем как вы разберете у нас все на части: тот, кто может так модифицировать медицинский лазерный скальпель, что луч может доставать на километр, тот может, и намного проще собрать настоящее лазерное ружье.

— Спасибо, — сказал Еннервайн, — я не собирался...

— Да ладно.

Комиссар попрощался и оставил главного врача в складском помещении. Ему показалось, что плешивый напевал *Knockin' on Heaven's Door* («Достучаться до небес») Боба Дилана. Но он мог ошибаться.

Психолог полиции доктор Мария Шмальфус была полной противоположностью гаупткомиссару Губертусу Еннервайну по крайней мере, что касалось его неприметного внешнего вида. Мария бросалась в глаза своей худобой, тонкими, как у паука, ногами посреди этих мясистых в стиле барокко баварцев. Длинная лебединая шея Марии поворачивалась порывистыми движениями в кондитерской «Крусти», она осматривалась в поисках особенностей, могущих быть использованными в криминалистике или психологии. Она хотела уловить что-то из этой яркой специфической местной жизни: мнения, домыслы, слухи. В данный момент ее взгляд был направлен на высокий стол, там как раз смеялись над какой-то шуткой, смачность которой Мария не могла оценить. Некоторых из хохотавших она знала только в лицо, другие были ей совершенно незнакомы. У двух местных были усы, напоминающие олени рога, у мужчин и у женщин были крупные руки, которыми они рассекали воздух, когда говорили, как будто бы что-то молотили. В Баварии уже с давних пор так приводили доводы, жестко и окончательно, как при продаже скота. На некоторых даже была шляпка для выхода, *as Hiatal*, как ее здесь называли; казалось, шляпы полностью срослись со значками клубов и объединений, предположительно и внутри шляпы, нельзя было исключать, что почетные памятные медали и юбилейные значки у их носителей прямо с затылка врастали в кожу и под рубашкой напоминали естественный пирсинг.

Конечно, у нее тоже был план. Доктор Мария Шмальфус редко выходила из дома без плана. Предоставлять все на волю случая не соответствовало ее натуре. То, что она задумала сейчас, не мог бы легально осуществить ни один чиновник баварской полиции на хорошей должности (по крайней мере с чистой совестью), но она, только служащая, психолог полиции, поэтому чувствовала себя не столь уж связанной служебными инструкциями, ей не нужно было так строго выглядеть, как, например, Шваттке или Штенгеле, или даже Еннервайну. На Марии была удобная спортивная куртка и ботинки, солнечные очки она сдвинула на лоб, но рюкзак предвещал свободное время, отдых и развлечение. Она выглядела в точности как одна из множества туристов или альпинистов, которые в эту замечательную для турпохода погоду устремляются в близлежащие горные луга и долины. План Марии был простым, но хитрым. Она хотела, просто чтобы проверить, возможно ли это вообще, получить несколько образцов подписи, так ради эксперимента, для потехи, неформально и в обход (или при очень широком толковании) служебной инструкции «Обеспечение средств доказательств в сфере государственной службы».

— Да, скоро сезон, — сказал один из уса­тых, которого все называли Зепп. Зепп, подумала Мария, это было бы неплохое имя для Куницы.

— Коммунальные службы специально ради этого уже разрыли несколько улиц.

— Да, Зепп, к тебе на Шахен, вероятно, тогда никто больше не пойдет.

Ага, Зепп работал там наверху, на Шахене. Запоминай, Мария, может быть, это один след.

— Наоборот! — сказал Зепп. — К месту, где сошла лавина, туристов тянет целыми автобусами, скажу я вам. После несчастного случая обороты существенно выросли. Приезжало японское телевидение, американское и канадское. И все спрашивали, будет ли еще приключенческая игра с королем Людвигом.

— Да, если это так, если обороты послетакких происшествий растут, то, может быть, управление по туризму само приложило к этому руку? — сказала женщина за столом.

— Да, этого от них можно ожидать. Они все сделают, если только появятся несколько богатеньких.

Громкий смех за стоячим столиком заставил всех в кафе прислушаться. Очередь торопящихся покупателей булочек у прилавка коллективно обернулась, одни тоже стали смеяться, другим такие шутки не нравились: инсценированные несчастные случаи, тьфу. В булочной-кондитерской сегодня предлагались — нет, не булочки-лавины — но, конечно, совершенно актуальные булочки Короля Людвига. По виду это были совершенно обычные сайки, но изысканность им придавали съедобные лепестки, которыми они были посыпаны: фиалки, мальвы, воловика и цикория вместе образовывали цвета династии Виттельсбахов. Но тем не менее они стоили только на один цент дороже.

Громкий смех над управлением по туризму, которое якобы само инсценировало несчастный случай, все еще продолжался, когда к столу приблизилась худая женщина с рюкзаком.

— Извините, позвольте вас на минутку побеспокоить, — сказала женщина. — Вы выглядите так, как будто вы местные. Мне нужно пройти к этому знаменитому трамплину, мне обязательно нужно его посмотреть, до сих пор я могла любоваться им только по телевизору.

Один из мужчин с красным лицом уже показывал из окна, рассекал воздух жестами, показывая направление, вон туда надо, а потом направо вокруг, но женщина просто продолжала болтать.

— И ледовый стадион я тоже хочу посмотреть. Где он находится? Это по дороге? А потом я еще читала, что у вас здесь в городке есть красивое кладбище. А где оно?

— У вас с собой есть листок бумаги?

У нее он был. Она попросила нарисовать схему и надписать, потом она еще попросила дорисовать открытый бассейн, и в конце у нее уже были образцы почерка пяти местных жителей, четырех мужчин и одной женщины. Только один за столом ломался, до сих пор он ничего не нарисовал и не написал, он стоял у стола, как будто не хотел сдавать пробы слюны, тупо размышляя что-то про себя, он выглядел подозрительным. Надо его запомнить. Она запечатлела его внешность, а его имя...

— Привет, Мария! — Она обернулась, перед ней стоял мужчина примерно ее возраста. Он как раз купил пакетик с двумя булочками, пакет для одиночек, который стоил на цент дешевле. Мужчина показался ей дальним знакомым, тенью из прошлого. Во всяком случае, сейчас он сильно мешал ее скрытым полевым испытаниям.

— Ты что, меня не узнаешь? — Он подошел к ней поближе. Местные за столом рассматривали при этом Марию недоверчиво. С этой, которая только что выдавала себя за самостоятельную прусскую туристку, вдруг заговорил местный житель? Эге, что бы это могло означать?

— Мы вместе учились. Это было уже давно, наверняка ты не вспомнишь. Возрастная психология с системной точки зрения, у профессора Литцеля. Нарушения восприятия IV у Розенберга-Бозенки. А потом еще судебная психология у профессора Карлштатта? Нет? Не помнишь?

— Да, смутно вспоминаю, — сказала Мария. — Мы вместе ходили на некоторые лекции.

— А ты чем занимаешься вообще? — спросил бывший студент, имя которого Мария не могла вспомнить. — Я слышал, что тебя занесло на службу в полицию? Это правда?

Это должно было случиться, Мария, тайный агент провалился при первом же задании в магазине, который назывался булочная-кондитерская «Крусти». Баварские объекты ее полевого испытания заметно от нее отодвинулись.

— Давай сядем, там есть свободное место, — сказала она, чтобы хоть отвести нарушителя спокойствия от стола с местными жителями, которые уже нагло перемигивались и шептались: *«Ну ты только посмотри!»*, *«Ну надо же!»*

— Да, я служу в полиции, — сказала она, когда они сели. — А ты?

Сколько бы она ни рылась в своей памяти, она не могла вспомнить имя своего визави. Все равно. Зеппы и Лукасы, оставленные там, хихикали, как маленькие дети.

— Я бросил учебу, — сказал он. — Слишком много статистики и математических расчетов. Я думал, что психология — это взгляд в душу...

Мария отключилась. Это были обычные жалобы всех, кто бросал учебу. Вначале они хотели быстро заглянуть глубоко в человеческую душу, а на преддипломной практике потом появилось много статистики.

— Да, вы это забыли, фройляйн!

Один из местных принес ей листок со схемой и образцами почерков, который она совершенно забыла. Даже если бы этот фактический эксперимент предположительно оказался совсем неудачным, она могла себе представить, что таким образом получила бы образцы почерка целого футбольного стадиона.

— ...а сейчас я открыл свою практику по медитации здесь в городке. Медитация не подвержена кризисам. Как и уход за ногами. Конфликты бывают всегда. Семейные ссоры, напряженные отношения, кризисы чувств, последствия травматических переживаний...

Ее бывший сокурсник продолжал бойко болтать, а затем бросил беглый взгляд на листок.

— Но я вижу как раз, что ты собираешься осмотреть городок. Тебя интересует лыжный стадион? Если хочешь, могу его тебе показать.

Он еще ниже наклонился над схемой и надписями к ней от руки. У нее не было желания разговаривать с ним об этом, или чтобы он ей что-то показывал. Мне нужно идти, хотела она сказать, мол, было очень приятно увидеть тебя, медитация, ах да, это звучит интересно, может, я как-нибудь зайду в твою практику, и тут вошел член совета общины Тони Харригль, которого все бурно поприветствовали. Ее сосед по столу продолжал болтать, но Мария развила в себе способность притворяться заинтересованной и одновременно думать о чем-то другом. Вполовину, или почти полным ухом она слышала, что Тони хотел сказать там за стоячим столиком. Член совета общины не видел ее, она даже не знала, знал ли он ее вообще. В булочной-кондитерской было как раз полно народа, очередь у прилавка росла, дверь постоянно открывалась и закрывалась, и, наконец, вошел Ангерер, без которого нельзя было обойтись. Он кивнул Марии, он узнал ее, и ее камуфляж полностью слетел.

— Ну, я пойду, — сказал ее бывший сокурсник, вероятно, он заметил ее невнимательность. — Пока. Может, встретимся еще как-нибудь. Я запишу тебе мой номер и адрес.

На Вилли Ангерере сегодня не было зеленого пальто из сукна, чехла от ружья тоже не было, в нем нельзя было узнать охотника. Этот Ангерер, наглый лжец, который утверждал, что он не было время прыжков с трамплина на стадионе, не важно по какой причине,

сегодня явился в сопровождении молодой дамы, возможно — претендентки на должность в управлении лесного хозяйства, дочери лесничего или помощницы на охоте. Ангерер рассказывал ей сейчас что-то о Скво-Велли и Оберстдорфе. Заведение заполнилось настолько, что Мария уже не могла следить за разговором. Вдруг Ангерер посреди булочной изобразил застывшую фигуру.

— Карл Шнабль, 1976? — закричала продавщица через прилавок.

— Кадзуеси Фунаки, 1998? — закричала претендентка на должность в управлении лесного хозяйства.

— Нет, Вилли Ангерер, 1959, — сказал тот. — В Оберстдорфе, при отборочных прыжках для Скво-Велли...

Остальное потонуло в общем смехе.

Мария еще немножко помешала в своей чашке, но здесь на чужой территории и посреди шума это принесло ей мало вдохновения. Она просунула листок со схемой в прозрачный файл и тщательно спрятала его в рюкзак. Ее полевые испытания на месте: скорее отсюда в настоящую наполненную жизнь. Несмотря на вывод, что было очень легко получить почерки по всей местности, часовое противозаконное подслушивание было коту под хвост, подумала она. Она сунула записку навязчивого типа в задний карман джинсов и решила, поскольку уж она была экипирована как туристка, совершить прогулку до трамплина для прыжков, и дальше поразмышлять над профилем преступника: мужского пола, белый, интеллигентный, одинокий, гиперактивный, зритель канала ARTE, читающий Франца Кафку, полностью разочарованный — что-то в этом роде.

В какую бы сторону ни принохиваться, отовсюду воняет, запах упадка, твой собственный запах разложения, все это уже невозможно выносить. Ты начинаешь разлагаться, тело распадается, силы убывают, интеллект уже достиг апогея. Все слабеет, все уменьшается, все катится только вниз. Ты уже не ходишь так быстро, как раньше, уже ничего не можешь запомнить, даже простого номера телефона, первые друзья уже умерли, у тебя появляются морщины, изможденная кожа и унылое выражение лица. Ты чувствуешь это на себе, как каждый день погибают миллионы клеток организма, достойная жизнь уже позади: тебе двадцать.

Бобо как раз был одним из тех, кто отметил этот трудный день рождения. Ну да: что значит отметил, он провел день в одиночестве, так как жизнь уже с самого утра неожиданно стала невыносимой, просто так — ни с того ни с сего, — так что праздновать было нечего. Так как он два раза провалился в гимназии, то все еще сидел в двенадцатом классе и ненавидел их всем сердцем — его семнадцати- и восемнадцатилетних приятелей, у которых все еще шло вверх, биологически, мнемонически, в индивидуальном развитии, гормонально, и вообще.

Все в городке называли местную гимназию самой ненормальной во всем предгорье Альп. Некоторые утверждали, что в этом виноват ветер. Фён выдувает у школьников все выученное из голов так быстро, что даже не успевает закончиться урок. Кое-какие учителя, которых перевели сюда по их просьбе, учитывали это и даже не пытались вбивать какие-либо факты в похожие на губку мозги тех, на которых возлагались все надежды альпийского региона. Когда Николь Шваттке и Франц Холльайзен вошли в вестибюль гимназии, первое, что они унюхали, и что первое ощущаешь нюхом во всех школах во всем мире, — это смесь забытых бутербродов, пыли от мела и холодного пота страха. Школьный гонг, мелодия Заратустры Рихарда Штрауса, выгоняла визжащих подростков из классов, заставляла их поторопиться, и, спотыкаясь, вылетала из классов будущая интеллигенция и потенциальный руководящий персонал. У обоих полицейских скоро возникло такое чувство, будто бы они по пояс увязли в учащих младших классов. Особенно у Холльайзена, после последнего визита которого в школу прошло уже достаточно много времени, наверное, столетия; запах вестибюля вызвал воспоминания, вскоре сузившиеся до робких вопросов и ответов: Я выучил географию? Нет. Я понял, что такое линейно независимый вектор? Нет. Пойму ли я все это когда-нибудь? Нет, определенно никогда.

В отдельных классах, где не теряющие надежды учителя мужественно боролись с культурным распадом Западной Европы, еще была какая-то жизнь. Одиннадцатилетний школьник, пыхтя, прошел мимо них. Он нес школьный ранец размером с солдатский вещмешок времен Тридцатилетней войны, который весил с него самого.

— Эй, ты, жертва моббинга, ты наступил мне на ногу, — сказал один ученик начальной школы другому, а в открытой двери стояла старший преподаватель Ронге, единственная в должности старшего преподавателя в мире, не имеющая двойного имени.

— Недобитый югослав! — парировал жертва моббинга. Когда Николь вместе с Холльайзеном вошла в класс, у нее тоже всплыли обычные неприятные чувства, которые вылились в не менее неприятные вопросы и ответы: Знаю я что-нибудь об аблятиве? Нет. Я

поняла, что означает эффект Допплера? Нет, и я это, вероятно, никогда не пойму.

— Вот они, наши участники семинара по направлению социология, — сказала Ронге, и она сказала это с такой гордостью, как будто социология была тем, что молодым людям в их жизни необходимо больше всего. Шесть молодых людей, две девушки, четыре юноши, вежливо встали и крепко пожали руки Шваттке и Холльайзену. Только Бобо продолжал сидеть, ужасно медлительный двадцатилетний парень, очевидно учащийся старого колледжа в квалификационной фазе Г8 в преддверии кризиса двадцатипятилетнего возраста. Говорили в то время еще *endsgeil* и *phatt*? Тридцать лет тому назад один умник написал мокрой губкой на доске *Scheiß Bullenstaat* (дерьмовое полицейское государство), а эти школьники, казалось, воспринимали визит полицейских как что-то увлекательное.

— Такое не каждый день случается, — сказал один, изображавший милого соседского мальчика: безумцы пятидесятых, наброшенный на спину вязаный свитер спокойных цветов — таких мальчиков называли когда-то «*teds*» (пижон, стилига), подумал Холльайзен, во времена, когда «твикс» называли еще *Raider*. Все семь учеников встали рядом друг с другом. Тэд оказался Кевином. Рыжеволосая девушка с лицом, усыпанным веснушками, представилась как Ирена, но хотела, чтобы ее называли Айрен. Остальных звали Фло, Мюкке, Дирк, Бард — и Бобо. Николь посмотрела бегло на доску, там можно было прочесть формулу $v(N) = N - (c/2L)$, c = скорость света, L = длина резонатора. Тот, который представился как Мюкке, встал и стер все.

— Почему ты это делаешь? — спросила учительница.

— Мешает мне. Физика. Формулы. Я это не люблю, — сказал Мюкке.

— Итак, кто из дам и господ учащихся расскажет нам что-нибудь? — спросил Холльайзен. — Я слышал, что вы занимаетесь интересными вещами.

— Мы писали семинарские работы, и однажды об этом заговорили, — начала Фло, но учительница прервала ее.

— Вначале я должна предварительно упомянуть, что я предложила темы работ. — Николь подумала, какое у учительницы может быть прозвище. Ронге очень трудно исказить в худшую сторону. Практически вообще невозможно.

— Это были все темы из области криминологии и судопроизводства, — продолжила учительница с неразрушимой фамилией. — Наказание и возмездие в правовом государстве. Исполнение наказания. Таким образом, эти молодые люди последние полгода занимались преступлением и наказанием.

— Мы банда Раскольниковов, — сказал Барб.

— Вы написали семинарские работы? — спросил Холльайзен и посмотрел на компанию. — Можно нам их почитать?

Бесконечно медленными движениями Мюкке достал из-под парты несколько скоросшивателей.

— Уже подготовили. Вы можете прочесть все. Мы тоже думали, что полиция когда-то придет.

— В самом деле? — спросила Шваттке.

— Да, это входит в планы, — продолжил Мюкке. — Основная идея проекта Альпшпитц следующая: Почему в преступных деяниях всегда нужно действовать деструктивно? Почему не совершить преступление, но чтобы при этом никто не пострадал? Почему не сделать это как урок, это правонарушение? Почему не совершать разрушительное действие, но чтобы

при этом ничего сразу не рушилось?

— А почему, собственно говоря, вы здесь? — спросила Айрен, обращаясь к полицейским. — Это допрос или что?

— Нет, мы занимаемся текущим расследованием, — ответила Николь. — Вы наверняка слышали о покушении там наверху, на Шахене.

— К этому мы не имеем никакого отношения, — сказал Мюкке резко, и сказал это даже слишком резко и драматично, как показалось Николь.

— Никого из вас здесь не подозревают. Поэтому это не допрос, а неформальный опрос.

— Что, это самый настоящий реальный опрос? — сказала Фло с удивлением. — И вы настоящие полицейские? Со служебными удостоверениями и тому подобным?

— А ты что подумала?

— Я подумала, что это снова акция фрау Ронге.

— Мы все так подумали, — сказал Мюкке.

Черт возьми, подумала Николь, такого не может быть, все в этом закулисном городке воспринимается как игра, шутка и дурачество.

— Нет, — сказал Холльайзен терпеливо, — это настоящий опрос, реальный опрос один к одному. Мы настоящие полицейские, и есть реальное дело...

— Вы смотрели фильм «Матрица»? — прервала его Фло. — Там все тоже утверждали, что они настоящие. В действительности: все подделано, подстроено, все ложь.

— Да, я смотрел фильм, — сказал Холльайзен. — Но я не из «Матрицы». Я настоящий. И есть настоящий террорист. И сейчас есть две возможности. Или здесь в городке есть сумасшедший, который копирует ваши проекты...

— ...или, — вставила Николь Шваттке, — банда Раскольникова может нам что-то сказать.

Никто из семи учащихся не проявил никакого волнения.

— Я исхожу из того, — продолжила Николь, — что вы не способны на террористические акции.

— Может, и способны, — сказала Айрен, — но не готовы. А может, и готовы. Но мы этого не делаем. То есть мы делаем, но только в уме. Разрешите представить вам сейчас наш теперешний проект.

— Это более крупный проект, и каждый из учащихся взял на себя частную задачу, — вмешалась услужливо учительница. Она собралась было делать более подробный доклад, но чиновники хотели слышать все лучше из уст учащихся.

— Я извиняюсь, — сказала Николь и встала. Выйдя из класса, она позвонила Беккеру.

— Что случилось, Николь?

— Это все напрасный труд, Ханс-Йохен, но говорит ли вам что-нибудь такая формула, минуточку... — Николь достала свой блокнот и нашла листок с формулой, которую успела записать, пока Мюкке ее не стер. — Вы примерно знаете, что означает $v(N) = N - (c/2L)$?

— Это может быть все, что угодно. Известно ли, что это за величина «L»?

— Да, это там было написано. L = длина резонатора.

— Как вы сказали. Длина резонатора? Что с вами сегодня случилось, — сказал Беккер насмешливо. — Вы что-то выяснили, о чем я ничего не знаю? Шеф тоже что-то спрашивал в этом направлении.

— В каком направлении? А что это за формула?

— Формула играет важную роль при образовании лазерных лучей. В лазерном

резонаторе частички света направляются между зеркалами туда и обратно. В зависимости от конструкции волны определенной длины и их кратное особенно усиливаются. С помощью доплеровского распространения по формуле Гаусса...

Когда Николь снова вошла в класс, у нее создалось впечатление, что Холльайзену удалось завоевать доверие подростков. Он мог хорошо с ними общаться, на это она обратила внимание уже раньше в других случаях.

— Это что-то похожее на пейнтбол? Или *Gotcha?* (Банзай!), — как раз спрашивал он. — Оружие выглядит поразительно похожим на натуральное, но с ним играют в смертоносную игру.

— Пейнтбол мы знаем, да, — сказал Барб. — Это детские забавы.

— Детские забавы? — возразил Холльайзен. — Я думаю, что это что-то вроде предварительного этапа к...

— Мы так не думаем, — перебил его Дирк. — Тот, кто играет в пейнтбол, никогда не станет по-настоящему убивать. Катарсис, вы понимаете. Ты очищаешься от преступных мыслей, пропуская эти мысли через игру.

— Понимаю, — сказал Холльайзен. — Но эта теория спорная.

— Катарсис, преодоление насилия — в этом году это не наши темы, — сказала преподавательница, — наша тема разрушение.

— Да, верно, — продолжил Дирк, — такое как пейнтбол, это не наше занятие. Мы проработали настоящий криминальный проект, и по нему мы сделали что-то вроде «портфолио». Мы назвали это Альпшпитце-проект. Он состоит из нескольких этапов. На первом этапе мы разрушаем какое-то учреждение, которое является очень важным для всего региона. Мы очень долго искали его. А теперь угадajte.

— Горнолыжные склоны? — гадал Холльайзен. — Прогулочные маршруты?

— Трамплин для прыжков? — добавила осторожно Николь.

— Нет, — продолжил Дирк, — мы решили пойти дальше и разрушить действительно большой и видимый издавна символ. Символ региона — это вершина Альпшпитце. У горы Альпшпитце мы возьмем самое существенное, а именно ее вершину. И это в буквальном смысле слова. Мы отколем взрывом верхушку этой горы. Затраты получатся не очень большими. Я просчитал.

— Он собирается учиться на экономиста, — сказал Барб весело.

— Нам потребуется от двадцати до двадцати пяти зарядов тринитротолуола, каждый мощностью от пяти до семи килоджоуля, — продолжил Дирк. — Это стоит не больше, чем новая горка для детского сада. Мы разместим их вокруг примерно в пятидесяти метрах под вершиной. Мы передадим предупреждение об опасности для людей и взорвем ее с помощью дистанционного взрывателя. Когда разойдутся облака пыли, то верхушечки Альпшпитце не будет. Состав преступления: нарушение общественного порядка — параграф 125 УК, причинение общей опасности в результате взрыва — параграф 308 УК.

— Но это уже на десять лет тюрьмы, — добавила Николь.

— Не обязательно, — сказал Мюкке. — Согласно параграфу 125а, это не тяжкое нарушение общественного порядка.

— Он собирается учиться на юридическом, — сказал Барб.

— Второй этап, — продолжила Айрен, — состоит из оценки реакции властей на это. Наш прогноз такой: туристическая индустрия, спортивные объединения, город и так далее,

они будут делать все, чтобы снова восстановить Альпшпитце без верхушечки, которая стала сейчас символом разрушения. То есть власти станут собирать деньги и восстановят разрушенную верхушечку.

— И тут мы подошли к третьему этапу нашего проекта, — подхватил Мюкке. — Ландшафтные дизайнеры снова пристроят верхушку, гора получит протез, по виду все будет, как и прежде. Но каждый будет знать, что это протез. То есть символ разрушения останется, хотя он и будет устранен. А это как раз и был наш план. Нашей акцией можно будет восхищаться и в ближайшие годы, и в ближайшие десятилетия. И это я называю подрывная стойкость.

— Четвертый и заключительный этап, — сказал тихий Кевин. — Так как государство не боится ничего больше, кроме подрывной стойкости, то нам и не нужно вовсе реализовывать наши планы. Мы ими только угрожаем. Состав преступления: параграф 240 УК.

— Как вы собираетесь этим угрожать? — спросила Николь. Она была уже в некотором ужасе от серьезного энтузиазма этих подростков.

— Мы разработали планы до мельчайших деталей, — сказал Мюкке, — мы разошлем их по учреждениям и будем удерживать государство в позиции некоего раздраженного ожидания — конечная цель всякого разрушения!

— Вы действительно разослали планы? — спросил Холльайзен.

— Да, мы это сделали. В управление уголовной полиции земли, в прокуратуру Мюнхен П.

— И что?

— Мы даже не получили никакого ответа, — сказала Айрен разочарованно.

— Я бы вам это сразу сказала, — пробормотала Николь.

— Я не очень щедра на хорошие оценки, — снова вмешалась старший преподаватель Ронге, — но вы видите, именно за эту последовательность, что они послали работы даже в управление уголовной полиции, я поставила им пятнадцать баллов.

— Я хочу вас только поставить в известность о том, что ситуация изменилась, — сказал Холльайзен. — Знаю, что вам не нравятся такого рода покушения. Но одно сейчас произошло, и я бы вам посоветовал, покинуть линию огня. Семинарская работа на рискованную тему — это одно, а лежать на глубине двух метров под лавиной — это другое. До вас дошло?

Учащиеся кивнули, опрос был закончен, все вышли. Николь Шваттке в школьном коридоре сделала еще несколько попыток завязать разговор, неофициально, в частном порядке, совершенно непринужденно, но ей не удалось установить настоящий контакт с подростками, по возрасту она от них не очень далеко ушла. Тихоня Кевин подошел к Холльайзену.

— Вы разбираетесь в футболе?

— Немножко.

— Я имею в виду правила.

— Ну да, я знаю правила. Они не так уж и сложны. Ваш проект намного сложнее.

— Я хотел бы вам кое-что показать. Это моя идея. Вначале я хотел этим внести вклад в тему разрушения. На этом можно было бы хорошо заработать. Прочтите это.

Ученик, который назвался Кевином и до мельчайших деталей выглядел в стиле Тэда, протянул Холльайзену листок, на котором было не больше десяти строчек текста. Холльайзен внимательно прочел текст и присвистнул сквозь зубы.

- Ты это собираешься как-то использовать?
- Может быть, когда-нибудь.
- Это настоящая взрывчатка. Я советую тебе одно: придержи это для себя.

— ... оптический резонатор действует как гребенчатый фильтр, который либо усиливает, либо ослабляет определенные следующие друг за другом частоты, так что можно сказать $2L = N \cdot \lambda$, причем подходит к волнам любой длины — Алло! — Николь! — Вы меня слышите?

Ханс-Йохен Беккер покачал головой.

Положила трубку. Типичная бездельница. Вначале звонит с нетерпением, делает заинтересованный вид, а потом просто отключается, нет, ну ты подумай!

Беккер, очкастая и человечек с кисточкой возвратились в штаб-квартиру, в святая-святых экспертов-криминалистов. Там они сидели в маленьком помещении за столиком. Они молча продолжали обнюхивать. Они передавали листок бумаги и конверт Куницы большим пинцетом, подносили его близко к лицу, они закрывали глаза, и их ноздри расширялись. Если бы можно было видеть их лица, то можно было бы сказать, что они дегустируют за закрытыми дверями вино с юга Франции за 600 евро.

— Удивительно, — сказала очкастая. — Это какие-то ненормальные запахи. Куница и здесь оставил для нас следы.

— Да, и я так думаю, — кивнул Беккер. — Вот это, например — *(глубокое удивление)* — это лосьон для бритья. В этом я совершенно уверен. А это — *(еще раз глубокое удивление, многократное нюхание)* — тут я не совсем уверен. Это может быть бензин.

— Дайте-ка сюда, — сказал человечек с кисточкой и тоже понюхал. — Да, может быть *(многократно, коротко понюхал)*. Но я чувствую также и запах ванили. Слабый, но отчетливый запах ванили. — Все трое записали свои впечатления. Запах лесных грибов, пары клея, аромат апельсинов, затхлый книжный запах, жировой чад.

— И запах гари. С обгоревшего края.

— Запишите это с вопросительным знаком, — сказал Беккер очкастой. — Но когда-нибудь этот шутник сделает ошибку, клянусь вам. Когда-нибудь он построит след, который приведет прямо к нему. И тогда мы его поймает.

— Это вы можете сказать вслух, шеф, — сказал человечек с кисточкой.

— И одно уже сейчас ясно, — сказал Беккер с наслаждением и заговорщицки. — На этот раз мы ближе к делу, чем Еннервайн.

Они сделали небольшой перерыв, пошли в соседнюю комнату и чокнулись стаканами с просекко за 2,99 евро за сотрудничество внутри полиции.

Обермейстер полиции Иоганн Остлер, оставшийся в местном участке, сделал несколько телефонных звонков, но все без пользы. Ну классно: остаток группы Еннервайна проводил бурные и щекочущие расследования, а его оставили удерживать позицию. Но кто-то должен был это делать. Он поднялся из-за своего письменного стола и открыл окно, выходящее на большую и оживленную главную улицу. Он открыл его без какой-либо особой причины. Ну хорошо, уголком глаза он увидел тень, заметил, что кто-то прошел очень близко к окну, но кабинет Остлера выходил окнами на улицу, где такое происходит сотни раз на дню. Скучая, Остлер остался стоять у окна, рассеянно глядя на улицу, его взгляд остановился на стеклянной витрине участка с обычными досками с объявлениями: «Спортивные клубы

полиции на подъеме», «Нет власти наркотиков», «Число насильственных преступлений в Баварии уже несколько лет сокращается». Стеклянную витрину давно нужно вымыть, подумал он. Слой пыли снаружи был уже толстым, и кто-то написал на нем что-то фломастером. Почерк был вертикальным и строго направлен вверх, по верхним краям он мерцал, как будто горел. О Господи! И еще не успев выбежать, Остлер уже знал, что Куница давно скрылся.

Дорогой господин комиссар,

на этот раз буду очень краток: сегодня утром начнется третье покушение, на этот раз на любимое блюдо баварцев. Примерно 4000 порций будет съедено в такой день, как сегодня, в городе, одна из них отравлена. Осторожно! Ботулин очень сильный и моментально действующий нервный яд. Ужасно. Продолжительная, бесконечная агония. Тьфу.

ВП — ваш преследуемый.

ХУМПФ-ТАТА-ТА! ХУМПФ-ТАТА-ТА! Рези Крайтмайер была глуховатой и поэтом поставила радиоприемник на полную громкость. Она сидела за обеденным столом и рассматривала еду, предвкушая удовольствие. Ведущий на радио кричал изо всех сил, что сегодня в районе окраины Альп местами возможны грозы, Рези уменьшила звук радио и сделала хороший глоток из свеженаполненной кружки светлого пива. Она мысленно чокнулась за здоровье ее умершего супруга Сильвестера и принялась за деликатес светло-желтого цвета, которому она радовалась уже с самого утра. Она слегка наклонилась вперед, глаза, полные страстного ожидания, открыты — как вдруг ее остановил адский треск, апокалипсический разрыв. Ее сердце от ужаса остановилось, когда к ней подлетела черная птица размером в человеческий рост, которая, вероятно, влетела, разбив закрытое окно, так как осколки стекла разлетелись по всей комнате и с треском влетели в лицо Рези Крайтмайер, так что она едва успела прикрыть глаза руками. Огромная черная птица, и Рези Крайтмайер, разумеется, подумала, что это могла быть смерть, которая пришла за ней, у нее были широко раскрытые глаза и переливчатый, заканчивающийся острием хохолок. В одной лапе у птицы была коса, похожая скорее на кирку.

«Ооооооооооооооооооооой!», — пронзительно кричала птица и схватила ее за руку. Ей бы, Рези, чуть-чуть побольше времени, чтобы она смогла подготовиться к своему последнему гостю — но выбирать не приходится, подумала она и выдавила еще из себя короткую молитву. А дальше была тишина, большая, темная тишина.

Этого никто не ожидал. То, что катастрофа начнется внизу в долине, при том, что все внимательно устремляли свои взгляды вверх. Да, если бы Куница нанес удар там в горах! Готовые прийти на помощь горноспасатели находились в засаде везде, где только можно было подниматься в горы, каждый крест на вершине с коробкой для книги отзывов посетителей вершины был под их наблюдением, многие сразу же остались наверху в горных хижинах и приютах, некоторые даже разбили палатки, чтобы схватить этого предателя гор, этого подлого высокогорного вредителя.

Никто из группы горноспасателей ничего толком не знал о конечной цели их задания, но все устремили взгляды вверх, к небу, наугад. А случилось внизу. Написать сообщение на витрине перед полицейским участком уже было наглостью, бесстыдным вызовом полиции. И потом еще это покушение на съедобный предметный символ баварцев — это было покушение на белые сосиски.

Еще 2 часа и 13 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

Остлер сразу же известил всех, и в течение кратчайшего времени вся группа собралась в полном составе. По очереди они скептически осматривали надпись на стекле. Беккер фотографировал, человечек с кисточкой работал кисточкой, очкастая взглядом уперлась под ноги в поисках следов. Границы площадки размечены, время игры задано, теперь дело за Еннервайном, отдать команду к действию.

— Одни мы в заданное время не справимся, нам нужно подкрепление, — сказал

комиссар и открыл этим самое короткое совещание, которое группа когда-либо проводила.

— Бундесвер? — предложил Штенгеле.

— Они лучше всего оснащены для такой операции, но так быстро мы их сюда не получим.

— Федеральная пограничная охрана, спецотряд 9? — спросила Мария.

— Они могут прибыть быстро, но как эти товарищи действуют, мы не знаем. Они придут всем военизированным подразделением на вертолете, и во время паники, которая при этом возникнет, наверняка будет двадцать жертв, без ботулина. Нет, нам нужно поступить иначе. Сколько человек живет здесь в поселке?

— Почти тридцать тысяч, — сказал Холльайзен. — Если считать туристов — тысяч сорок или пятьдесят.

— Мы создадим три линии нападения, — решил Еннервайн. — Первую направим на мясные магазины, вторую — на предприятия общественного питания, и третью — на частные домохозяйства. И тогда, как уже было сказано, нам потребуются помощники. Во-первых, эти помощники должны знать данную местность, во-вторых, надо, чтобы они могли моментально мобилизоваться. И в-третьих, такие, чтобы были привычны энергично действовать.

Клубы и объединения. Он хочет подключить клубы, подумала Мария. Гениально.

Еще 1 час и 57 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

— Остлер, — продолжил комиссар, — вы член общества по сохранению национального костюма и знаете там заправил. Выберите нескольких из них и отправьте во все мясные магазины городка. Расскажите владельцам истинную историю, скрывать ее все равно долго не удастся. И обеспечьте безопасность всех белых сосисок.

Остлер уже направился к двери.

— И расспросите каждого мясника и каждую продавщицу, — прокричал Еннервайн ему вслед, — не припомнят ли они, кому они сегодня продавали белые сосиски. Потом позвоните этим покупателям. И не составляйте протоколов. Промедление опасно.

Первая волна атаки под руководством коменданта Иоганна Остлера покатилась.

— Губер слушает.

— Говорит Остлер, уголовная полиция. Вы покупали сегодня в мясном магазине Каллингер белые сосиски?

— А вам до этого какое дело?

— В принципе никакого, фрау Губер. Но мы получили сигналы, что одна из этих сосисок отравлена, поэтому я настоятельно советую вам не есть их.

— Ну bravo, у Каллингера теперь тоже нельзя покупать...

— Атцгорн слушает.

— Говорит Остлер, уголовная полиция, фрау Атцгорн. Вы покупали сегодня в мясном магазине Кернсдорф белые сосиски?

— Там они самые лучшие, господин Остлер, я уже положила их в кастрюлю варить. Мясник Мольт делает очень хорошие сосиски, но чуть многовато приправ...

— Фрау Атцгорн!

— ...к Каллингеру я больше не хожу, он в последнее время стал делать хуже, и птица у него уже не такая свежая, как раньше. После того как у Каллингера умерла жена...

— Фрау Атцгорн, позвольте вас прервать: мы получили сигналы, что одна из сосисок, которые вы купили у Кернсдорфа, отравлена, поэтому я настоятельно не советую вам...

— Губертина фон Роймонд. С кем я разговариваю? Откуда у вас мой номер?

— Говорит Остлер, уголовная полиция. Фрау Роймонд, извините за беспокойство, вы покупали сегодня в мясном магазине Бобердингер белые сосиски?

— О таких вещах я не забочусь, молодой человек. Это дело персонала. Всего доброго.

— Михаэль Бисчински слушает.

— Остлер, уголовная полиция. Вы покупали сегодня в мясном магазине белые сосиски. Я хотел бы только предупредить...

— Ойеёёёёёёёёёё! Гкк! Кх!

— Алло. Господин Бисчински! Что случилось?

— Хррк! Рееечх! Ярг!

— Господин Бисчински, вам плохо? Что с вами?

— Аааааг! Гааар! Кх!

— Алло! Вам нужна помощь?! У вас уже...

— Говорит Бисчински. Вы еще у телефона, господин Остлер? Небольшая шутка. Я это уже слышал. Я выбросил сосиски в мусорное ведро. Простите, пожалуйста!

Еще 1 час и 16 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

Остлер и выбранные очень быстро, хотя и целенаправленно, двадцать членов общества по сохранению национального костюма проделали большую работу, в течение получаса они обошли все мясные магазины городка, конфисковали сотни белых сосисок и предупредили большинство покупателей. Вторым объектом атаки были рестораны, пивные, пансионаты, закусочные и другие общественные заведения, где продавались белые сосиски. Еннервайн поднял на ноги обычные инстанции, так как возглавлял этот второй штурм обермейстер полиции Франц Холльайзен, хорошо знающий местность, ему подчинялись комиссар Шваттке и гаупткомиссар Штенгеле. Из-за большой плотности гостиниц и различных кафе и закусочных в курортном городке и сюда нужно было привлекать вспомогательные силы, они состояли из членов Союза стрелков, в котором Холльайзен был тренером. Холльайзен ни минуты не колебался, чтобы подключить сюда и почетного председателя Союза стрелков Тони Харригля. Но тот ломался.

— Почему я должен участвовать в том, что входит в обязанности полиции?

— У нас очень мало времени, Тони.

— Если это плохо кончится, то на моей политической карьере нужно будет ставить крест.

— А если все будет хорошо?

— Прокуратура уже в курсе дела?

— Нет, жизнь граждан намного важнее.

— Я не хочу нигде видеть свое имя.

— Ну прошу тебя, Тони...

Получился настоящий уличный бой, как в книжке с картинками или, лучше сказать, как в учебнике «Крупномасштабная полицейская тактика». Тридцать решительных фигур прочесывали погребки, пивные бары, закусочные и рестораны городка и конфисковывали белые сосиски. До двенадцатичасового боя часов оставалось меньше часа.

«Внимание, внимание, говорит полиция! Сообщение для всех жителей города!»

Эту третью волну атаки возглавлял сам Еннервайн, он и Мария выбрали себе самую трудную задачу, ездили с радиопатрульной полицейской машиной по улицам и повторяли сообщение. Через несколько минут уже проявились первые признаки коллективной паники. Как бы мягко, осторожно и психологически обоснованно доктор Мария Шмальфус ни произносила в мегафон свои предостережения о белых сосисках, страх все же прорывался и пробивал себе дорогу. Целые семьи стояли с поспешно упакованными чемоданами на улице и мешали продвигаться автомобилям — они боялись новых покушений. Почти две сотни человек уже съели завтрак с белыми сосисками, их отвезли в клинику, большинство из них настаивали на том, чтобы им промыли желудки, к чему рисковать. Было задействовано в целом четыре полицейских автомобиля.

Дополнительно удалось привлечь добровольную пожарную дружину под руководством капитана Иоганна Миргля-младшего. Шесть пожарных машин прочесывали городок. Конечно, люди собирались на улице, многие уже знали, пересказывали другим, создалось приторно-сладкое, опасно агрессивное чувство солидарности, взрывная смесь из «Мы сплочены» и «Убейте эту свинью». Еннервайн и Мария знали опасность таких акций. Душа народа, это как спящий котенок, в этих условиях могла мутировать в непредсказуемое чудовище. Тут и там некоторые чересчур рьяные хоть и легко, но вооружились, и если бы где-то они увидели человека, вкалывающего шприц в белую сосиску, то из того же теплого, коллективного чувства котенка они бы его линчевали.

«Внимание, говорит полиция, пожалуйста, расходитесь, для вас нет непосредственной опасности!»

До сих пор никто не слышал о синем, высунутом языке и выкатившихся глазах.

Еще 46 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

Николь Шваттке и Людвиг Штенгеле, вестфальская пруссачка и шваб из Альгойя, находились в полицейской машине по дороге к ресторану, расположенному немного за пределами городка.

— Я задаю себе вопрос, как это Кунице удалось незаметно подложить отравленную сосиску, — сказала Николь.

— Ему было намного легче, чем нам, — ответил Штенгеле. — Нам нужно изъять из обращения все сосиски — а ему нужно было отравить только одну-единственную. Так что он мог свободно разгуливать целое утро, а может быть, и вчера после обеда, со шприцем в кармане куртки, чтобы высмотреть мясной прилавок, где нет наблюдения.

— Возможно, он заготовил сосиску уже дома.

— Это еще проще, верно: он, единственный покупатель в магазине, просит мясника принести ему что-нибудь из холодильника, быстренько бросается через прилавок и подменяет сосиску.

— А в ресторане?

— Он выбирает небольшой ресторанчик, где на кухне стоит только один повар: Оп-ля! Извините, я сейчас попал на кухню! Вот пансионат «Альпийская роза», нам надо поторопиться.

Еще 35 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

— Вы что-нибудь знаете о действии ботулина, Мария? — спросил Еннервайн, когда они вернулись на улицу, где они уже много раз повторяли свое сообщение.

— Первые симптомы — это тошнота, головные боли и сухость во рту. Через несколько часов наступают первые признаки паралича мышц. Типично раздвоенное зрение и тугоподвижность шеи. Смерть наступает от паралича дыхания. Жертвы неспособны разговаривать, говорить по телефону или как-то иначе позвать на помощь.

— На сей раз он сильно перегнул палку. До сих пор это были попытки нанесения тяжких телесных травм.

— А теперь это покушение на убийство.

Еще 17 минут до того, как часы начнут бить двенадцать.

Куница вставил в иглу для шпигования маленькую капсулу. Затем он немного приподнял один конец сосиски и воткнул иглу в середину скрученной оболочки. При благоприятных обстоятельствах таким образом нашпиговывали заячью спинку полосками сала. Куница освободил зажим и вытащил иголку без капсулы. Сквозь лупу он рассматривал результаты своей операции. Следов прокола видно не было. Куница довольно улыбнулся. Потом он бросил сосиску в котел. ХУМПФ-ТАТА-ТА! Гремело из радиоприемника, когда он вышел из кухни крестьянского дома.

Капитан пожарной части Иоганн Мигрль и его люди очень серьезно отнеслись к делу. Они до половины двенадцатого разъезжали в пожарных машинах и произносили в громкоговоритель один и тот же текст. Это было неофициальное дежурство, в котором они участвовали, некоторые служебные инструкции уже были нарушены, но когда речь шла о жизни и смерти, кого заботили служебные инструкции? Промедление опасно. Полчаса тому назад они остановили машины и пошли с мегафоном пешком по улицам. Сейчас они прошли уже почти весь город, и тот, кто не был глухим, — минуточку: Тот, кто не был глухим? У капитана пожарной части Иоганна Миргля вдруг мелькнула мысль. Он оглянулся. На расстоянии пятидесяти метров, в конце улицы он увидел комиссара Еннервайна и Марию Шмальфус, которые успокаивали группу граждан.

— Идите сюда! Идите ко мне, — закричал Мигрль им обоим в мегафон. — Мы еще кое-кого забыли!

Еще четыре минуты до того, как часы начнут бить двенадцать.

В старом крестьянском доме двора Крайтмайера была только одна жительница. Все остальные повыходили замуж, переехали или повымирили.

— Рези! Рези! Ты здесь? — кричал капитан пожарной части Иоганн Мигрль в мегафон. Никакого ответа. Мигрль согнувшись шел от окна к окну и пытался заглянуть внутрь. Из

одного он услышал: ХУМПФ-ТАТА-ТА! ХУМПФ-ТАТА-ТА! Капитан пожарной част
немного поколебался, может быть, ему стоило подождать полицейских.

Но ХУМПФ-ТАТА-ТА! означало: промедление опасно. Короткая разбежка, и он
выставив вперед острую каску и держа в руке кирку, прыгнул через окно за секунду до того
как Рези Крайтмайер, последняя из выживших старой крестьянской семьи Крайтмайер, сидя
за столом, макнула сосиску в сладкую горчицу и уже подносила ее ко рту.

«Хооооооооооойт!» — закричал пожарник, что, честно говоря, с точки зрения
психологии чрезвычайных происшествий было рискованно, так как Рези от ужаса уже чуть
не надкусила сосиску. Но та застыла в движении. Мигрль бросился на нее. В прыжке,
согнувшись щукой, он вырвал из ее рук сосиску и вместе с Крайтмайер упал на пол.

Часы пробили двенадцать.

Такой суматохи в уютном пансионате «Альпийская роза» еще никогда не было. Террористическое нападение! Невероятно! Некоторые гости пансионата пропустили уже по второму стаканчику портвейна, пили третью чашку кофе или пятую чашку чая с ромашкой, настолько они были взволнованы.

В половине двенадцатого оба полицейских въехали во двор, из машины выскочили маленького роста молодая женщина и крупный пожилой мужчина, тот сразу же бросился на кухню, женщина отдавала указания директрисе.

— Я сюда приезжаю уже сорок лет, — сказал отдыхающий из Гамбурга в приросшей к голове шапке принца Генриха, — но подобного здесь еще никогда не случалось. Черт знает что!

Спустя десять минут все в пансионате знали: они избежали покушения! Покушения! О Господи, чтобы такое вообще было возможно в безобидном курортном месте, как это! Из-за отсутствия дальнейшей информации в зале для завтрака пансионата «Альпийская роза» в последующие часы можно было разное услышать, что в некоторой степени граничило с расизмом, переходило в радикализм и снова возвращалось к приятному. Фрау Шобер подавала бутерброды и пирожные, но о еде больше никто не думал. Демонстрировалось упорное мелкобуржуазное сопротивление. Если не белые сосиски, тогда уж лучше совсем ничего. И, кроме того, утром исламист отравляет сосиски, а за что он примется в обед? За шварцвальдский вишневый торт?

Шан тоже сидела некоторое время в зале для завтрака, все слушала и вежливо кивала. Услышав достаточно, она покинула зал, вышла из дома и немного осмотрелась — на улице, в нескольких магазинах и в совершенно конкретной булочной, о которой знала, что здесь тусуется много местных.

— У нас в городке есть серийный убийца, — сообщила она после своего обхода Вонгу и Свободе. — Полиция, вероятно, полагает, что покушение на новый год, сход лавины и сегодняшнее отравление продуктов совершил один и тот же человек.

Свобода сидел в кресле у телевизора.

— Смотри, это симулянт, — сказал он, не поворачиваясь от телевизора. — А лакомый кусочек опять где-то в другом месте.

— Как бы то ни было, — сказал Вонг, — он сильно мешает нашим планам. Если полиция его схватит, он откроет с таким трудом стертые следы, которые ведут к нам.

— А почему так? — спросил Свобода.

— Если этого ненормального схватят, то он, разумеется, будет отрицать новогоднее покушение. И тогда расследования начнутся сначала.

— Я не очень уверен, друзья. Это симулянт, он везде суется, он хочет добиться признания. Я знаю достаточно людей его калибра.

— Психопат, который хочет добиться признания? — наморщила лоб Шан.

— Точно, — сказал Свобода. — И не очень решительным сходом лавины и отравленной колбасой нельзя добиться такой известности, как препятствованием международному спортивному мероприятию. Я знаю, с кем имею дело. Этот симулянт, конечно, возьмет на себя новогоднее покушение. Он не хочет денег, не хочет ничего политического, он хочет,

чтобы его имя попало в историю.

— В любом случае нужно, чтобы его схватили, — сказал Вонг.

— И ликвидировали, — сказала Шан.

— Почему опять то же самое? — простонал австриец. — Во-первых, да, и во-вторых, пожалуйста, не надо. Ликвидировать только в случае крайней необходимости. Ликвидировать только тогда, когда мы знаем, куда девать результат ликвидации.

— Итак, что же мы будем делать?

— Для начала нужно освободиться от иллюзий и попытаться создать представление о местном партизане. Прошу вас собрать все газетные вырезки, касающиеся этого случая. Вообще всю информацию. А также слухи. Я тоже немного осмотрюсь вокруг и подключу все контакты для подслушивания. Хочу знать о нем все, тогда мы либо сделаем так, чтобы его поймали, либо будем использовать его для наших целей.

Шан и Вонг вообще не были в восторге от того, что им приходилось находиться под императорским и королевским командованием решальщика и исполнять его поручения.

— Мы сделаем это по-своему, — сказала Шан на гортанном диалекте минь-ю. Свобода делал вид, будто ничего не понимает.

— У него одно преимущество, у нашего симулянта, — сказал Свобода. — Я убежден в том, что он еще какое-то время подержит полицию в напряжении. Совершит новое покушение, держу пари. Он собственно наша группа поддержки, он будет отвлекать полицейских, а мы сможем беспрепятственно действовать. И тем не менее я хочу познакомиться с этим парнем. Мы не можем допустить, чтобы он превратился в не поддающийся контролю элемент.

Куница не знал, что как минимум с начала этого разговора его жизнь находилась в смертельной опасности. Несмотря на сердечную защитительную речь Свободы, Шан и Вонг намеревались его убить, чтобы быть уверенными, что он в случае допроса по поводу новогоднего покушения не проболтается. Куница сейчас был зажат между органами исполнительной власти Баварии и вынужденной коалицией из габсбургского хладнокровия и чаояньской созерцательности. Он был в таком же положении, как римский полководец Тиберий Гракх-средний, 137 г. до н. э. под Баркатаном. Он не знал, что как с севера, так и с юга на него двигались две огромных сухопутных армии (скопты и каллирцы), которые в случае столкновения уничтожили бы его. Тиберий Гракх остался, поскольку он ничего об этом не знал, невозмутимым, и ждал затребованного флота капитана Сципиуса. Он спасся бегством морским путем. Может быть, Кунице тоже была уготована подобная удача?

Куница слонялся по улицам курорта. Внешне он казался невозмутимым, но внутренне он дрожал от волнения. Была только одна тема для разговора: его покушение. Была только одна тема: он. Он прогулялся вдоль пешеходной зоны, усыпанной взволнованными жителями. Тут и там с ним здоровались, он вежливо отвечал на приветствия. Его знали, с ним заговаривали.

— Ты уже слышал?

— Да, конечно. Плохое дело, — отвечал он озабоченно.

— Невероятно. Здесь у нас.

— Здесь у нас. Ужас какой. Одно покушение за другим.

— Больше в жизни не буду есть белые сосиски.

— Аппетит тут же пропал. (Ботулин! — чуть было не среагировал он, это была бы жестокая ошибка. Ему нужно быть повнимательнее.)

— Да, как вспомнишь агонию бедной Крайтмаер! — сказала его собеседница. — Так и не захочешь больше белой сосиски.

— Агония? Это известно в деталях? — спросил Куница.

— Говорят, глаза у нее выкатились, и она так кричала, что можно было слышать за километр вокруг.

— Да, такое говорят. Ну, я пойду.

— До свидания, приятного дня.

Он поднял на ноги несколько тысяч, а может быть, даже несколько десятков тысяч людей. С минимальными затратами, с помощью только одной иглы для шпигования, одной пластиковой капсулы и небольшой терпеливой работы он добился колоссальной развлекательной ценности для обеих сторон. Он чувствовал, как в нем поднимается приятное тепло, такое приятное тепло, как от камина, которое, возможно, чувствует император, когда инкогнито смешивается с толпой и при этом знакомится с милой бедной девушкой.

— А если они его поймают? Вы знаете, что тогда с ним произойдет? — спросил мужчина в вязаной жилетке. — Вы это знаете? Он найдет себе хорошего адвоката и получит полгода условно, потому что у него было тяжелое детство. С такими, как он, так и случается. Но если кто-то из нас...

— Да, с нашей правовой системой что-то не так, — произнес другой.

— Да, я вообще противник любого самосуда, — сказал Куница, — но в этом случае, я не знаю, что бы сделал, если бы оказался с ним один.

— Да, ты совершенно прав.

И он пошел дальше, неузнанный князь в стране хаоса, волк в овечьей шкуре, уважаемый гражданин с неразгаданной тайной. Он жадно впитывал любой новый отзыв о себе. Тот факт, что он один — один! — устроил все это, чрезвычайно возбуждало его. Никогда еще в своей жизни он не испытывал такого кайфа. Никакой наркотик не мог сравниться с этим чувством всемогущества, с этим безграничным всесилием. Он направил стопы в сторону булочной-кондитерской «Крусти». Почему бы ему туда сейчас не зайти, именно сейчас, да, почему бы нет. Наоборот, это стало бы заметно, если бы он не показался там. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо, таким важным, в таком единении с собой и с миром. Он заглянул внутрь через окно.

Там они стояли за стойками кафе, обессиленные от борьбы с ним, белые фигуры его партии: тут был комиссар Еннервайн, неподвижный король. Рядом стояла долговязая и тонкая как спица, белая королева, психолог, опасная фигура у противника. Осторожно с белой королевой! Сицилианское начало, подумал Куница, я единственная черная фигура в игре, я и король, и ферзь, и пешка одновременно, и — как раз в этом мое преимущество. Куница открыл дверь, ему нужно было протиснуться сквозь взволнованную массу, и теперь он чувствовал себя как Зигфрид в шапке-невидимке, который идет невидимый к психологу валькирий Брунгильде. Он чувствовал себя непобедимым.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Куница не мог больше концентрироваться на разговорах вокруг, так был опьянен

ситуацией. Чистый адреналин. Он слушал издалека Еннервайна, как тот отвечал на вопросы. Они все были вспотевшие, их нервы не выдерживали, раздражены до белого каления. Как легко приобрести господство над людьми, подумал Куница.

— Привет, — сказала продавщица за прилавком, когда подошла его очередь, — что ты хочешь? Кофе? Ты тоже помогал в поисках? Тогда получишь его бесплатно.

— Нет, я заплачу. Рад, что все хорошо закончилось.

Ханс-Йохен Беккер бросил на стол пакет, в котором торчала разрезанная вдоль белая сосиска. Никогда еще никто не смотрел на него с таким гневом.

Большинство из команды также с трудом сдерживали свое негодование.
 — Но это же не может быть! — Штенгеле покачал головой. — Это почти как сцена из черно-белого мультфильма. Разбойник достает пистолет, стреляет и — появляется табличка, на которой написано «Банг»! Он хочет нас опередить. А кто-нибудь уже знает результаты анализов?

— Нет, — сказал Еннервайн спокойно. — Эту информацию мы пока придержали. И поэтому я вас прошу реагировать профессионально. Мы не сделали ошибки. Нам всем не в чем себя упрекнуть. Давайте рассмотрим дело трезво.

Старая Рези Крайтмайер не успела надкусить сосиску, но несмотря на это, в целях безопасности, ее сразу же отправили в больницу. История с выкатившимися глазами и смертельными криками, которые, как утверждалось, было слышно за километр, появилась благодаря эффекту испорченного телефона народного фольклора. Сосиска была еще целая, и Беккер ее сразу же осмотрел. Результат был действительно унизительным. В середине сосиски находилась маленькая капсула, криминалисты уже было почуяли плохое, когда они заметили нечто красное. Это не была одна из обычных фармацевтических капсул, которые через определенное время растворяются в желудке и с помощью которых отравители уже натворили много безобразий. Это была дешевая пластиковая капсула, которая легко открывается. Внутри находилась крошечная, сложенная гармошкой записка:

«0,01 мг ботулин: †»

И хотя шрифт был очень мелким, но он был вертикальным и строго направлен вверх, надстрочные линии мерцали, как будто горели. И как будто это было недостаточно провокационно, на обратной стороне продолговатого листка было приведено полностью действие отравления ботулином:

«Тошнота, сухость во рту, паралич мышц, тугоподвижность шеи, головокружение, расплывчатость зрения, головные боли, рвота, нарушение речи, затруднение глотания, боли в желудке, расширение зрачков, трудность приспособления, светобоязнь, мерцания, помрачение сознания, одышка, запоры, прекращение выработки слюны, высыхание слизистых, паралич дыхания, очаговая пневмония — остановка сердца!»

— И из-за такой бумажонки мы заставили в больнице сделать промывание желудка ста восьмидесяти семи пациентам, — сказал Остлер с возмущением.

— Нам нельзя было ошибиться, реагировать эмоционально и лично злиться на выходки, — успокоила его Мария. — И как раз этого хочет Куница. Он хочет видеть нас непрофессиональными, где-нибудь перед публикой, в интервью, при допросе, да где угодно.

— Так точно, фрау доктор Кофф, — вертелось у Штенгеле на языке, но он ничего не сказал.

— Это правильно, Мария, — сказал Еннервайн. — Важно сейчас одно: уменьшит ли это покушение круг преступников? Прошу высказать свое мнение.

— Я думаю, что мы уже можем исключить гимназистов, — предложила Николь Шваттке. — Допустим, что эта банда Раскольниковов состоит из бесшабашных тинейджеров. Может, они и собирались планировать покушения. Но окончательных последствий они бы испугались.

— Я тоже такого мнения, — сказал Штенгеле. — У этих молодых людей, как бы это сказать, творческая цель. Не действуют безрассудно, а хотят спровоцировать со вкусом, хотят что-то вроде художественной акции. Наш же Куница хочет приукрасить свое эго, и больше ничего.

— К этому мнению я тоже присоединяюсь, — добавила Мария и примирительно посмотрела на Штенгеле. — Я за это время поработала еще над профилем. Во всяком случае, наш преступник — это человек с сильными комплексами неполноценности, и в этом мы все сходимся. Он хочет внимания. Хочет, чтобы весь мир смотрел на него, как он играет. Но он не какой-то бедный, замкнутый одиночка, на которого нигде не обращают внимания. Живет полной жизнью, может быть, даже популярный и признанный в общине. Но этого ему мало. Он хочет иметь абсолютный, постоянный, неограниченный, ужасающий контроль над своим окружением.

— Но его письма всегда были очень любезными, вы не находите? — сказала Николь. — Даже милыми. Но ни разу они не были агрессивными.

— Это было бы для него опасно, — сказала Мария. — Этим он бы слишком выдвинулся из своего укрытия. Иногда он срывается. Я вспоминаю место: «...*Не направляйте на меня ваших безумно хорошо образованных психологов, ваших специалистов по вопросам коммуникации и умников на чиновничьих должностях, это ни к чему не приведет. Первого же профайлера, которого я увижу, я застрелю*»... Тут он показывает свои нервы, он не может собой владеть.

— Или он хочет, чтобы мы так думали, — возразил Еннервайн.

— Я так не считаю, — сказала Мария энергично. — Стил в этом месте становится хрупким, он расползается, он становится многословным. Выражение «*это ни к чему не приведет*» — это просто начинка, что не совсем подходит к его обычно строгой риторике. По моему мнению, у него здесь произошел срыв.

— Это действует и против вас, как психолога, — сказал Остлер Марии.

— Это меня сейчас меньше огорчает.

— Дальше, — требовал Еннервайн. — Есть еще какой-то признак?

— Я думаю, могу определить его возраст, — продолжила Мария. — Ему где-то лет тридцать пять, не моложе и не старше, об этом я сужу по его стилю письма и выбору слов. Подросток пишет иначе. Таким образом, гимназисты отпадают.

— А гимназист разве не может притворяться? — спросил Штенгеле. — Может, если будет стараться писать не так, как тридцатипятилетний?

— Да, это он может, — согласилась Мария. — Но для этого требуется большое стилистическое мастерство, которое бросилось бы в глаза в других областях также. Тогда, например, у него должны бы быть хорошие оценки по немецкому языку. Ни у одного из этих восьми учащихся нет хорошей оценки по немецкому. Я это проверила еще раз, поверьте мне.

— Может быть, это опять только притворство? — продолжал Штенгеле. — Он просто делает вид, будто...

— Нам нельзя распылять свои силы, — прервал Еннервайн. — Пожалуйста, Мария продолжайте.

— Я исключаю школьников еще по одной причине. Преступник чувствует себя неполноценным и недостаточным. Существует две группы преступников с комплексом неполноценности. Один — это вентильный преступник. Это одинокий, обедневший, опустившийся, презираемый человек, который потом вдруг сбрасывает кусок дерева с моста автобана. Этим он хочет сказать: «Да, я *последнее дерьмо. Я не могу ничего другого, кроме как нарушить ваш комфортный обывательский поток*». Наш преступник, Куница, он не вентильный преступник, для этого его действия слишком продуманы и, простите за выражение, слишком легкие и шутливые. Он другой тип преступника с комплексом неполноценности, он человек не туда назначенный, неправильно оцениваемый. Он второй председатель маленького спортивного клуба, который мучается с представлением, что он все-таки первый председатель большого спортивного клуба. Он второй председатель в маленькой районной партии и хотел бы стать председателем большой партии федеральной земли. У него есть профессия, которая дает ему некоторую власть, но он хочет большего. Это может быть полицейский, учитель, политик, врач, его влияние на других людей велико, но ему этого недостаточно.

— Поэтому вы исключаете учащихся?

— Именно так. Но нам нужно внимательно посмотреть на других лиц из списка. Например, эта учительница, эта — как ее зовут? — старший преподаватель Ронге. Учителя — это люди с удивительно большими полномочиями власти над другими людьми. То же самое касается и политиков, прежде всего местных политиков. Если вы меня спросите: этот Тони Харригль самый подходящий кандидат на должность Куницы? Но и бургомистр тоже.

— А почему тогда не сразу весь городской совет? — пропищал Штенгеле.

— А почему бы и нет?

— Круг подозреваемых становится все шире, вместо того чтобы сужаться, — сказал Еннервайн. — Нам нужно подойти с другой стороны. Мы должны каким-то образом вступить с ним в контакт. Перекур.

На улице сгустились грозовые тучи, и ландшафт сразу же стал мрачным и угрожающим.

— А как чувствует себя бедняжка Рези Крайтмайер?

— Соответственно обстоятельствам, хорошо, — ответил Остлер. — У нее тяжелый шок, говорит о черной птице, которая подлетела к ней.

— Посттравматические фантазии, — заметила Мария. — Все скоро придет в норму.

— Во всяком случае, в больнице собирается кое-кто из жертв Куницы, — сказал Остлер. — Сначала Оге Сёренсен, потом эта Ильзе Шмитц, которая сама себе выстрелила в ногу, и теперь старая Крайтмайер. Не говоря уже о ста восьмидесяти семи любителях раннего завтрака. Покушения все приближаются, вы не находите?

— Я предлагаю следующее, — сказал комиссар Еннервайн, когда все снова вошли в помещение. — Мы и дальше продолжаем работать традиционно. Беккер, но вы последите, чтобы мы из тысячи следов нашли все же один, который ведет к нему.

— Будет сделано. В настоящее время лазерный след все еще самый горячий. Все другие реквизиты можно купить в магазине канцтоваров. Но если Куница действительно стрелял из лазерного ружья и если мы выясним, откуда, то тогда он оставил слоновьи следы, тогда он

попадает в поле зрения.

— Хорошо, — сказал Еннервайн. — Мария, мы продолжим работать над профилем преступника и сравним его с нашими подозреваемыми. Продолжайте свою работу над образцами почерков. Я даю вам мое добро. Но делайте это как можно спокойней.

— Половину я уже сделала, до завтра у меня будут все.

— Замечательно. Кроме этого, нам сейчас нужно активизироваться. Я хочу вступить с ним в контакт, и у меня есть для этого одна — может быть, и не очень правильная — идея. Мы поиграем с ним в игру: тоже проложим ложные следы.

— Хорошее предложение, — похвалил Ханс-Йохен Беккер. Еннервайн хвалил Беккера редко, оба иногда прилично спорили друг с другом. Ханс-Йохен Беккер очень редко подключался к оперативной работе группы, он видел свою задачу скорее в технических дисциплинах. То, что он сейчас осмелился, все одобрили уважительным киванием.

— Вы думаете о заметке в газете, где покушение с белой сосиской будет описано совершенно неверно? — спросил он.

— Не совсем неверно, — сказал Еннервайн, — а настолько неверно, что оскорбит его и бросит вызов. Я бы поместил в газете нечто подобное, вроде: Рези Крайтмайер тяжело страдает от смертельно опасного отравления ботулином... старейшая местная жительница при смерти, и к этому подробности, как все это выглядит.

— Врачи будут с нами в этой игре?

— Да, я уверен. Этим мы перечеркнем его намерения изобразить из себя симпатичного шутника, который позволяет себе шутки с полицией и никому не причиняет вреда. Этим среди населения он превратится в настоящего убийцу, несимпатичного, а такой имидж доставит ему много хлопот.

— Мне идея нравится, шеф, — сказал Штенгеле, и все кивнули.

— Беккер, — продолжил Еннервайн, — вы представите данные. Итак: фактические данные, Мария, вы сформулируете короткую заметку в газету.

— Для какой газеты должен быть текст? — спросила Мария. — Для местной газеты?

— Я против, — сказал Остлер, и Холльайзен его горячо поддержал. — Именно газета, которая разносит нас в пух и прах, которая в каждом сообщении ругает неспособную полицию — и ее тираж мы должны повышать таким объявлением на несколько тысяч экземпляров?

— Хорошо, — сказал Еннервайн, улыбаясь. — Тогда мы поддержим тираж маленькой газетки, сделав ее нашим почтовым ящиком. Предложения?

Некоторые в группе усмехнулись. Они все подумали о «Альтбайрише хаймпост», о самом невинном печатном органе из всех печатных изданий, центральном органе реально существующей сельской романтики. Они так и сделали. Между статьей о крестьянских обычаях и о первой женщине — мастера по южно-баварскому спорту фингерхакельн (перетягивание пальцем), помещалась заметка о Кунице, которая должна была выманить его из его куничьего укрытия. Прекрасный план.

— И вообще! — сказал Ханс-Йохен Беккер, когда совещание закончилось. — Разрезать белую сосиску вдоль — это настоящее преступление!

Однако же, господин комиссар!

Это уже что-то ниже вашего уровня, захотеть выманить меня такой хитростью из укрытия. Что я читаю? «Подлое покушение на жизнь честной гражданки городка». Ну не смешите меня! «Мучительно искаженные черты лица, выкатившиеся глаза и соборование, которое еще успел совершить с Крайтмайер священник по дороге в больницу»... Прекрасно, что вы используете, воруете, а может быть, пародируете мой стилистический элемент дезинформации, но в следующий раз должны делать это немного умнее. Я как раз готовлю четвертое покушение, и я вас очень вежливо прошу не тратить попусту свое и мое время на такие проделки. Лучше проверьте уже имеющиеся следы. Запахи, которые я использовал в последнем признательном письме, содержат, если их расположить в алфавитном порядке, важную подсказку: Б — бензин, К — каугумми (жевательная резинка), А — апфель (яблоко)... это была просто шутка, радуйтесь еще, дорогой комиссар Еннервайн. Вы командуете огромной группой, общественное мнение против вас, у вас плохая пресса — я не знаю, можете ли вы позволить себе четвертое нераскрытое покушение. Кстати, вас я выбрал потому, что вы достойный противник. Я навел о вас справки. Кажется, до сих пор вы раскрывали каждое преступление. Не разочаровывайте меня.

Кстати, о четвертом покушении: не делайте слишком поспешные выводы. Я как раз оглядываюсь на мои последние три операции и признаю, что могло создаться впечатление, что я что-то имею против иностранного туризма и баварского образа жизни: прыжки на лыжах с трамплина — турпоходы — белые сосиски. Но впечатление неверно, при следующем покушении я сделаю что-нибудь другое, что-то совершенно другое, оно вообще не коснется никаких баварских настроений.

А как собственно обстоят дела с профилированием? Вы уже определились — пол мужской, за тридцать, высокообразованный, сильные комплексы неполноценности, несостоятельность, компенсация за счет мании величия..? И дальше в том же духе, госпожа психолог Шмальфус! Если у вас возникнут вопросы, спокойно обращайтесь ко мне, через газету «Альтбайрише хаймпост» со мной всегда можно связаться. В газете я прочел, кто входит в вашу группу. Вначале Остлер и Холльайзен: замечательные специалисты, надежные, знающие местность, я их хорошо знаю, предположительно они меня тоже. Шваттке: милая, но слишком молодая и неопытная, я лично никогда не взял бы в свою команду сотрудницу из Реклингхаузена, но это ваше дело. Штенгеле: гиперчувствительный, слишком консервативен. Беккер: сверхточен, зациклен на данных. И наконец, вы, господин комиссар! Я не собираюсь шутить по поводу фамилии, но ваша охотничья добыча в этом случае слишком маленькая.

С сердечными приветам, до скорой встречи — ваш Штефан Л. (имя

преступником изменено).

P.S. На этот раз я прошу коротко подтвердить получение моего признательного письма. При отправке письма в бутылке никогда не знаешь, получится ли все. Для перестраховки я бросил по бутылке во все озера в окрестности.

Была как раз погода для купания, и берега озер были заполнены празднующимися, разгадывающими кроссворды и намазанными маслом обожателями солнца. Семьи с визжащими детьми лежали, развалившись, на разноцветных махровых полотенцах. Джессика как раз была таким ребенком, она вскочила вниз с покрывала с изображением из «Биби — маленькая колдунья» и побежала к берегу. Макнула палец в воду и замерла с открытым ртом. Она уже читала об этом, в приключенческих романах, но тут по воде как раз подплывала такая закупоренная бутылка с листочком бумаги внутри. Как бутылочная почта с острова на Тихом океане попала сюда в озеро Риссерзее? Джессика выловила бутылку и принесла ее своим родителям. Спустя десять минут вся семья стояла в полицейском участке.

Риссерзее, Пфлегерзее, Эйбзее, Бадерзее, Шмельцерзее, Ферхензее, Шахензее Штуйбензее — замечательно, в ближайшем окружении было около двадцати озер. Следственная группа Куница потратила пару часов на то, чтобы найти и собрать бутылки в других озерах. Получилась странная картина, когда вся комиссия по расследованию убийств взяла на прокат все лодки на Пфлегерзее, чтобы разделить на воде и высматривать остальные бутылки с почтой. Из газеты вся группа была известна. Для отдыхающих на озере это могло выглядеть так, как будто здесь искали утопленников, и ни один человек не шел больше купаться.

«А кто мне теперь за это заплатит?» — спросил владелец пляжа, когда и последний посетитель свернул свое полотенце и покинул территорию. Комиссар Еннервайн дал ему адрес баварского Министерства внутренних дел.

«Ответственный некий господин Майзер в отделе Репарационные платежи при побочных ущербах из-за работы полиции, — сказал Еннервайн. — Желаю успеха!»

— Я думаю, сейчас он совершил ошибку, — сказала Мария. — То, что мы сейчас имеем, это образцы почерка писем с одинаковым содержанием. Любой эксперт-почерковед облизывал бы пальчики.

— Почему это? — спросил Беккер, также критически относящийся к графологии.

— Благодаря большому количеству данных можно с большей вероятностью сказать, подделан ли почерк.

Мария передала по факсу копии образцов почерка двум международным корифеям по сравнению почерка. Через полчаса уже пришли ответы, один из Стенфордского университета, а другой из Сорбонны.

— И что? — спросила Николь, когда Мария прочла ответы.

— Интересно. Эксперты считают, что имеющиеся почерки не подделаны. Почти со стопроцентной вероятностью. Не говорите сейчас ничего, Штенгеле.

— Я ничего и не говорю. Но что это нам даст, Мария?

— За последние дни я собрала образцы почерков всех свидетелей, подозреваемых и

полуподозреваемых, всех, которые имеют хоть какое-то отношение к этому делу. Иногда я их выманивала хитростью: героического капитана пожарной команды Миргля я, например, попросила написать какое-нибудь изречение в альбом для стихов якобы моей племяннице. Другие образцы я получала прямо с доставкой на дом, как при сочинениях банды Раскольникова. У группы подозреваемых «стол постоянных посетителей вышедших на пенсию полицейских» были старые, написанные от руки протоколы, и — забудьте это сразу — в двух случаях я обратилась в банк и получила образцы.

— Ну и что из этого вышло?

— У меня на данный момент около пятидесяти образцов почерка, от главных и второстепенных фигур, от более или менее подозреваемых. И ни один из них даже близко не совпадает с почерком в признательных письмах. Ни один! Вы знаете, что это значит?

«К сожалению, это значит, что мы не можем завязать мешок. Что наш Куница находится где-то за пределами и без того уже большого круга подозреваемых».

Еннервайн массировал свои лобные доли известным способом. У него было совершенно определенное чувство, что преступник находился внутри круга. Они все считали, что они его уже видели, слышали, разговаривали с ним и, возможно, даже пожимали ему руку. Они были твердо убеждены в том, что петля в скором времени будет затянута. Особенно уверен был в этом комиссар Еннервайн. Все простились подавленно.

Еннервайн попросил Марию отвезти его в гостиницу «Эдельвейс». Он коротко простился и пошел в свой номер. Он не мог избавиться от неопределенного чувства угрозы. Лазерный след он тоже не мог как следует отслеживать дальше. У него просто не хватало сотрудников, чтобы обыскать все балконы в гостиницах и террасы гостевых домиков, откуда можно было обстрелять Сёренсена таким прибором. Он выключил свет.

Посреди ночи Еннервайн внезапно проснулся от испуга. Где-то в номере можно было слышать шум, который сюда никак не подходил. Он уже не помнил, что ему приснилось, но это не было связано с какой-то угрозой, шум ему не снился, он раздался здесь в комнате, кажется, шел от изножия кровати. Не раздумывая, он схватил свое служебное оружие, лежавшее на тумбочке. Поискал его ощупью в темноте, он знал, где оно лежало, и наконец нашел и взял. В номере было совершенно темно, только одно окно было открыто, белая гардина немного вздулась от ветра. Его комната была на первом этаже.

«Кто осмелится залезть к комиссару уголовной полиции!» — пошутил он еще с дамой у регистрационной стойки.

Он попытался дать глазам привыкнуть к темноте. Никакого шанса, ему нужно было полагаться на слух. Правая рука лежала на тумбочке, пальцы ладони крепко сжимали пистолет. При следующем шуме он направит его туда, откуда слышал шум. Одновременно другой рукой включит лампу на тумбочке. Или ему следует сделать и то и другое уже сейчас, чтобы опередить на шаг незваного гостя? Прошло немного времени, после того как он слышал шум, может быть, полминуты. Еннервайн сейчас полностью проснулся. Он попытался подумать о том, что это был за шум. Этот звук он в последние дни уже как-то слышал. Когда он его слышал? Сегодня? Нет: вчера, во время поездки на местном автобусе. Что он тогда слышал? Что он тогда делал? О Господи.

Еннервайн расслабился, снял руку с пистолета и включил лампочку на тумбочке. Он подошел к краю кровати, где висел его пиджак. Он достал мобильный телефон и набрал

номер Николь.

— Да, шеф.

— Вы мне только что звонили?

— Да, я сразу же после первого звонка отключилась. Потому что уже поздно. Я вам помешала?

— Нет, это потому, что вчера я загрузил новую мелодию звонка — и он еще непривычный. Есть что-нибудь важное?

— Я вам правда не помешала? У вас такой голос...

— Разве?

— Ладно, хватит. Мы сделали логическую ошибку, вся команда. Это я хотела вам сказать.

— Логическую ошибку? Можете перейти к делу? Сейчас уже полночь.

— Мария уверена, что почерк Куницы *не* поддельный. Она собрала пятьдесят образцов почерков подозреваемых, которые *не* совпадают с почерком Куницы. Логический вывод из этого?

— Куницы нет среди пятидесяти подозреваемых.

— Неверно. Как раз это логическая ошибка. Мы как само собой разумеющееся исходили из того, что он пишет признательные письма измененным почерком. Но могло быть иначе. Рукописное сейчас играет только второстепенную роль — когда вы последний раз писали сообщение или письмо от руки! Если Куница уже давно спланировал эти покушения, то он наверняка хорошо подготовился. Мария считает, что он ведет себя как большой ребенок. Может быть, он в повседневной жизни уже много месяцев как изменил свой почерк. Поэтому он мог позволить себе писать признательные письма своим обычным почерком.

— Почему он должен был так делать?

— Для того чтобы наши эксперты-почерковеды обломали себе на этом зубы.

— Я понимаю. Тогда нам нужно проверить, нет ли среди тех образцов почерков, которые собрала Мария, поддельных почерков?

— Точно, шеф.

— Хорошо сделала, Николь.

— Да, и еще одно, шеф: что это за новый звонок?

— Это фраза из моего любимого фильма. Спокойной ночи и до завтра.

В то же самое время в кафе «Оксенштюберль» еще кое-что происходило. За одним из задних столиков играли в карты, несколько игроков тупо бормотали что-то себе под нос, один выложил на стол козырь, сразу после этого второй. Но они играли не в дурака, не в ваттен, они играли в свою загадочную игру. Ни одному из наблюдающих за игрой до сих пор не удалось разгадать правила. Может быть, это был баварский вариант древнеримской игры в карты, в которую два легионера играли тогда на Голгофе под крестом.

— Шмак! — сказал один из картежников и бросил свою карту в центр.

— У него шмак! Надо же, — пробормотал второй.

За другим столиком в «Оксенштюберль» было более шумно. За постоянным столом сидел, например, член совета общины Тони Харригль и ораторствовал.

— Полный хаос, скажу я вам. Если бы не Мигрль! Где бы мы сейчас были. Тогда все попало бы в международную прессу. С непредсказуемыми последствиями. Твое здоровье, Мигрль!

Он чокнулся с капитаном пожарной команды, тот слегка наклонился к нему.

— Но скажи-ка, Харригль, тебя я нигде не видел. Где ты был, когда шли поиски?

— Я был занят вне города. Это тоже неправильное решение этого комиссара Еннервайна. Отправить именно знающего местность человека на окраину! Но я принимал участие. Даже был в «Пиноккио».

— Итальянцы сейчас уже тоже продают белые сосиски?

— Со времени расширения ЕС итальянцы кладут все, что только можно, на свою пиццу! В «Пиноккио» подают пиццу с белыми шпикачками, и я вам скажу: мы конфисковали несколько штук.

В «Оксенштюберль» отравитель белой сосиски тематически вытеснил «Шахенского дьявола». Слесарь Большой как раз угощал всех.

— Потому что все опять благополучно закончилось с покушением.

— Ты это можешь говорить вслух, Волли!

Волли Большой был членом Объединения по сохранению национального костюма, и поэтому он, вместе с исполнителем баварского народного танца «Шуплаттлер» Кумпфзайтлем был распределен на первую линию покушения.

— Я иду с Кумпфзайтлем в мясной магазин «Брекль». В задней комнате в котле варятся двести сосисок. «Уничтожить! Уничтожить! — закричал я, — немедленно все уничтожить!» И тут Кумпфзайтль хладнокровно достает одну сосиску и ест ее. «Ты не в своем уме!» — закричал я. Наверняка это не будет отравленная, сказал он, Кумпфзайтль. Тут натерпишься разного в таком рейде при чрезвычайном происшествии! Свят, свят!

Рядом со слесарем сидел сельский медиатор и специалист по исследованию конфликтных ситуаций Манфред Пенк.

— Что ты, как ученый, скажешь на это? — спросил его стекольщик Пребстль. От сверхумного образованного человека ожидали, чтобы он это прокомментировал. Пенк отхлебнул пива и сказал:

— Я знаю ее лично, Марию Шмальфус, еще со студенческих лет. Встретил ее здесь случайно. Она мне рассказала, что сейчас работает в полиции. Это очень типично: те, кто в

учебе не особенно разрываются, те идут потом в полицию. Полиция — это сборище...

Пинк как раз хотел сейчас, что было в духе общественного мнения, подвести психологическое обоснование, пройти по полиции, но тут вошел Вилли Ангерер со своей новой помощницей лесничего и сел за стол.

— Ангерер, а ты где был? — спросил Харригль.

— Когда я где-то должен был быть?

— Да ты ведь знаешь.

— Ничего я не знаю.

— Ничего ты не знаешь. Так.

Бургомистр тоже заглянул на минутку.

— Только ненадолго, — сказал он. — Мне нужно завтра рано уезжать, интервью, поэтому только маленькую кружку светлого пива. Мигрль, как дела с Крайтмайер? Ты какие-нибудь подробности знаешь?

— А Кумпфзайтль хладнокровно достает одну сосиску и ест ее, — сказал Волли Большой, тяжело шевеля языком.

— Нет, я этого не знаю, — сказал капитан пожарной команды Мигрль. — Запрет информации. Из больницы ничего не узнаешь.

— Ага, запрет информации, смотри-ка! — воскликнул Манфред Пенк. — Мы все должны поддерживать полицию, для этого мы достаточно хороши. Но когда хотим знать, как чувствует себя жертва, то они обращаются с нами как с последними дураками.

— Запрет информации да, но как бы то ни было кое-что все же просочилось, — сказал аптекарь Влашек, который переводил с чешского, второй человек с образованием за столом. — В сосиске был ботулин. Ботулин. Так называется яд.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Пенк.

— Связи, — подмигнул Влашек. — Ужасная эта штука. Последствия даже невозможно описать. Начинается с покашливания, когда все пристают, что ты так кашляешь. Потом это переходит в подергивание, легкое подергивание...

— А у тебя найдется пара граммов этого ботулина в твоей аптеке? — перебил его Вилли Ангерер.

— Конечно, — сказал Влашек, — у нас все найдется, любая мелочь, если вы это имели в виду.

Разговор вертелся не вокруг него, и это Харриглю не нравилось.

— Я проводил, так сказать, *embedded operation*, — сказал он так громко, что все сидящие за столом повернулись к нему.

— Что ты делал? — спросил священник, который после вечерней службы любил зайти выпить кружку пива.

— Уничтожить! Уничтожить! — кричал я, а Кумпфзайтль хладнокровно жрет сосиску, — лепетал Волли Большой.

— Пользуясь случаем, немного последил за работой полиции, — продолжил Харригль. — И я скажу вам, об организации там вообще говорить нечего. Они спотыкались, как новички. Одного моего слова было бы достаточно, только один звонок в баварское Министерство внутренних дел...

— Ну ладно, хватит, — сказал капитан пожарной команды Мигрль. — Еннервайн подходящий человек. И его люди тоже. Дайте ему спокойно работать.

— Верно, — сказал аптекарь Влашек и поднял свою кружку. — Каждый делает свою

работу. Я мешаю свой ботулин, а комиссар гоняется за своим убийцей!

После двенадцати он часто переходил на чешский, этот Влашек.

— Да, защищайте их, этих чиновников! — С этими словами Тони Харригль поднялся. — Одного-единственного звонка было бы достаточно, — бормотал он, когда проходил, шатаясь, мимо стола с молчаливыми игроками в карты.

Некоторое время спустя старушка с двумя пластиковыми пакетами шла теплой, безлюдной ночью по курорту. Она торопилась, насколько это было возможно в ее возрасте. Некоторые полуночники качали головой, видя эту странную старушку, и отпускали ей вслед шуточки. Она улыбалась и не обращала на это внимания. Но потом остановилась и стряхнула пару седых прядей волос с лица. Впереди, в конце поднимающейся вверх улицы показался старый, обшитый деревом дом, большая вывеска со старомодной надписью «пансионат „Альпийская роза“» гордо выделялась на фоне ночного неба. Горела одна лампа, наверху в комнате директрисы. Маргарете Шобер наверняка опять получила новую порцию любовных романов. Старушка приблизилась к дому, замедлила шаг и внимательно осмотрелась. Несколько минут она стояла неподвижно и рассматривала фасад дома. Она здесь живет? Когда фигурка в помятом платке свернула за угол дома, то показалось, что это так и есть. Но за домом она ловко наклонилась и бросила камешек в окно на втором этаже. Старушка с удивительной ловкостью поднялась на штабель дров, спрыгнула оттуда на низенький сарай, который находится под прикрытием раскидистого бука, затем перебралась дальше по пожарной лестнице до узкого балкона. На втором этаже открылось окно, старушка перескочила как кошка на подоконник и проникла внутрь.

Фрау Шобер уже была на сорок шестой странице романа «Сердца горят только по воскресеньям», Вонг попытался подавить зевоту, а Шан сказала недовольным заспанным голосом:

— И что? Разузнал что-нибудь?

— Кое-что, — сказал Свобода, снимая искусственный нос и платок с головы. — В одном вам нужно отдать справедливость, квартира, которую вы здесь нашли, просто великолепная. За всю мою карьеру я не видел операционной базы, в которую можно войти совершенно незаметно и снова выйти.

— Но что он выяснил, господин решальщик проблем?

Можно только удивляться, как быстро Карл Свобода снова превратился в нормального, неприметного мужчину средних лет. То, что составляло старушку, лежало в двух пластиковых пакетах. У Свободы всегда с собой были реквизиты для превращения. Если бы что-то пошло не так во время его рейда по городку, то в туалете или в соседней комнате он моментально мог бы превратиться в другую фигуру. Пару раз такой пластиковый пакетик уже спасал ему жизнь.

— Я узнал кое-что интересное, — сказал Свобода. — Сочувствуют одной старой женщине, поэтому ей кое-что рассказывают. Знали вы, например, что Якоб Швиппингер перед своей женой, Кристиной Швиппингер, делает вид, что у него есть любовница, в действительности же он идет на рыбалку?

Шан вздохнула:

— Нет, мы этого не знали. Для нас это важно?

— Это просто был пример того, что можно узнать. Итак, короче говоря: этот Тони Харригль, местный политик, которого я вначале подозревал, он к покушениям не имеет никакого отношения, это я могу сказать с абсолютной уверенностью.

— Ах, так?

Шан и Вонг делали свои привычные утренние упражнения тай-чи. Шан как раз

выполняла упражнение *Лев прыгает через горящий куст*, Вонг пытался сделать трудное упражнение *Течение без цели*.

— Единственное, что действительно интересует людей, — продолжил Свобода, — это внимание других людей. Харригль один их тех, кто так или иначе находится в центре внимания, ему такие фокусы не нужны. Наш человек должен быть кто-то из второго ряда, но он хочет попасть в первый. Именно такого мы должны искать и никакого другого.

Доктор Мария Шмальфус была бы в восторге от четко сформулированного Свободой психоанализа. Вонг кивнул, не прекращая свое упражнение. Шан заняла позу *Трясунки*.

— А как обстоят дела с бургомистром?

— У такого бургомистра заполненный, официально запрототолированный график. Когда ему еще можно незаметно сходить на Шахен — между двумя телевизионными интервью? И где ему взять ботулин — в аптеке на рынке?

— Может быть, у бургомистра есть помощник?

— Нет, я совершенно уверен, что этот покушавшийся работает в одиночку. Он хочет все для себя.

На улице уже светало, первые птички зачирикали, надвигался причудливый восход солнца, когда фрау Маргарете Шобер захлопнула книгу прямо посреди разгорающейся любовной сцены и приняла решение. Приготовление завтрака она должна начать только через полчаса. Сейчас или никогда. Она спустилась вниз на второй этаж и тихонько постучала в дверь гостей, которые при регистрации выдали себя за малайских коммерсантов, приехавших в отпуск покататься на лыжах.

Внутри в комнате уже не реагировали так лихорадочно, как последний раз. Они узнали фрау Шобер по стуку. Хорошо, Свобода, естественно, убрался в соседнюю комнату, но Вонг не стал хвататься за свой стилет, и Шан уже не кралась к двери, а поплелась неспеша.

— Извините, что так рано вас беспокою, — сказала фрау Шобер, когда Шан ей открыла, — но я заметила, что вы уже проснулись. Я хотела с вами кое-что обсудить.

Разумеется, при этом она продемонстрировала *Поклон голубой ели* в три четверти. Когда она снова выпрямилась, она глянула в комнату в сторону Вонга, который стоял у окна и делал упражнение *Обезьяна удивляется падающему снегу*.

— С морозильным шкафом что-то не в порядке? — спросила Шан. — Мы постарались его вымыть, насколько это было возможно.

— Нет, с морозильным шкафом все нормально. Есть что-то другое.

Фрау Шобер колебалась. Шан пригласила ее войти. Когда директриса сидела на диване, ее глаза блуждали между Шан и Вонгом туда и обратно.

— Я считаю, вы действительно хорошие гости. Вы платите за проживание вперед, меня вообще не касается, почему вы вначале собирались остаться на неделю, а теперь живете здесь уже несколько месяцев. Я никогда не спрашивала, куда девался серьезного вида молодой человек, который жил здесь тоже вначале. Мне тоже нет никакого дела до того, что вы за это время нашли другого друга.

Шан и Вонг взглянули на нее. Заметила фрау Шобер Свободу? Разгадала она его невероятные трюки с переодеванием и маскировкой?

— Что вы имеете в виду? — спросила Шан. — Мы ничего не знаем, о чем вы говорите.

— Я имею в виду этого другого господина, который не китаец и который любит носить парики. Хорошо, и это меня не касается. Если кому-то нравится носить парики и женскую одежду, пусть носит. Но тут совсем другое дело. Я могла бы вам многое рассказать о наших

гостях! О господине министриальдиректоре Време и его супруге, например. Какие у них пристрастия! С вашим другом это еще безобидно. Но я прошу вас быть скромнее. Репутация моего заведения...

— Вы, наверное, ошибаетесь. Мы никого не знаем, к кому относится ваше описание.

Директриса встала и проделала несколько раз, пятясь назад, *Поклон голубой ели*.

— Конечно, нет. Не буду вам больше мешать. Частная жизнь моих гостей для меня табу, поверьте мне. Женская одежда или нет. Но поскольку я уже здесь, как вам сделать яйца на завтрак? Полторы минуты?

— Конечно. Как всегда. И столик у окна.

После того как фрау Шобер ушла, все были вначале в полной растерянности. Никто не ожидал опасности с этой стороны. Карл Свобода вышел из соседней комнаты.

— Глаза, — сказал он. — Она меня узнала по глазам.

— Постепенно господин решальщик проблем сам становится проблемой, — сказала Шан.

— Цыц! — сказал Свобода. — Фрау Шобер одна из тех, кто смотрит на глаза. Такое встречается редко. Большинство смотрят на то, что им показывают. Им задают стереотип, и они воспринимают стереотип. Они соблазняются внешним видом и не замечают деталей. А эту фрау Шобер я недооценил. Она смотрела мне в глаза! Правда, удивительно.

Шан закончила свои упражнения тай-чи и расслабилась. Из расслабленной позы она сказала резким тоном:

— Мне не нравится, когда непредсказуемые факторы берут верх. А что с врачом, от которого мы с большим трудом избавились? Какой имело смысл неделями придумывать трудоемкую легенду, подделывать документы, переводить деньги, если этот комиссар Еннервайн не найдет лазерное ружье!

— Почему он его не нашел, я тоже не могу объяснить. Иногда что-то действительно не ладится.

— У господина решальщика постепенно тоже многое не получается.

— Можете говорить сколько угодно. Я могу в любое время уехать. Тогда ничего не получится с Чаоянем-2018. И тогда у вас обоих действительно будет проблема. Очень опасная для жизни проблема.

— Успокойтесь.

— Ну ладно, хорошо. Раз мы не сможем свалить на доктора Штайнхофера новогоднее покушение, тогда мы должны свалить его на кого-то другого. И у меня твердое чувство, что это будет Симулянт. Но для этого нам нужно его сначала поймать, друзья.

Шан и Вонг согласились и стали терпеливо слушать.

— У меня этот парень, этот Симулянт, прямо перед глазами. Перед глазами — это не совсем верное выражение — я не знаю, как он выглядит, но я знаю, как он устроен. Он местный, в этом я уверен. Сейчас мне нужен кто-то, кто знает всех жителей поселка назубок. Мне нужен кто-то, кому я покажу мое представление, мой силуэт, и тот мне тогда скажет: Да, так как ты его описываешь, это может быть тот-то или тот-то.

— И кто это должен быть?

Карл Свобода знал, кто это мог быть. Или вернее сказать: какие два человека это могли быть.

Обермейстер полиции Остлер, которого все еще не отпускал стыд за исписанную витрину перед полицейским участком, заговорил более резким тоном.

— А позвонить нам вам не пришло в голову?

Водитель местного автобуса смущенно вертел в руках свою форменную фуражку. С одной стороны, он испытывал уважение к Остлеру, а с другой стороны, не чувствовал за собой вины:

— Как раз, когда такой входит в автобус, ты ведь не думаешь, что с ним что-то не в порядке. Я просто подумал, что он, может быть, хочет посмотреть немного наш красивый городок.

— Пять раз подряд? И все время один и тот же маршрут?

— Я подумал, что это арабский турист, который дома знает только песок и верблюдов, может быть, он завтра улетаёт домой и поэтому сегодня хочет хорошо запомнить прекрасный зелёный ландшафт в Верденфельской долине.

— Да, конечно, и тут он увидел впереди в водительской кабине самого большого верблюда! А вы не обратили внимания, что, может быть, ваш пассажир находился под воздействием наркотиков?

— Да, он был немного под кайфом, когда я к нему подошёл. Но я подумал, такие арабы, им, как известно, дома не разрешается пить. И может быть, в свой последний день в Баварии выпил уже пару кружек, чтобы более расслабленно полюбоваться на Верденфельский пейзаж.

— А вы хотя бы видели того, кто затащил его в ваш автобус?

— Да, в зеркале заднего вида, но только смутно.

— Вы можете его описать?

— Я водитель местного автобуса, а не частный детектив.

— Какие-нибудь отправные точки? Женщина? Мужчина? Черный? Белый? Большой? Маленький?

— Ну да, что значит большой, что значит маленький? Это все относительно. У него такая средняя фигура.

— Ну, привет. Это была средняя фигура. Черт возьми! Я тоже пойду в водители. Здесь проще.

Иоганн Остлер вырвал листок из пишущей машинки и подал его водителю автобуса, чтобы тот подписал.

— Да, вы должны меня тоже понять, — мямлил водитель автобуса, после того как он подписал бумагу. — Я это говорю сейчас не для протокола. Приходит араб, и он что-то выпил. А я ведь не могу подойти и сказать: Эй вы, выходите, вы кажетесь мне как-то подозрительным. А потом он нажалуется на меня из-за дискриминации. Да, согласен: я, конечно, тайком смотрел, будучи служащим на государственной службе, в то место, где обычно пояс со взрывчаткой, но я ведь не мог сказать: Пожалуйста, поднимите куртку! Это у вас живот или это пояс со взрывчаткой? Ага, спасибо, все в порядке. Следующая остановка Фархант. И как вы думаете, что завтра будет написано в газете! И моментально накажут переводом в Нюрнберг! Итак, я снова сел за руль, пять раз проехал по маршруту, потом был конец работы. И вот я у вас.

— Хорошо, я записал ваше показание. И пожалуйста, быстрее уберите отсюда свой автобус. Он закрывает нам всю парковку.

Водитель местного автобуса ушел, ругаясь. Судя по виду, этот несчастный, прислонившийся в стене, мог действительно быть арабом, но установить данные личности было невозможно. Мужчина был полностью дезориентирован и говорить с ним было невозможно. Остлер и вызванный Холльайзен осторожно проверили его карманы. Незнакомец терпеливо снес это, но они не нашли никакого удостоверения личности. Они усадили его на деревянную скамейку. Там обычно сидели нарушители парковки, которые хотели узнать, куда оттащили их машину, и что они отошли только на две минуты, собственно даже на несколько секунд. Предполагаемый араб продолжал молчать, казалось, что он находится в другом мире. Его глаза иногда так расширялись, как будто он видит что-то удивительное и сверхъестественное, иногда веки опускались, как будто он засыпает.

— Наверное, нам нужно вызвать врача, — сказал Холльайзен. — Я полагаю, он выпил больше, чем пару кружек пива. Ты уже позвонил шефу?

— Он уже едет.

— А Николь? Она рассказывала мне, что она в Реклингхаузене посещала курсы арабского в Центре образования взрослых.

— Она тоже уже едет.

— Розебуд, — вдруг произнес мужчина на скамейке громко и отчетливо.

— Что вы сказали? — Оба полицейских повернулись к нему.

— Розебуд. Позвоните один-четыре-один-три.

— Это не арабский, — сказал Остлер. — Это английский. Номер американского гарнизона.

— Мы позвоним туда.

— Хорошая идея.

Между звонком Остлера в Центр Маршалла и произнесенным словечком «Розебуд» и оглушительным визгом колес перед полицейским постом не прошло и пяти минут. Джип въехал резко в ворота так, как никто не осмеливался врываться. Выскочили два американских военных полицейских, они что-то прокричали в переносный радиотелефон и с громким топотом ворвались в участок. Остлер и Холльайзен, оба не из пугливых, все же немного опешили, когда они увидели врывающихся в комнату громил. Настоящие парни армии США, ростом под два метра двадцать, по совместительству, наверное, еще игроки в баскетбольном клубе НБА, щелкнули каблуками, поприветствовали Остлера и Холльайзена почтительно по-военному и обрадованно показали на сидящего пассажира автобуса. Один из них схватил его, как само собой разумеющееся, на плечо, так, как взваливают на плечо спящего ребенка, и вынес его на улицу. Там они погрузили его в джип и собирались, корректно приветствуя по-военному, но не говоря ни слова, уехать.

Холльайзен и Остлер побежали за ними во двор.

— Извините, нам нужно еще оформить некоторые формальности...

Остлер не договорил. Он знал, что это было бесполезно. Перед тем как джип тронулся, из него вышел еще один мужчина, неприметный, небольшого роста мужчина в солнечных очках. Остлер знал его.

Не так лихо, но тоже шумно, въехали во двор Еннервайн и Мария.

— Что случилось? — спросил Эннервайн.

Остлер и Холльайзен коротко доложили о происшествии.

— Куница, четвертый, — сказала Мария. — Как он и объявил, никакого покушения на баварский символ, а нападение на, ну да, международную безопасность. То есть покушение. Но покушение, при котором он, может быть, ошибочно схватил не того?

— Я думаю, что он схватил как раз того, кого нужно, — сказал Остлер. — Наверняка это был очень важный тип.

— Вы представляете, кто это был?

Остлер показал через двор.

— Нет, но я имею представление, кто это мог бы быть.

Выглядевший усталым человек в солнечных очках, который ждал на углу, медленно пошел через автостоянку. Уже издали он поднял вверх свое удостоверение. Он шел целенаправленно к Эннервайну, как будто знал, кто здесь главный, а именно самый приметный в группе.

— Привет, — сказал он Эннервайну. — Вы наверняка здесь самый старший по должности.

— Что означает SIC? — спросил Эннервайн, после того как изучил документ усталого мужчины.

— Следственная группа уголовного расследования Армии США. Специальный отдел военной полиции. Чтобы быть кратким — забудьте все, что здесь только что произошло.

— Я баварский госслужащий, я так быстро не могу забыть.

— Мне достаточно только позвонить министру внутренних дел. Замечу, американскому министру внутренних дел. Или послу США, который как раз, постойте-ка, проводит отпуск в Бад-Тельце. Вы хотите такую чехарду? Проще будет, если вы забудете этого мужчину.

— Араба?

— Он не араб. Он американский гражданин. Я не выдам тайну, если скажу вам, что он очень важный американский гражданин. Поэтому он находится в нашей юрисдикции, а не вашей. Итак?

— У меня есть выбор?

— Нет, — сказал мужчина в солнечных очках. Он говорил на немецком без акцента. — У вас сейчас наверняка много других дел. А это дело не имеет никакого отношения к вашей работе.

— Откуда вам это знать?

— Я знаю. Я бы вам посоветовал забыть этот эпизод, забыть этот разговор, забыть меня. Эннервайн пожал плечами.

— Вот это мне нравится! — ругалась Мария, когда мужчина в солнечных очках ушел. — Мы не можем с этим просто так смириться.

— Успокойтесь, Мария, — возразил Эннервайн. — Я не намерен просто так с этим мириться. Я обращусь к шефу. И позвоню прокурору. Но это мы пока отложим. Нам в первую очередь нужно заниматься нашим делом.

— Я тоже так считаю, — сказал Холльайзен хитро. — Например, нам нужно заняться вот этим.

Он пошел к своему письменному столу, взял пинцет и поднял им вверх исписанный листок бумаги.

— Скажите, пожалуйста...

— Это я вытащил у незнакомца из кармана. Подумал, что за этим стоит Куница. И если американцам такое попадет в руки, то они никогда этого не отдадут. Мы знаем это по прежним случаям. Эти двое американских военных не оставили мне времени, чтобы сделать копию и вернуть оригинал...

— Хорошо, назовем это импровизированное обеспечение доказательств при чрезвычайных обстоятельствах.

Мария надела одноразовые перчатки, взяла письмо и начала читать.

Дорогой господин комиссар, дорогая команда!

Как у вас дела? Не правда ли, наш маленький городок стал важным международным местом? Некоторые курорты о таком могут только мечтать: русские отели на солнечных склонах, повсюду присутствие американских военных, уединенные арабские анклавы. И повсюду много денег, много служб безопасности, много телохранителей. Наш курорт как Женева, только более скалистый. На последней неделе я стоял в очереди в «Крусти» перед министром торговли Коста-Рики...

— Такое случается каждую неделю, ты хвастун, — бормотал Остлер, — нет причины хвастаться этим.

...Эй, Энрико! — сказал я, и он ответил на мое приветствие. В «Оксеништюбрль» ищут четвертого человека для игры в дурака, кто выразит готовность и поиграет с ними? Кондолиза Райс, которая свалилась как снег на голову, чтобы выпить пива...

— Кондолиза Райс? Он совсем рехнулся? — сказала Николь.

— Нет, нет, — сказал Остлер, — она здесь в центре Маршалла часто выступает с лекциями. И она прилично играет в дурака.

— Пожалуйста, читайте дальше, — сказал Еннервайн. — Время не терпит. Нам сегодня еще много предстоит сделать.

...Не всех знаешь из газеты. Чем они важнее, тем меньше видишь их в телевизоре. Но знаете ли, как их можно узнать? По их постоянно присутствующим телохранителям...

— Люди, которые настолько важны, что даже нельзя узнать, что они были похищены, — сказал Еннервайн задумчиво. — Что он планирует? Вначале он устраивает покушение с большим общественным шумом вокруг него. А теперь какое-то тайное зашифрованное дело.

...Я мог бы схватить и министра иностранных дел Катара, или иранского торгового атташе. Но шумиха, которая бы потом поднялась, превратила бы их в абсолютный объект насмешек. Вы мне кажетесь симпатичными, дорогая команда Еннервайна, я не хочу вас уничтожить...

— Да, большое спасибо, мы чрезвычайно рады этому, — сказал Холльайзен раздраженно. — А теперь он еще обращается к нам на *ты*. Невероятно!

— Это его манера, открываться нам эмоционально.

— Да плевать я хотел на это.

— Дальше, — сказал Еннервайн.

...Что требуется для покушения? Ничего, кроме маленького мешочка с песком (человек теряет сознание) и 0,2-миллилитра укол мусцимола (делает безвольным). Где хорошие места для покушения? Я бы сказал: на тропе к Крамерплато и на Философской тропе просто кишмя кишит суперважными персонами и их телохранителями. Их сразу можно узнать, безмозглых горилл, которые маскируются под прогуливающих. Ни один человек так не смотрит на лес, как эти типы. Я в лесу как дома. Я свалюсь с деревьев как клещ на дикого кабана...

— Он избил телохранителя? Но это ведь подготовленные специалисты.

...Я посылаю вам подтверждение моего искусства с местным автобусом.

До скорой встречи, с наилучшими приветами — ваш похититель.

Мария свернула листок.

— Как клещ на дикого кабана, так, так.

— Он снова показал свою власть. С точки зрения меры наказания это самое тяжкое покушение. Незаконное лишение свободы, похищение, насильственный увоз...

— Мартини с водкой мешать, но не взбалтывать, — бросил Джеймс Бонд небрежно. Все посмотрели озадаченно. Еннервайн слегка покраснел и быстро схватился за свой мобильник.

— Прекрасная мелодия, — захихикала Николь.

— Да, Беккер? Замечательная! — воскликнул Еннервайн. — Мы сейчас придем.

— А в чем дело?

— Беккер нашел номер в отеле, из которого предположительно был обстрелян Сёренсен при новогодних соревнованиях по прыжкам. Холльайзен, пойдете с нами, вы знаете, где находится этот отель. Остлер, остаётся здесь на дежурстве. На случай, если вдруг опять проедет местный автобус и доставит заблудившегося американца.

— Беккер, Беккер, что бы мы делали без вас! — польстила Мария в фойе отеля «Оазис здоровья Вальтрауд», предлагающем оздоровительные программы. Навязчиво пахло хлорной водой из бассейна и настоями из сауны, к тому же всем сотрудникам было приказано сердечно приветствовать всех гостей по любому возможному случаю словами:

Griafß God! Kammahoiffn? (Бог в помощь!..)

— Бог в помощь! Спасибо, — пыталась ответить Николь Шваттке по-баварски.

— Забудьте это, — сказал Штенгеле.

Беккер повел группу по запутанным коридорам отеля. Владелица гостиницы Вальтрауд плелась следом, она была не в восторге от интереса полиции к ее «Оазису здоровья».

— Наверняка он стрелял отсюда, — сказал Беккер, когда они вошли в номер отеля, — я в этом почти уверен.

Номером полностью завладели криминалисты с кисточкой, обстукивающие все, фотографии и ненормальные компьютерщики. Вальтрауд вздыхала.

— Почему вы так уверены? — спросила Николь.

— Я вначале отбросил тезис о перенаправленном луче и предположил прямой обстрел. Исходя из этого предположения, мы еще раз проанализировали телевизионные кадры. По реакции Оге, по движению, которое делает его нога, мы вычислили территорию, откуда мог быть генерирован лазерный луч. Нам удалось достаточно сузить участок, но все еще оставалось множество отелей и пансионатов, куда нам пришлось обращаться. Наконец мы установили, что выстрел был произведен в этом помещении.

Еннервайн подошел к окну. Отсюда наверняка можно было наблюдать за прыжками на лыжах невооруженным глазом. Прекрасное место, где мог стоять любитель прыжков на лыжах.

— А почему вы в этом так уверены? — спросил он.

Беккер сделал такое лицо, будто ему пришлось начинать все издалека.

— Объясните нам, пожалуйста, так, чтобы мы поняли, — сказал Еннервайн.

— Хорошо, я попытаюсь. Расход энергии на лазерный луч, которую должен был произвести стрелок, чтобы достать до трамплина, оставляет следы. Вы все знаете, что при производстве лазерных лучей речь идет о процессах квантовой механики, ну хорошо, ладно. Требуется жидкость или газ, чтобы преобразовать медленные световые лучи в быстрые лазерные лучи. Это называется «накачка». Различные виды лазеров известны, кстати, по этим веществам. Гелий-кадмиевый лазер, лазер с парами металла, аргон-криптоновый лазер. Все вещества можно обнаружить даже спустя несколько недель. И даже месяцев.

— Мы регулярно убираем наши номера, — сказала фрау Вальтрауд оскорбленно.

— К уборке это не имеет никакого отношения. Чем больше вы убираете, тем больше указаний вы даете криминалистам, где им нужно искать, — сказал Беккер.

— А что вы нашли здесь в комнате?

— Мы здесь нашли концентрацию частичек иттербия. Это тот элемент, который применяется исключительно для производства лазера.

— А сейчас совсем дурацкий вопрос, — сказала Николь Шваттке. — Почему вы искали комнату в отеле? Почему луч не мог быть выпущен из частной квартиры?

— Собственно по той же причине. Кто-то, кто хорошо разбирается в лазерах, знает, что при этом действии он оставляет следы. Я бы не стал выпускать лазерную пушку из собственной квартиры. Я, как наш Куница, снял бы комнату в отеле на один день, а потом бы снова исчез.

Все кроме Вальтрауд довольно кивнули. Все немного гордились Беккером.

— Снимаю шляпу! — сказал Штенгеле и изобразил поклон, что при его костлявой фигуре выглядело несколько гротескно.

— Это еще не все, — продолжил шеф экспертов-криминалистов. — Дама на регистрации просмотрела список гостей в компьютере. Она смогла вспомнить о госте в этой комнате потому, что он заселился в предновогоднюю ночь, а днем на Новый год снова выписался. Это для туриста необычно.

— Очень необычно, — сказала Вальтрауд. — Именно в Новый год у нас на курорте многое предлагается. И мы здесь в отеле «Оазис здоровья Вальтрауд»...

— Вы уже пригласили рисовальщика...

— Конечно, мы его сразу же привели и заставили его сразу же изобразить на компьютере фоторобот. По данным дамы из регистратуры, *это* наш человек.

Торжествуя, Беккер поднял вверх компьютерную распечатку, чтобы все могли ее видеть. У Еннервайна и его команды на лице было написано разочарование.

— Но это же...

— Этого человека нет у нас в нашем списке!

Человек на фотороботе не был ни Вилли Ангерером, ни Тони Харриглем, ни бургомистром, ни госпожой старшей преподавательницей, и ни одним из ее учеников, это вообще не был подозреваемый, которого они наметили. И очевидно также, что это не был коренной житель. Это был мрачного вида мужчина, который не мог отрицать свое дальневосточное происхождение.

— Азиат! — воскликнул Штенгеле растерянно.

Азиата они до сих пор в свои расчеты не принимали. Они молча смотрели друг на друга.

— Хорошо поработал, Беккер. Мы задержимся здесь еще на некоторое время. Сделаем несколько экспериментальных выстрелов, на этот раз лазерной пушкой. Только чтобы удостовериться, что наши теории правильные.

Дверь открылась, несколько техников вкатили большой чудовищный аппарат и поставили его у окна. Фрау Вальтрауд недоверчиво осматривала чудовище.

— Это лазерный аппарат с электрогенератором.

Беккер соединил несколько черных блестящих похожих на трубочки деталей.

— А это уже непосредственно лазерное ружье. Оно ужасно колется, боль можно сравнить со средним ударом тока. Я уже попробовал на себе — чего только не сделаешь для раскрытия преступления.

Все смотрели как на трамплине, на котором все началось, готовилась к прыжку хорошо известная фигура. Ее красную шапку-ушанку можно было различить издалека. Гизела снова была в деле. Команда собралась внизу в пустом лобби отеля. Подслушивания можно было не опасаться, поэтому рискнули провести совещание. Комиссар казался предприимчивым и готовым к наступлению.

— Итак, это азиат, наш Куница. Вечером перед Новым годом он сюда заселяется, чтобы в день Нового года устроить здесь большую суматоху. Но почему?

— Потому что он наслаждается катастрофой, как Нерон горящим Римом? — предложила Николь.

— Это может быть одна из вероятностей, она подошла бы к другим покушениям и к признательным письмам. Но я попытался найти другую причину. Куница провоцирует в Новый год сенсационное представление, потому что он хочет отвлечь от чего-то другого. И он инсценирует еще пару покушений, и опять, потому что хочет отвлечь от новогоднего покушения.

— Новогоднее покушение должно было отвлечь от чего-то другого? — спросил Штенгеле с сомнением. — От другого покушения?

— Может быть, — ответил Еннервайн. — Прыжки в новогодние праздники привлекают большое общественное внимание. Сюда съезжается много видных деятелей. И с этими видными деятелями Куница хочет сделать что-то нехорошее. Я предполагаю шантаж, иначе мы бы об этом слышали. Куница устраивает грандиозный спектакль, который отвлекает всех, в том числе и телохранителей. А потом принимается за авторитетную личность.

— Возражаю, — сказала Мария. — Тот бы пошел в полицию. Скажем так, приехала Мадонна, и она должна быть подвергнута шантажу...

— Но я не говорю о Мадонне. Я говорю о ком-то, кто вообще не заинтересован в том, чтобы стать достоянием гласности. Не обычная поп-знаменитость и не какой-нибудь правительственный чиновник, а тот, кто действительно что-то решает. Один из многих людей, которые обладают реальной властью, реальным влиянием, держит в своих руках нити управления, которые не показываются публично. Я пришел к этой мысли на основе сегодняшнего письма Куницы. В нем он говорит о тех, кто действительно имеет право принятия решений.

Он достал из кармана копию и прочел:

Чем важнее они, тем меньше видишь их в телевизоре. Но знаете ли, как их можно узнать? По их постоянно присутствующим телохранителям...

— Мы знаем, что известные в стране VIP-персоны находились на так называемой VIP-террасе. Для того чтобы схватить кого-то оттуда, достаточно небольшого отвлечения. Но наш Куница понес стократные затраты — сложная лазерная аппаратура в гостиничном номере, трудоемкие последующие покушения с необычными методами коммуникации. По моей оценке нужно несколько месяцев, чтобы подготовить такое — если ты один, из чего я исхожу. Но такие затраты оправдывают себя, если иметь в виду объект самого высокого уровня.

— У вас есть для этого сценарий? — спросила Николь.

— Конечно. Куница стреляет из гостиничного номера в Сёренсена, затем спускается вниз к трамплину, знает, где найти важную персону. Телохранители отвлечены суматохой и беспокоятся о другом. Кроме того, важная персона не киноактер, который известен всем. Он, пожалуй, чтобы привести пример, который мне пришел в голову...

— ...член жюри по присуждению Нобелевской премии? — предложила Николь.

— Да, точно, из этой категории. Так как все всполошились, то Куница может приблизиться к видному деятелю. Он совершает с ним какое-то действие. Потом выходит, разбирает свой лазерный аппарат и устраивается где-то в другом месте на курорте. Чтобы скрыть, что речь шла о чем-то большом, денежном, с далеко идущими планами, он

совершает еще несколько кровавых покушений, дает работу местной полиции, представляет себя эгоистичным фантазером, криминальным снобом, который даже может себе позволить работать с неподдельным почерком. Потом бесследно исчезает.

— И это все сделал один-единственный человек? — сказал Штенгеле с сомнением.

— С необходимой подготовкой многое можно сделать одному, — ответил Эннервайн.

— Сергей Нечаев, — вступила в разговор Мария. — Русский анархист. Пока его в 1902 году не схватили, царская полиция предполагала, что действует группа из десятка человек по крайней мере. И как велико было удивление — и не меньше насмешки населения, — когда выяснилось, что это был всего лишь одиночка. Ведший расследование комиссар полиции был властями наказан строже, чем террорист.

— Я понимаю намек, — сказал Эннервайн улыбаясь. — Итак, нам нужен...

— ...список важных персон, которые были здесь на Новый год, возможно, инкогнито. Предполагаю, это будет трудно сделать.

— Трудно, это не то слово, — сказал Холльайзен. — Это, в сущности, невозможно, так как я не имею понятия, у кого мог бы быть такой список. Во всяком случае, не у официальных инстанций. Эти важные персоны, альфы, как они их называют, находились в VIP-ложе, которая укрыта в нижнем отделе судейской вышки. Подъезд к ней скрыт, подъезжают через лесок, улица находится под усиленной охраной.

— Но местные службы безопасности...

— Это больше не имеет отношения к местным службам безопасности. Многие видные персоны находятся здесь инкогнито, дабы избавить местную полицию от чрезмерных затрат на обеспечение безопасности. К примеру, действительно только как пример, что американский президент захотел бы посмотреть новогодние соревнования по прыжкам с трамплина на лыжах. То пришлось бы эвакуировать целые кварталы в поселке, разрешить демонстрации, построить целый городок для прессы, стянуть большие силы полицейских — все это не способствовало бы свободной обстановке на таких мероприятиях. Для этого и существует VIP-ложе. Здесь как раз и возвращаются важные персоны.

— Но бургомистр — хозяин этого мероприятия.

— И бургомистр не имеет никакого влияния на VIP-ложу. Его можно найти наверху на VIP-террасе. У Розы Миттермайер и Михаэля Шумахера.

— Вы сами уже там когда-нибудь были, Холльайзен? — спросила Мария.

— Да, давно, когда как раз закончилось строительство трамплина. Тогда мелкому сельскому полицейскому позволили туда войти. Это просторное помещение, в котором примерно могут поместиться около ста человек. Но с тех пор я там не был.

— Итак, нет никакого шанса узнать, кто там тусовался? Никакого отдельного списка гостей, поданного Федеральной разведывательной службой или, как это называлось, Специальным отделом военной полиции США?

Холльайзен улыбнулся:

— Я вижу здесь только одну возможность. Предполагаемый единственный местный житель, который имеет туда доступ, это Беппи Фишер.

— Который играет на цитре?

— Именно он.

— У скольких прыгунов с трамплина — участников новогодних соревнований, я побывал? Я не считал! Насколько помню, я играю там для всяких шишек. И я сразу вам скажу: обычно никому не рассказываю об этом, из меня ни слова не вытащить о том, что там происходит и кто там был. За это меня ценит высшее общество, потому что я молчу как рыба. И еще один вопрос — можно мне распаковать мою цитру?

— А зачем это? — спросил Еннервайн.

— Я лучше себя чувствую, когда она стоит передо мной. Иначе не знаю, куда девать руки.

— Итак, хорошо. Распаковывай ее.

— Знаете, когда затягиваешь на ней «О крутые горные вершины!» — то сразу же начинаешь лучше думать.

— Хорошо, если это вам поможет, давайте, играйте, — сказал Штенгеле. — Мы не хотим вас долго задерживать, мы просто хотели знать, кто там был в этот новогодний день...

— Игра на цитре успокаивает, я могу это каждому рекомендовать. Николас Кейдж как-то спросил у меня: Почему ты такой свободный, Беппи? В чем твой секрет? А я ему на это: Николас, учись играть на цитре, тогда ты это узнаешь. И с тех пор он это знает.

— Николас Кейдж играет на цитре?

— Да, конечно. Я дал ему несколько уроков. Для американца он играет не так уж плохо.

— Господин Фишер...

— Называйте меня Беппи. Четыре бундесканцлера, российский президент, Стив Спилберг, все называют меня Беппи, Наоми Кэмпбелл тоже...

— Она тоже играет на цитре?

— Нет, Наоми не играет, для этого у нее слишком длинные ногти — «Но пожалуйста, со сливками». — Многие крутят свою шариковую ручку, как вы госпожа комиссар Шваттке. Другие без конца мешают в чашке кофе, как вон та фрау доктор, а другие массируют свой лоб, да, я за вами уже наблюдал, господин Еннервайн! Продолжайте массировать, но именно вам я рекомендовал бы...

— Беппи, — перебил его комиссар, — мы здесь для того, чтобы раскрыть покушение на убийство, и даже, может, несколько покушений на убийство. Мы хотим знать, кто там был в Новый год в VIP-ложе.

— Да, конечно. Но я действительно могу положиться на вас? Что ничего не станет известно, если я расскажу? Если кто-нибудь узнает, что я что-то выдал...

— Не стоит из-за этого беспокоиться. Вы не обратили внимания на какие-нибудь особенности в VIP-ложе в новогодний день? Что-то необычное?

— Собственно говоря, нет — «На крутой стене горы Ваксенштайн цветут цветочки». — Итак, ладно, давайте, я попробую вспомнить об этом новогоднем дне. Я начал играть — *Muss i denn zum Städtle hinaus* («Надо ли мне покинуть этот город») — я это так хорошо помню, потому что я тогда это играл и пел с Элвисом Пресли, в 1972-м, когда он был еще жив. Мы даже хотели совместно записать пластинку...

— Беппи, пожалуйста, ограничьтесь соревнованиями по прыжкам на Новый год!

— Да, конечно. Итак, в этом году на Новый год там был Беккенбауэр. Потом этот Хосе Гонсалес, испанский строительный магнат. Потом было еще два кардинала, они хотели

слышать — *Highway to hell*. Это часто просят сыграть. Президент эмиссионного банка хотел — *Schenkt man sich Rosen in Tirol* («Когда дарят себе розы в Тироле») — и в том месте текста — «Меня ждет новое счастье в любви!» — произошел этот несчастный случай. Все телохранители застыли на месте, и у всех руки были на оружии. Я, естественно, перестал играть, потому что стало слишком шумно из-за этих неприятностей. Многие из этих влиятельных шишек спотыкались друг о друга, поэтому я упаковал свою цитру, а это историческая цитра. При этом я видел, как выходил главный разработчик Microsoft, председателя международного жюри Нобелевской премии по медицине, а также Жак Рогге и Калим аль-Хасида...

— Кто это Калим аль-Хасид?

— Господин комиссар, вы совсем никого не знаете! Это ненормальный миллиардер, который хочет, чтобы зимняя Олимпиада проходила в Дубае. Его телохранителя, Юсуфа, я знаю довольно хорошо. Я вообще знаю всех телохранителей.

— Вы знаете всех телохранителей и всех охраняемых объектов, — сказал Еннервайн. — Вы не обратили внимание на кого-то, кого вы не знали?

— Подождите, мне нужно немного подумать. Ах да, когда я играл — *Mein Glück ist mein Hütterl* — тут я увидел одного, которого я не знал, китайца...

Все были как наэлектризованы, но пытались сохранить самообладание.

— Вы можете его описать?

— Я думаю, он был просто китаец.

Еннервайн решился на смелый шаг. Он достал фоторобот и поднес его к носу Беппи.

— Вы видели этого человека?

Цитрист Беппи рассматривал фото. Он играл — *Dirndl, mach as Fensterl auf* — и при этом закрыл глаза, чтобы лучше вспомнить. Потом он убрал руки со струн и сказал:

— На китайце была лыжная куртка с капюшоном и на ней оттиск «СК-Риссерзее». Но это не тот, который на фото.

Все застонали.

— Значит, тогда их двое, — сказал Штенгеле сдавленно.

— Один или несколько, — сказал Еннервайн. — Нам нужно снова выманить их из резерва.

— Господин решающий проблем собирается сейчас ехать в Италию? — спросила Шан, подняв высоко брови. — За неделю до приезда Рогге?

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказал Карл Свобода.

Австриец знал, что только два человека могут ему сейчас помочь в поисках Симулянта — супруги из похоронного бюро Игнац и Урзель Грасеггер, с которыми он еще год назад активно сотрудничал. Он привозил им трупы из Сицилии, а они очень аккуратно от них избавлялись. Они вместе проворачивали хорошие дела, но наконец операция провалилась, и с тех пор Грасеггеры проживали в Италии. Для Грасеггеров возвращение в Германию, в Баварию или даже в Лойзахталь было нецелесообразным, их изображения висели в каждом полицейском участке. Но Игнац и Урзель, коренные жители Верденфельской долины, были единственные, которые знали действительно каждый стебелек и каждый выступ в курортном городке. Только эти двое могли ему точно сказать, кто был этот таинственный Симулянт.

— Да, друзья, я решил поехать в Италию. Это совсем рядом. Вы останетесь здесь и пока ничего не будете делать, но абсолютно ничего! Вы это поняли? Жак Рогге приедет на следующей неделе, чтобы посмотреть шоу парашютистов, отвлекающий спектакль для вашей новой попытки я уже подготовил. Но до этого нужно убрать Симулянта, нам не нужно отвлечение от отвлечения. И время не терпит, друзья! Этот комиссар уже очень близко подобрался к нам. Вчера я узнал, что он выяснил, откуда Вонг выпустил свою лазерную стрелу.

— Он нашел оздоровительный отель?

— Да, разумеется. Группу из десяти человек, которая все отслеживает в поселке, нельзя не заметить.

— Снаряды падают все ближе, — сказал Вонг.

— Этот комиссар Еннервайн уже с самого начала мне показался неприятным, — произнесла Шан. — Он действует хаотично, ведет расследования по всем возможным направлениям, дает сумбурные, дезинформирующие газетные интервью. Создается впечатление, что имеешь дело с провинциальным придурком. Тебя усыпляют, а потом вдруг он неожиданно атакует.

— Да, — согласилась Свобода, — и это делает его таким опасным. Я ведь его знаю. Но на этот раз он на ложном пути. Не беспокойтесь, мы схватим этого эпигонского парня Еннервайна. Итак, еще раз, друзья. Сидеть тихо — завтра я вернусь. Пока.

— Я полностью с тобой согласен, — сказал Вонг Шан, когда Свобода вышел из комнаты. — Этот австрийский упрямец начинает зверски действовать мне на нервы.

— Мы сделаем по-своему, — ответила Шан.

Свобода поехал через Ломасонскую долину, оставил слева позади Сан-Мартино, промчался мимо Лаго ди Тенно и добрался, наконец, до импозантного итальянского крестьянского двора. Никакого сравнения с бывшим почтенным жилищем Грасеггеров в Верденфельской долине. Но здание было респектабельным и стратегически хорошо расположено. Свобода описал Игнацу и Урзель дело и рассказал о своих пока напрасных

поисках преступника.

— А ты уверен, что это кто-то из местных? — спросил Игнац.

— Да, он точно знает город и окружающие горы.

— С хорошими картами местность тоже можно хорошо изучить, — вставила Урзель.

— Но он также знает, где уязвимое место души народа. Крики возмущения при этом покушении с белыми сосисками — слышали бы вы это только!

— Мы слышали, — сказал Игнац. — Даже итальянское телевидение сообщало об этом. Кстати, о белых сосисках. Ты обещал...

— Да, верно, у меня с собой есть несколько шпук. В сумке-холодильнике.

— Итак, Тони Харригль, его ты можешь вычеркнуть, — заявил Игнац и макнул сосиску в сладкую горчицу. — Харригль — это не тот тип для таких дел. Харригль — это скорее тип борцов, а не кусачий лесной зверь.

— Но он хочет стать бургомистром, — сказал Свобода.

— Ерунда, Тони так или иначе когда-то станет бургомистром, и если не в этом курортном городке, то где-нибудь в другом месте.

— А что с самим бургомистром?

— Да, это скорее такой тип. Не прямой, а такой командный игрок. Но вот что говорит за бургомистра: он хочет, чтобы Олимпиада проходила у него, хочет войти в учебники истории. Он не предпринимает никаких акций, чтобы городок попал в негативные заголовки.

Грасеггеры задавали много вопросов, Свобода подробно описывал покушения, он скрупулезно собрал всю информацию и все слухи. Они прошлись по всем именам из списка и при каждом имени качали головой. Вдруг Урзель воскликнула:

— Что, этот еще здесь? Это он! Точно тип для таких дел. Он внебрачный сын Хильды Иуберройтер. Позже она вышла замуж за одного из братьев Дуфтер. Тот воспитывал мальчика. Пасынок Дуфтера, это наш человек! Он очень приличный альпинист, любит свои места, но годами жил в отъезде и считает, что достоин лучшего.

— Я видел его пару раз в булочной, — сказал Свобода, — но не знаю, где он живет.

Урзель Грасеггер записала адрес. Свобода набрал номер на своем мобильном телефоне.

— Шан? Это Свобода. Да, из Италии. Я его нашел. Даю вам адрес. Вы пойдете туда и исключите его из обращения. Спокойно — и прежде всего живым, вам понятно. Вы только схватите его и будете с ним хорошо обращаться — у меня с ним еще будут кое-какие дела. Для покушения я все подготовил. Я завтра вернусь. Не делайте глупостей.

— Глупостей? — спросила Шан.

— Мы поняли друг друга.

— Да, — сказала Шан слащавым голосом.

Свобода выключил телефон.

— Этот Дуфтер, такая сволочь, — сказал Игнац. — Я бы сейчас и не подумал.

— Собственно жаль этого Дуфтера-сына, — размышлял Свобода, — большой талант. Нам нужно перетащить его на нашу сторону.

— Итак, начинается, — сказала Шан Вонгу, когда она отключила телефон. — Поищи-ка адрес на местной карте.

У цитриста Беппи был домик в лесу. Что значит домик? Он обустроил старую огромную виллу скончавшегося художника Гедеке и жил там один.

«Не боишься, что тебя могут ограбить?» — часто спрашивали его.

«Меня никто не обворует», — отвечал всегда на это цитрист Беппи.

Йозеф Фишер, такое было его официальное имя, не был бедняком, он был очень состоятельным человеком, некоторые из супер-ВИПов совали ему иногда чаевые в размере месячных окладов, разумеется, не облагаемых налогом. В эти чаевые была включена негласная договоренность о взаимном молчании. Сейчас цитрист Беппи рассуждал о том, что разболтал кое-какие сведения, которые при нормальных обстоятельствах никогда бы не сошли с его уст. Зачем он рассказал полицейским, что кардинал Кардуччи и испанский строительный магнат Гонсалес в новогодний день были в ВИП-ложе? Если один из них об этом узнает, то, вероятно, конец придет его новогодним выступлениям с игрой на цитре.

К дому вела широкая дорога, но он привык проходить часть пути через лес. Хосе Каррерас и Мик Джаггер рассказывали, что это очень вдохновляет. В доме Беппи не было никаких ценных вещей, самое дорогое, что у него было, это цитра, а ее он всегда носил с собой. Инструмент был трехсотлетней цитрой Страдивари, изготовленной Франческо Страдивари, кузеном знаменитого создателя скрипок Антонио. При этом, естественно, применялись только ценные породы древесины, совершенные пропорции отливали типичным для Страдивари ярким золотисто-коричневым лаком, звук был объемный, а стоимость покупки можно было прошептать только, прикрыв рот рукой.

Но историю с цитрой Страдивари вред ли кто-то знал, и поэтому Беппи чувствовал себя уверенно на темной дороге домой. Цитру он нес в футляре под мышкой, ему нужно было пару сотен метров пройти по темному-темному бору, он шел прямо по лесу, дорогу он знал. Последние полкилометра дорога вела круто в гору до самой виллы — равнинный житель не захотел бы жить наверху. В начале крутого подъема цитрист Беппи остановился, услышав хруст. Это был очень отчетливый хруст. Цитрист Беппи был музыкантом, у него был тонкий слух, он знал, как звучит хруст от косули и диких свиней, как звучит шелест хищных птиц, которые в это время еще охотятся. Но это не был хруст от животных. Это был хруст крадущегося по лесу человека, нечаянно наступившего на что-то.

— Халло! — крикнул Беппи в черную-черную ночь. — Халло! Есть кто-нибудь?

Он не боялся. Кто хотел бы что-то сделать ему? Хруст послышался еще раз, на этот раз в другом месте, наискось за ним. Он обернулся.

— Халло! — крикнул он в том направлении. — Ангерер, это ты? Не делай глупостей.

А хруст уже послышался снова спереди. Если бы он не был таким добродушным и не разболтал бы все. Лучше бы держал язык за зубами. Помочь в расследовании! Ну хорошо, о той или иной большой шишке, которые были тогда в ВИП-ложе, он и так ничего не рассказал комиссару. Но кардинал и строительный магнат, Кардуччи и Гонсалес... Им было бы очень неприятно, если бы они об этом узнали. Было также очень неумно кричать здесь в лесу. Если там, в темноте, действительно были люди, которые хотели схватить его за горло, то тогда своими выкриками он выдал им свое точное место нахождения: начальная строевая подготовка в Бундесвере, вторая неделя. Если бы между своими выкриками он хотя бы

сдвинулся на пару метров! Странное во всей этой ситуации было то, что у него действительно все еще не было настоящего страха. Осторожно и очень медленно он поставил футляр с цитрой на землю. Он отстегнул рюкзак и снял широкую кожаную куртку. Он положил все на землю и пошел. Он сделал шагов десять, так что никакого шума не было слышно. Полностью сконцентрировавшись и медленно переставляя одну ногу за другой, он крался таким образом вверх по дороге, в направлении к дому, очертания которого уже неясно можно было видеть вдали.

— Халло! — крикнул он еще раз, но на этот раз значительно тише. Он ждал. Две минуты, четыре минуты. У музыканта очень хорошее чувство времени. Может быть, ему стоило сесть? Или вообще провести ночь здесь снаружи? Или просто пойти дальше и оставить цитру как отступные?

Не услышав перед этим никаких шагов, он почувствовал внезапно холод от стальной струны вокруг своей шеи, которая быстро затягивалась. Он сразу узнал, что это была низкая А-струна его цитры — она состояла из толстой мягкой медной проволоки, обмотанная другим, более тонким и твердым проводом из никелина. Он хотел схватиться обеими руками за струну, но было уже поздно, провод уже настолько врезался в шею, что ему не удалось просунуть под него пальцы. Безмолвный ужас охватил его. Он хотел закричать, но не мог произнести ни звука. Только жалкий хрип вырвался у него изо рта. Он пытался схватиться за плечо, повернуться назад и встать лицом к предполагаемому нападающему, но из-за бесцельных движений петля затянулась только еще туже.

Его похороны состоялись уже на второй день.

«Проверка слышимости, проверка слышимости. Двадцать один, двадцать два».

— Вам ничего другого не приходит в голову?

— А что я вместо этого должен говорить?

— Что-нибудь, но не без конца же «проверка слышимости и двадцать один, двадцать два».

— Не проверка слышимости. Двадцать три, двадцать четыре.

— Мне нужен нормальный текст, чтобы я правильно мог установить чувствительность.

Проклятие, вас всех уже достаточно часто соединяли проводами!

— Беккер, не наклейте.

— Может быть, вы знаете наизусть несколько служебных инструкций?

— Закон о функциях полиции, статья двадцать первая — двадцать вторая.

— Дальше, дальше!

— Дальше я не знаю. Мне нужно посмотреть.

— Тогда просто прочтите вслух. Вон там, перед вами, лежит местная газета.

— Трусливое покушение на убийство на курорте... известный всем музыкант... и по дороге домой... цитра, которая якобы была застрахована на три миллиона евро... украдена... обувь и носки в кустах... несомненно почерк серийного убийцы... этого достаточно?

— По мне, так вполне.

— Готовы?

— Нет, минуточку!

— Что еще?

— Мне нужно еще что-то совсем громкое и что-то совсем тихое.

— ОААААААРГ! Это было громкое.

— Это я заметил, что это было не тихое. А теперь тихо.

— Насколько тихо?

— Настолько тихо, чтобы я это почти не слышал.

— Я же не знаю, когда вы уже почти ничего не слышите.

(Микрофон свистит.)

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» — пропел священник и водрузил аленький деревянный крестик на могилу. Стоял удивительный солнечный день, и на кладбище было полно народу. Такого наплыва Еннервайн не ожидал, для эффективного наблюдения за пришедшими на похороны у него было слишком мало сотрудников. Пришло много друзей цитриста Беппи, много коллег-музыкантов и, конечно, множество дальних родственников, и к тому же значительное число видных деятелей, важных шишек и других *busybodies* (любопытствующих), которые прилетели с другого края света, чтобы оказать последние почести Верденсфельскому оригиналу и, раз уж они оказались здесь, после этого посмотреть шоу военного парашютеризма.

«Он возвращался домой с работы, — начал священник надгробную речь. — И в этот последний день он, наверное, также согрел сердца многих людей своими песнями, нежными серебряными звуками, которые все еще звучат у нас в ушах. Он сделал повседневную работу, он хотел опустить усталую голову на заслуженную подушку. О чем он мог думать, когда шел по прекрасному, освещенному лунным светом лесу, наш возлюбленный брат Йозеф Фишер, называемый обычно цитристом Беппи? Я вижу его перед глазами...»

— Проверка слышимости, проверка слышимости, вы слышите меня, Штенгеле?

— Да, я слышу вас. Что случилось?

— Я просто хотел проверить, работают ли микрофоны.

«И как он, наверное, испугался, храбрый любитель гулять по лесу, когда он оказался лицом к лицу с убийцей...»

Священник сделал сейчас небольшую паузу, чтобы каждый мог хорошо представить себе эту сцену. Если поднять глаза и посмотреть немного вокруг, то в толпе можно было видеть Марианну и Михаэля, двух директоров пивоварен, Пьера и Бриса, горстку баварских министров. Совсем позади стоял Беккенбауэр, один, в черном костюме, с потухшей сигаретой в руке. Кайзер мог себе это позволить.

«Струна цитры стала его злым роком, — продолжил священник, — его мелодии замолкли навеки. Он пал жертвой изверга, который доставил нам уже так много горя и беспокойства в нашем замечательном поселке...»

И снова священник сделал паузу, дал возможность воронам вверху на деревьях прокаркать, хрипя, и нескольким курильщикам прокашляться.

— Хорошо говорит наш священник, — сказал полный мужчина, весь в черном, своей жене.

— А? — прокричала женщина и подставила руку к уху.

— ХОРОШО ГОВОРIT ОН, НАШ СВЯЩЕННИК! — прокричал ей в ухо полный мужчина, так что вороны испуганно взлетели. Но священник это услышал и довольно улыбнулся.

Затем послышались торопливые шаги по гравию: еще один министр, еще одна королева — исполнительница тирольских песен, еще один второй призер Олимпиады. И снова телохранители. Здесь на кладбище у них вообще не было никаких шансов оставаться незамеченными, здоровенные бугаи в безвкусных черных костюмах заметно выделялись среди остальных посетителей кладбища. У некоторых пистолеты так сильно торчали из-под

одежды, что они спокойно могли бы снять жакет, чтобы показать их во всем блеске. Со всех сторон подходили скорбящие посетители, так как это кладбище имело бесчисленное множество входов, на восточной стороне оно даже примыкало к лесу, который вел прямо к Цугшпитце.

— Вы меня слышите? Губертус, вы меня слышите?

— Да, конечно, я вас слышу, Штенгеле.

— Мы выбрали совершенно необозримую местность.

— Идите в сторону южного входа, Штенгеле. Оттуда подходят еще несколько интересных запоздалых посетителей.

Запоздалые посетители состояли из группы Раскольниково вместе со старшей преподавательницей Ронге.

Еннервайн дал своей команде указание рассредоточиться по всему кладбищу, и за всеми, более или менее видными лицами пристально присматривать и сообщать о наблюдениях в микрофон.

«Он был хорошим человеком и христианином, — говорил священник, — и его смерть — это печальная низшая точка серии чудовищных преступлений, совершенных человеком, который живет здесь среди нас и который предположительно стоит где-то здесь в толпе среди добропорядочных граждан...»

— Алло, Мария, вы меня слышите?

— Конечно, Николь.

— Он долго не продержится, я чувствую, как потрескивает.

— При баварских похоронах всегда потрескивает, — ответила Мария. — Часто энергия разряжается при последующих поминках с настоящей дракой в ресторане. Здесь в городке на поминках один раз уже был труп. При похоронах умершего недавно опять была драка...

— Тсс, что-то происходит. Вы тоже видите то, что вижу я?

Из-за стоящего на некотором отдалении надгробного камня высунулся мужчина, который тоже был одет в черное, как и все здесь. На вид явно азиат. Он достал цифровой фотоаппарат и стал фотографировать стоящих вокруг людей.

— Захват? — спросила Мария.

— Мы не можем просто так кого-то арестовывать, только потому что он выглядит по-азиатски, — возразила Николь. — Давай последуем за ним.

Мужчина остановился. Он будто не заметил, что за ним наблюдают. Молодая дама в национальном баварском платье попала в кадр, она медленно двигалась в сторону. Она пыталась приблизиться к Беккенбауэру, бумагу и карандаш держала за спиной. Здесь была вся компания из кондитерской «Крусти», постоянные гости столика бывших полицейских, весь местный совет, конечно, и бургомистр. И плешивый главный врач. И все агентство по организации эксклюзивных мероприятий «Impossible».

«И поскольку мы уверены в том, — продолжил священник, — что с Божьей помощью мы найдем этого человека, который это сделал, мы спокойны».

Священник говорил с воинственной риторикой, сейчас он расчувствовался, у многих покатались слезы.

— Он хорошо делает свое дело, — сказала Николь.

— Неудивительно, при таком тексте, — ответила Мария гордо.

«Мирская справедливость на нашей стороне! — почти пел священник. — Храбрые полицейские нашего городка, которых многие напрасно ругают, передадут его в руки земного правосудия! И если у этого человека есть хоть искорка веры, то пусть он выйдет сейчас перед нами и признает свою вину. Я готов его простить».

Священник сделал паузу, многозначительную паузу. Ничего не произошло. Но ведь могло получиться. Попытаться стоило.

Николь не упускала из вида человека у надгробного камня. Все в команде были одеты в гражданскую одежду, но в целях безопасности оснащены бронежилетами. Она видела Остлера, как он, не слишком быстро, оставаясь в рамках почтения, мелькал среди пришедших на похороны.

— Остлер?

— В чем дело, Николь?

— Вы видите мужчину вон там у надгробного камня с крестом из кованого железа? Кто это? Вы его знаете?

Остлер старался поворачивать голову как можно незаметнее, медленно. Когда он наконец повернулся в ту сторону, мужчина с дальневосточной внешностью исчез. Николь чувствовала, что нужно действовать. Она со скрипом протиснулась сквозь плотно стоящую толпу пришедших на похороны.

Священник хорошо сделал свою работу. Он закончил проповедь, все были тронуты, все чувствовали руку Всевышнего. Этот Куница, как бы хладнокровно он себя до сих пор ни вел, должен был когда-то сделать ошибку. По микрофону кладбища передали сообщение.

«Предальпийский хор хотел бы отдать последние почести цитристу Беппи».

Заиграли мелодию, хор примерно из пятидесяти певцов, конечно, все одетые в черное, выстроился перед кладбищенской часовней и начал петь. Николь не понимала ни слова, пели по-баварски. Но мелодия показалась ей знакомой. Это был — конечно — это был баварский вариант *Highway to hell*, который исполнялся в честь цитриста Беппи.

На Николь Шваттке было черное платье, под ним бронежилет, она жутко вспотела. Она не без труда выбралась из толчеи и пошла по одной из гравийных дорожек, которые вели с кладбища. В тридцати метрах от себя она увидела мужчину, которого перед этим видела у надгробного камня. Он оглянулся, увидел ее и ускорил шаги. Возможно, это ничего не означало. Но вот он опять оглянулся. Она поднесла микрофон к губам.

— Алло, говорит Николь. Я в данный момент на северной стороне кладбища, в секторе — не имею понятия — здесь огромная скала как надгробный камень — на нем написано — Мосбахер Лизель. Вокруг него крадется мужчина с фотоаппаратом, возможно — это азиат. Я начинаю его преследовать. Он небольшого роста, мускулистый, около тридцати. Идет впереди меня. Вот опять оглянулся, сейчас ускорился.

Николь Шваттке перешла почти на бег:

— Стойте, подождите!

Мужчина остановился. Правая рука комиссара уголовной полиции Шваттке была рядом со служебным пистолетом.

— Почему вы от меня убегаете? — спросила она приветливо.

— Что вы от меня хотите? — ответил мужчина явно недружелюбно. — Почему вы меня преследуете?

— Уголовная полиция. Обычный контроль, текущее расследование, — сказала Николь и показала свое служебное удостоверение. — Положите, пожалуйста, фотоаппарат медленно на землю, поднимите руки над головой и расставьте ноги как можно шире.

— Добро пожаловать в полицейское государство Германию, — сказал мужчина.

Только не поддаваться на провокации, подумала Николь. А вслух она произнесла:

— Я не знаю, что вы этим хотите сказать. Может быть, слышали, что здесь в городе произошло в последнее время. По этой причине мы проводим контроль за соблюдением правил безопасности. Это, кстати, и для вашей безопасности.

Николь пыталась изображать доброго полицейского, участливую государственную служащую, она вложила в свой голос килограмм понимания и центнер великодушия. Но на мужчину это не произвело впечатления. Он поднял руки, но возмущенно наезжал на нее:

— Это действительно невероятно! Вы обращаетесь со мной как с преступником! Потому что я иностранец? Я уже много лет живу здесь с семьей, выучил ваш язык, у меня здесь в городе свой ресторан, я даю работу нескольким людям...

— Стойте тихо и держите руки наверху, я буду вас обыскивать.

Николь быстро ощупала мужчину, никакого огнестрельного оружия, никаких приборов ночного видения, никаких противотанковых ракет, никакой ядерной боеголовки, фу. С облегчением она выпрямилась и расслабилась. Одежда у нее прилипла к телу. Она отступила на шаг назад и посмотрела мужчине в лицо. Тот казался раздраженным, но не агрессивным. Она оценила, что он не опасен. Она была еще очень молода.

— Спасибо за ваше терпение. Я бы хотела посмотреть только ваше удостоверение личности.

Мужчина все еще держал руки над головой. Вдалеке слышалась *Highway to hell* в исполнении предальпийского хора. Половина присутствующих на похоронах подпевала. Шумовые эффекты, которые доносились издали, были таинственными.

— Вы можете опустить руки, — сказала Николь. Мужчина все еще держал обе руки над головой. Николь должна была бы над этим задуматься.

Трюк не такой уж сенсационный, но его действие всегда ошеломляющее. Фокусники показывают его совсем близко. На пока еще пустой ладони появляется — только после короткого сжатия кулака — монета. Фокус? Ни в коем случае. Волшебник зажимает монету между средним и безымянным пальцем так, что при взгляде на ладонь ее не видно. В то время как он сжимает ладонь в кулак, монета скользит, а когда он разжимает кулак, та снова на ладони. Вонг видел этот трюк несколько лет тому назад у одного шарлатана на ярмарке в Гонконге, и ему стоило немалых трудов, чтобы научиться этому. Сейчас он владел одним из

вариантов фокуса: Вонг мог из ничего извлечь нож, которым можно сразу уколоть.

— Я хотела бы посмотреть ваш паспорт. И опустите наконец руки, это нелепо.

Вонг улыбнулся.

Вонг пожал плечами и отвлек этим от того, что переложил нож в другую позицию. Он выгнул руку вперед, смог таким образом схватить свой ка-то за рукоятку и выполнил движение вниз. Стилет Вонга с такой скоростью полетел в грудь Николь, что она, даже если бы это и видела, то не успела бы сделать никакого защитного движения. Кончик острого ножа воткнулся точно справа возле грудины, между третьим и четвертым ребром, разорвав там платье. Николь в ужасе вскрикнула. Затем нож соскользнул с отвратительным шлифующим звуком вниз и сполз по животу Николь — нет, не потому что Вонг плохо прицелился, а потому что защитный жилет из арамидных волокон не оставил его ка-то никакого шанса проникнуть хотя бы на миллиметр. Вонгу потребовалась десятая доля секунды, чтобы понять, что произошло. Стилет соскользнул. Николь глянула вниз, только платье было разорвано, она не была ранена. Она попыталась вытащить свой пистолет, но почувствовала острую боль в предплечье. Рука с пистолетом горела сейчас огнем, и ею нельзя было пошевелить. Глубокий порез показался на запястье. Прошла еще секунда, пока она поняла, что нападавший убежал. Она выхватила пистолет из кобуры другой рукой и начала преследование.

Песнопения предальпийского хора нарастали — *Mir fahrn mit 'm Viehwagen in d'Höll!* («Мы едем на моей телеге в ад!») — пелось там, Вонг опережал ее метров на двадцать. Здесь было полно сотрудников служб безопасности, был только вопрос времени, когда полицейская обратится за помощью и когда личные охранники международной первой десятки поразвлекаются с удовольствием, гоняясь за ним, как за зайцем. Он вилял зигзагами по могилам в том направлении, в котором кладбище выходило к непросматриваемому лесному массиву. Через какое-то время он оглянулся, преследователей не обнаружил. Он убрал стилет и пошел медленно, как бы прогуливаясь, дальше. Кабель, который соединял микрофон комиссарши с передатчиком, он разорвал рапирой. Это у него как раз получилось хорошо.

Николь бежала изо всех сил. Несколько недель тому назад во время учений по стрельбе ей бросали со всех сторон мячи, в то время как ей нужно было стрелять по пяти различным движущимся мишеням и еще следить за тем, в кого она стреляла, в злых или в добрых. Она ведь сможет схватить одного-единственного беглеца и задержать его! Он не мог уйти далеко, и она предположила, что он хочет пробиться через лесной массив Крамерплато. Во второй раз она не даст себя одурачить. Она обогнала медленно плетущуюся пару, полного мужчину и женщину, которая держала руку у уха. Это была глуховатая пара, которая так развеселила священника. Займет слишком много времени спрашивать эту парочку, не видели ли они беглеца. Николь бежала дальше и доверялась своему инстинкту. Она попала на территорию кладбища, где людей не было.

Свежевырытая могила, яма для захоронения после обеда. Вонг заглянул вниз в глубину — примерно три метра. Рядом с открытой могилой лежал большой деревянный помост, на котором была свежая земля. Вонг встал на колени за могильным камнем. Эта полицейская

не сможет позвать на помощь по радио, об этом он позаботился, можно также предполагать, что ее коллеги, зажатые в плотной толпе пришедших на похороны, ничего не узнали о его нападении. Он видел, как она подкрадывается, одна, с обнаженным пистолетом, оглядываясь по всем сторонам. Она подходила ближе.

Первый удар выбил пистолет из ее руки. Второй удар попал ей в подколенные впадины, это был целенаправленный удар ногой. Николь оступилась, попыталась удержаться, но Вонг бросил ее на жесткий гравий. Он схватил ее за ноги, она барахталась, пытаясь сбросить его. Тяжелый бронежилет мешал ей, раненая рука жутко болела. Вонг потянул ее к открытой могиле и толкнул вперед головой в яму. Не успев собраться с силами, она уже почувствовала, как на нее сыпется земля.

Вонг поднял лежащий сбоку помост вверх, пока тяжелый, глинистый гумус полностью не ссыпался в яму. Затем взял пистолет Николь и спрятал на себе. Он наконец хотел исчезнуть. Но ему пришлось снова спрятаться за могильным камнем, так как двое посетителей кладбища шли по гравийной дорожке.

— О, смотри-ка, — сказал полный мужчина к глуховатой женщине, и оба остановились у могилы Николь. — Старого Эгона Фетцера они, кажется, уже похоронили.

— А?

— СТАРОГО ЭГОНА ФЕТЦЕРА ОНИ, КАЖЕТСЯ, УЖЕ ПОХОРОНИЛИ.

— Я думала, похороны только сегодня после обеда!

— Да, я тоже так думал.

— А?

Ханс-Йохен Беккер был таким человеком, у которого всегда был план Б в кармане. На тот случай, если микрофон откажет, если кабель отойдет или будет поврежден при столкновении, Беккер вмонтировал в каждый передающий микрофон сигнал пеленгатора, он приобрел карту кладбища и окружающей местности и сосканировал ее в компьютер. На экране он мог следить за движениями сотрудников. Когда зеленый сигнал у Николь перескочил на красный, когда было слышно только шуршание, он поднял по тревоге Еннервайна. Тот мчался, получая указания Ханс-Йохена Беккера в ухо, между могил, вдоль переплетающихся гравийных дорожек. Людвиг Штенгеле и Мария Шмальфус, пыхтя, бежали за ним.

— А сейчас резко направо, мимо колодца, затем снова направо!

Но потом у Еннервайна чуть не остановилось сердце — на гравийной дорожке он увидел темно-красный след крови, через несколько метров еще пятно, что указывало на то, что у бегущего повреждена артерия, при этом кровь вытекала ритмичными толчками. Еннервайн очень надеялся, что это была кровь преследуемого, а не кровь преследующей.

— Будьте сейчас внимательны! — услышал он крик в наушник. — Следующая боковая дорожка справа, в самом начале.

Еннервайн притормозил и заглянул за угол. Там перед могилой стояли два человека. Он не видел людей спереди, но он был уверен, что описание Николь не подходило ни к одному из них. Потом Еннервайн увидел человека, притаившегося за могильным камнем.

Он сошел с гравийной дорожки и пошел дальше по траве, чтобы до минимума ограничить предательский шум шагов. След крови тоже вел сюда в траву, но вскоре потерялся, и больше его уже не было заметно. Еннервайн крался, согнувшись, за надгробными камнями, пока снова не увидел маленького, темноволосого человека. Тот

повернулся к нему спиной и все еще сидел, скорчившись, на земле. Еннервайн прыгнул. С криком бросился он на него, выбил у него пистолет и заломил руки за спину. Коленом он прижал его к земле. Вонг отчаянно сопротивлялся, и только с помощью подоспевших Штенгеле и Марии Еннервайн смог надеть наручники.

— А где Николь?! — закричала Мария.

Никакого ответа.

— Где женщина!? — зарычал Штенгеле и грубо схватил Вонга за шиворот.

— Она должна стоять прямо около вас, — орал Беккер в микрофон, и его голос срывался. — Прямо среди вас. Ну это же невозможно!

Еннервайн застонал, когда его взгляд упал на свеженасыпанную землю. Для двух зрителей, толстяка и глуховатой женщины, это уже была совершенно запутанная картина: двое тяжело дышащих мужчин и одна столь же уставшая женщина, приковав маленького китайца наручниками к литому железному кресту соседней могилы, подскочили к могиле старого Эгона Фетцера и как ненормальные начали рыть, голыми руками, лопатами и инструментами, которые нашлись за другими надгробными камнями.

— Что вы делаете? — спросил толстяк.

— Полицейский рейд, — закричал Еннервайн.

— Что здесь происходит? — спросила глуховатая женщина.

— МОЖЕТ БЫТЬ, ЭКСГУМАЦИЯ! — закричал ей толстяк в ухо.

— А?

— ПОЛИЦЕЙСКИЙ РЕЙД!

— Все, с меня достаточно, надоели мне эти халтурщики!

Свобода выключил радиоприемник и взял себе еще порцию «Шмаррен по-королевски» на десерт.

— А что с нашим маленьким специалистом по конфликтам? — спросил Игнац Грасеггер с ухмылкой.

— И это правда, — сказал Свобода. — Их никак нельзя оставлять одних. А теперь еще одно убийство! Насилием же ничего не добьешься!

— О ком ты говоришь? — спросила Урзель. — Об этих из Чаояня? С ними я так и так не стала бы связываться. Они мне с самого начала показались подозрительными.

Свобода набрал номер телефона.

— Между горами и рощей... — сказала женщина на другом конце провода.

— ...находится моя родина Верденфельц, — добавил Свобода быстро. Он был зол. Он был взбешен.

— Чтобы быть кратким, — пролаял он в телефон, — я слышал новости по радио. Дело становится для меня слишком рискованным. Завтра приезжает Рогге. Я подготовил отвлекающий спектакль, таким образом, выполнил поручение. Остальное ваше дело. Я выхожу из игры.

Свобода захлопнул телефон.

— Тупица китайская, — выругался он.

Шан тоже захлопнула телефон и убрала его. Ладно, ну и не надо. Им и без того этот действующий на нервы австриец уже не нужен. Они сами возьмут дело в руки. Она сейчас не выглядела похожей на *China Blue*, скорее наоборот. На ней был свободный тренировочный костюм, она бросила на плечи маленький рюкзак и проворно пустилась по городку. Вскоре она стояла перед домом, который искала. Она осторожно прокралась вокруг крестьянского двора, делая вид, будто любуется настенной росписью и крестьянскими фресками, умными изречениями. Она достала путеводитель и рассматривала все так, будто бы изучает искусствоведение на третьем курсе. При этом она украдкой оглядывалась. Шан успокоилась, так как этот задний двор плохо просматривался из окружающих домов, он находился примерно посередине в зелени. К тому же вся полицейская команда наверняка была на похоронах цитриста Беппи. На задней стороне дома была сложена куча дров, и Шан взобралась на них. Пружинисто подтянувшись на руках, она вскоре оказалась на маленьком балконе. Через несколько шагов она уже могла через окно заглянуть в заваленную всякими вещами комнату. Шан собиралась обыскать квартиру предполагаемого Симулянта, пока Вонг подкарауливает его на похоронах. Шан и Вонг были уверены, что их надоедливый соперник пошел на похороны, хотя бы уже из-за того, чтобы не бросаться в глаза. Насколько же велико было удивление Шан, когда она увидела внутри, в заставленной комнате, сидевшего мужчину, к которому полностью подходило описание, данное Свободой. Тем лучше. Тогда она может сразу же взяться за него. Шан достала из рюкзака лыжную маску, надела ее на лицо и начала открывать окно.

Мужчина в комнате писал письмо. Он подыскивал слова, боролся за правильное выражение, произносил все вслух.

Дорогой господин комиссар, я в ужасе, я в негодовании, я вне себя от гнева, я весь в бешенстве, мне хочется рвать и метать...

Мужчина встал, прошелся по комнате и продолжал декламировать. Шан пришлось нагнуться, когда он проходил мимо окна. Топилась железная печка. Посреди лета? Печная дверца была открыта, Шан могла видеть, как полыхало жадное пламя. Наверняка он написал уже много таких писем или, лучше сказать, начинал, так как много скомканных белых листков лежали у печки. Ах, поэтому и огонь. И снова он скомкал листок и запустил его в сторону дверцы. Попал. Новая попытка.

Дорогой господин комиссар, я не хочу иметь никакого отношения к убийству, это не мой стиль, это не моя философия, это никогда не входило в мои намерения, это никогда не входило в мои планы...

Он скомкал и это письмо. Он встал, собрал все скомканные листы и бросил в печь. Шан с удивлением наблюдала за ним. Мужчина был сумасшедшим? Он корчил гримасы, неуклюже танцевал, насвистывал не поддающиеся определению мелодии. Затем он снова сел за письменный стол.

Дорогой господин комиссар, я отключил двух телохранителей ЦРУ простыми боксерскими мешочками, я получил власть над высокопоставленным генералом США — вряд ли мне нужно воровать старую жалкую цитру!

Шан наблюдала, как мужчина встал, повторил еще раз предложения, как будто бы комиссар Еннервайн стоял перед ним собственной персоной. На этот раз он не разорвал письмо, а продолжил писать.

Дорогой господин комиссар, есть кто-то, кто подделывается под меня, который меня копирует, который вскакивает в мой поезд, но который не понимает моей философии! Тем временем мы уже хорошо знаем друг друга. Вы должны мне поверить! Это был не я!

* * *

Шан достаточно открыла окно, чтобы проскользнуть внутрь, но хотела поподробней осмотреть комнату. Она окидывала взглядом помещение: это была не просто жилая комната, а одновременно и мастерская, и ателье, и склад. Полки были забиты до отказа флаконами и тюбиками различных размеров, пакетиками и коробочками и другими емкостями. Большинство экспонатов имели надписи. Этот мужчина был педант, перфекционист, сумасшедший коллекционер. Стены тоже были увешаны сверху до низу различного рода инструментами. На столе лежали канцелярские принадлежности, карандаши, кисточки, реквизиты для рисования. Там она нашла то, что искала. Шан, цветок лотоса, как кошка влезла в комнату и спряталась за одним отдельно стоящим стеллажом.

Послушав его еще некоторое время, она узнала кое-что интересное. Например, что при покушении с белой сосиской не было использовано ни миллиграмма ботулина.

Дорогой господин комиссар, наверное, сегодня вы не заметили мое отсутствие на похоронах, вы меня искали, но не нашли...

Искатель правильного выражения замолк на полуслове. Черная широкая полоса, похожая на цензурную полосу, вдруг прошла по его рту. Это была не цензурная полоса, это была толстая черная клейкая лента, которой Шан, подскочив сзади, в момент заклеила ему рот. Его первым импульсом было схватиться за ленту на его лице, быстро сорвать ее, но он почувствовал жгучую боль в запястье, и даже не смог попытаться освободиться от кляпа. Второй, не раненой, рукой ему нужно было схватиться за то место, где ему было больно. Его стул у письменного стола был повернут. Появившаяся будто из-под земли небольшого роста изящная женщина в свободном спортивном костюме с натянутой на голову лыжной шапочкой держала в руке кочергу с раскаленным концом.

Женщина немного наклонилась, держа кочергу в руке по-боевому напряженно, почти элегантным танцевальным способом. Она медленно двигала импровизированное оружие вверх и вниз. Эта таинственная сцена нагнала на него больше страха, чем если бы перед ним стоял здоровый, как бык, мужик.

— Спокойно, — сказала женщина, — тогда вам ничего не будет.

Шан держала металлическую штуку прямо перед его носом, он мог чувствовать запах сажи и обожженной бумаги. Другой рукой она показывала на железную печку.

— Я засунула туда и вторую кочергу, — сказала она. — То есть могу все время угрожать вам раскаленной железкой. Поэтому нападение на меня было бы неразумным. Вы меня поняли? Кивните!

Он кивнул. Он не знал эту женщину и не мог объяснить ситуацию.

— А сейчас вы возьмете лист бумаги и ручку. Вы будете писать письмо, которое я вам буду диктовать. Затем я исчезну. Вы меня поняли?

Он кивнул. Здоровой рукой он стал искать новую ручку. Шан встала позади него. Острый конец кочерги наверняка находился лишь в нескольких сантиметрах от его позвоночника. Обернуться и попытаться выбить у нее железку? Увильнуть со стула в сторону? Вскочить на стол и выскочить через окно. Все бессмысленно. Имела ли она отношение к похищенному генералу США? Попал ли он при этой акции в политическое осиное гнездо?

— Когда будете готовы писать, кивните.

Он кивнул. Ему не оставалось ничего иного.

— Пишите: *Дорогой комиссар Эннервайн, это мое последнее письмо к вам.* Кивните, когда закончите предложение.

Он кивнул, все еще ничего не понимая. Ровным счетом ничего. Почему ему эта женщина угрожала? Сейчас он очень жалел, что не пошел на похороны цитриста.

— Пишите: *Дело вышло у меня из-под контроля. Я взвалил на себя тяжкую вину и не знаю, как выйти из этого тупика.* Написали?

Он кивнул, внутренне противясь тому, что писал. *Взвалил на себя тяжкую вину.* Это был не его стиль.

— Пишите: *Когда-нибудь вы меня схватите, комиссар. После новогоднего покушения, после схода лавины, после покушения с отравлением уже некуда расти. Я хочу предупредить это и проститься с вами.* Написали?

Человек с заклеенным ртом слабо кивнул. Неприкрытый ужас охватил его. Это было его прощальное письмо? Собственное прощальное письмо. Он судорожно рассуждал, какой в этом кроется смысл. Может быть, в итоге эта женщина стояла за новогодним покушением?

— Дайте мне ваше удостоверение личности, — сказала женщина. — Где оно? Покажите где.

Он схватился за свой задний карман брюк и сразу же почувствовал сильный удар кулаком в правое ухо.

— Вы просто должны показать в ту сторону! — крикнула женщина. — В следующий раз почувствуете раскаленное железо!

Она вытащила его бумажник и открыла его. Что-то зашелестело. Она искала его удостоверение личности.

— А теперь подпишитесь. Своей личной подписью. И я вас предупреждаю: никаких уловок. Давайте!

Он уронил шариковую ручку, чтобы ему пришлось поискать другую. У него случился приступ кашля, чтобы выиграть еще немного времени. Он судорожно размышлял. Если он это здесь подпишет, то для женщины уже не будет важен. Его охватил панический страх. Его жилая комната была собственно складом реквизитов для криминальных действий. В течение последних лет он перепробовал так много вещей, смастерил, смешал, сконструировал — сплошь противозаконные принадлежности, которые никогда не использовались для преступных целей. Смутно появилась мысль. У него больше не оставалось времени, он должен был попытаться.

— Итак, в чем дело? Я жду, — сказала женщина.

Он взял следующий лист со стопки, положил его рядом с письмом и написал: *Сейчас ко мне придет клиент.*

Боль появилась внезапно и совсем в другом месте, чем он предполагал. У него было такое чувство, как будто ему оторвали губы.

— Что это значит? Что за клиент? — закричала она. — Говорите!

Он повернулся, она держала в руках черную клейкую ленту и со злостью швырнула ее на землю. Он продвинулся на маленький шаг вперед.

— Я могу предложить вам выгодную сделку, — сказал он дрожащим голосом. — Как вы, возможно, знаете, я похитил высокопоставленного американского армейского чина.

— Нет, я этого не знаю. И что с ним должно произойти? — сказала Шан грубо, но у него создалось ощущение, что в ее голосе слышалось чуть-чуть заинтересованности.

— Я нашел в кармане его куртки листок с важной информацией.

— Где листок?

— Спрятал в надежном месте.

— Где?

— Он приклеен там под столом.

— Ну ладно.

Шан приготовилась оторвать от рулона свежую клейкую ленту и снова наклеить ему на рот. Небольшой ответный удар.

— Подождите. Это, конечно, только половина информации, я не такой дурак. Откройте конверт, который висит под столом. Посмотрите, потом мы сможем продолжить разговор.

Шан клюнула, это было видно. Не спуская с него глаз, она присела на корточки, быстро

заглянула под стол, сунула руку и сняла приклеенный конверт.

— И никакого клиента нет, не так ли? — сказала она.

— Нет, я признаюсь. Это была уловка. Я хотел заинтересовать вас содержанием этого письма. Может, мы заключим сделку.

Она осталась сидеть на корточках. Чем больше она говорила, тем больше проходило времени, тем лучше было для него. Он обдумывал этот эффект в свободные часы. Стеронин был газом без запаха, который в тепле быстро распространялся и вызывал легкое галлюциногенное действие. Он не был таким сильным, совсем не похож на стеркокс, но противник был отвлечен, оглушен на несколько секунд. Его нужно было только перед этим заставить открыть какую-то емкость, из которой бы вышел этот газ...

Шан держала письмо в руке и трясла его. Она села на пол и посмотрела его на свет потолочного светильника.

— Вы считаете меня настолько глупой? — сказала она с издевкой. — Какой старый трюк. Что вы положили в конверт? Что-нибудь биологическое? Споры сибиреязвенной палочки? Наркотическое средство? Газ? Я догадываюсь: стеркокс?

Шан, сидевшая на полу, закатила глаза, это был один из первых симптомов стеронина. Она хотела вскочить, но у нее не получилось.

Куница очень долго мастерил этот механизм. Газ находился не в конверте. Газ вытекал из-под стола. Клейкая лента держала крючок. Когда клейкую ленту отрывали, железный крючок превращался в резиновый шарик, в котором находился газ. Газовый флакон был врезан в стол. Газ был не сильным, он отключал лишь ненадолго, лишь отвлекал, человек чувствовал только позыв к кашлю. Шан опустила кочергу и медленно осела на пол. Затем она все-таки встала, держась за горло. Сейчас ему нужно было действовать. Куница вскочил со стула и рванулся с места. При этом он резко оттолкнул Шан в сторону, та оступилась, но осталась на ногах. Кашляя, она, неуверенно ступая, сделала несколько шагов по комнате и налетела на полки. Он добежал до печки и схватил вторую, раскаленную кочергу. Он обернулся, ожидая, что она на полном ходу бросится на него, и крепче схватился за кочергу, чтобы размахнуться ею и таким образом защититься. Но женщина уже лежала на некотором отдалении на полу: падая, она головой ударилась об один из железных ящиков с инструментом, которые он уже давно должен был убрать. Под ее затылком уже образовалась лужица крови.

Машина «скорой помощи» петляла по разрыхленному гравию четырехзвездочного кладбища, то тут, то там водителю приходилось объезжать испуганных посетителей кладбища, машина бороздила высаженные с любовью могильные посадки. Санитарная машина, превращая бегонии, кошачьи лапки, марокканские ромашки и кизильники в цветочную и совсем некрасивую жидкую кашу, подъехала, наконец, к могиле старого Эгона Фетцера — Ханс-Йохен Беккер хорошо направлял водителя. Выскочили трое мужчин в ярких сигнальных жилетах. На гравийной дорожке лежал полный человек, без сознания, с широко открытым ртом. Его спутница, наклонившаяся над ним, с ужасно расширенными глазами, казалось, тоже была близка к обмороку, и ей пришлось опираться на живот лежащего.

Эти двое остолбеневших от шока прогуливающих по кладбищу посетителей видели двух мужчин и одну женщину, которые как взбесившиеся собаки разрывали свежую могилу. Тонкая как былинка женщина и крупный, неуклюжий мужчина вскоре едва переводили дух, они тяжело дышали от усталости, пыхтели и со стоном переходили с одного края на другой. Третий, неказистого вида чиновник, продолжал целенаправленно копать, попеременно, то короткой лопатой, то голыми руками. Пение Форальпенхора вдалеке уже давно смолкло, тучи над погостом сгустились. Затем неожиданно раздался единый крик из трех глоток. Из земли показалась черная туфля, из могилы торчала нога. Трое «берсеркеров» освободили стопу, но не отступали, криками подбадривая друг друга. Со всех концов кладбища спешили испуганные посетители похорон, которые хотели увидеть, что тут ужасного случилось. Неприметный мужчина тащил и дергал за ноги, а остальные рыли и рыли дальше. Из могилы вытащили безжизненное тело! Полный мужчина при виде этого потерял сознание, у женщины со слуховым аппаратом случился шок. Картина была настолько ужасной, что первые посетители траурного мероприятия, подошедшие поближе к месту действия, с испугом отшатнулись. Одни крестились, другие стояли, открыв рот. Трое измазанных неистовых копальщиков продолжали тянуть и дергать, пока не показалось тело молодой женщины с испачканной кровью головой. (Эта кровь придала мертвецкой сцене снова что-то живое, внушающую надежду.) Расхитители могил пробовали теперь свои силы в искусственном дыхании и других приводящих в чувство мерах. С успехом — молодая женщина открыла глаза. Она кашляла. Давилась и плевалась, но была жива! Толпа вздохнула. Неказистый обтер своим носовым платком ее лицо. Не пробормотала ли ожившая что-то? Те, которые стояли в первом ряду, уловили несколько слов:

«...повезло... внизу ударилась... головой в доску... небольшой запас воздуха... иначе бы задохнулась...»

Санитары бросились к Николь. Но отмахнувшись, она выпрямилась и отряхнулась. И действительно, санитарам по-серьезному оставалось обработать у нее только одну кровоточащую, но неопасную рану на лбу, которую она получила, когда внизу пробила головой трухлявую доску. Быстро перевязали также резаную рану на запястье. Едва успели закрепить последнюю скобу, как Николь встала и сделала глубокий вдох и выдох.

— Вы его схватили?

Штенгеле, Мария и Еннервайн, усталые, от изнеможения повалились в траве. Они могли только кивнуть и показать в сторону могильного креста рядом.

Остлер и Холльайзен подросли как раз вовремя. Они были единственные из группы, кто был одет в форму, и на данный момент были самые чистые. К тому же их здесь знали, они смогли заставить себя уважать, что было необходимо, чтобы отогнать самых любопытных из любопытной своры зевак.

— Это наш человек? — спросил Остлер, но Еннервайн настолько запыхался от рытья, что все еще был не способен ответить. Он еще раз показал в ту сторону. Там мужчина восточной внешности был прикован к железному надгробному кресту.

— Вы хорошо его привязали? — спросил Остлер.

Еннервайн кивнул. Остлер понял, что нужно действовать, так как суматоха из-за пребывающей толпы становилась все больше. Он тронул за плечо санитара.

— Можно мне воспользоваться вашим мегафоном в машине?

— Конечно, ты знаешь, как он работает?

— Вероятно, так же как и в полицейской машине.

— Да, верно.

«Внимание, внимание, — послышался голос Остлера в мегафон. — Это дежурный отряд уголовной полиции. Успокойтесь, опасности больше нет. Однако просим вас покинуть территорию вокруг могилы и быстро продвигаться в сторону выходов с кладбища».

Голос Остлера был мягким и теплым, слова были хорошо подобраны, коротко и ясно, определенно, но не авторитарно. Толпа, состоявшая из более или менее известных личностей, действительно отступила. Холльайзен отодвинул нескольких нерешительных, так что в результате остались:

1 руководящий детектив, лежавший на земле, еле живой

1 полицейский психолог, тяжело дышавшая, с полностью поломанными и расслоенными ногтями

1 комиссар из Альгойе, совершенно запыхавшийся, с твердым намерением бросить курить

2 местных полицейских, отгонявшие последних любопытных

3 санитаров, оказывавшие различного рода первую помощь

1 пациент, потерявший сознание в машине «скорой помощи», готовый к отправке

1 комиссар из Реклингхауза, бойкая, с «двумя небольшими ранами»

1 подозреваемый, прикованный цепью к железному надгробному кресту.

Холльайзен наклонился над этим подозреваемым и убедился, хорошо ли были прикреплены наручники к железному надгробному кресту. Затем он его осторожно ощупал и обыскал его карманы. Мужчина был безоружен, и у него при себе не имелось документов.

— Вы меня понимаете? — спросил Холльайзен, мужчина не ответил. Холльайзен сделал шаг назад. Этот азиат был очень похож на азиата, которого он видел на фотороботе.

— Я уверен, что вы меня понимаете. По закону я обязан вас спросить, не требуется ли вам врач. Я это сделал и ваше молчание оцениваю как «нет». Вы напали на сотрудницу полиции с применением силы. Кроме того, имеется серьезное подозрение в совершении вами преступления, в том, что вы причастны к покушениям здесь в городке...

Вонг молчал. Ему нужно только продержаться до завтрашнего дня. Только до

завтрашнего дня! Завтра Рогге приезжает в курортный город. Завтра состоится шоу военного парашютизма. Шан придется провести покушение на него одной, но и так все должно получиться. Несмотря на то что австриец действовал на нервы, он был надежным. Карл Свобода хорошо подготовил нападение.

Он не мог на это смотреть, на самом деле не мог видеть крови. Он детским жестом закрыл лицо руками, и когда ему показалось, что больше не слышно kloкочущих и хрипящих шумов, осмелился посмотреть на безжизненное тело женщины. Он боялся, что потеряет голову и у него сдадут нервы. Но нужно было действовать. Такое не входило в его планы. Он подошел и осторожно толкнул тело ногой. Никакой реакции. Ее глаза были открыты, он не мог больше выносить эту картину, поэтому отвел взгляд. Годами он играл с ужасами, разработал и собрал инструменты пыток и машины для убийства. Устраивал тайные подрывы, провел несколько забавных операций и при этом до смерти напугал людей, наконец, сейчас осуществил три покушения — его выдающиеся достижения. Но до сих пор не проливалась кровь, ни капли крови. И это как раз входило в его планы. Он хотел продемонстрировать свою власть, и больше ничего. Это был первый труп, который он увидел жизни, и этот труп должен был исчезнуть, его следовало уничтожить. Нужно сделать так, будто его вообще не существовало. Сделав глубокий вдох, он потянул женщину на маленький коврик, в который ее поспешно завернул. На голову и ноги, которые из него торчали, он надел голубые мешки для мусора, и теперь уже дышал спокойнее. Он достал половую тряпку и вымыл пол. Один, два, пять раз. С него катился пот, но он продолжал мыть, и с каждым ведром воды, которую выливал в раковину, он становился чуть-чуть спокойнее. Нужно сделать так, чтобы исчезло все, связанное с этим омерзительным несчастным случаем. И следовало поторопиться. Он схватил завернутое тело Шан и потащил его к печи. Чугунная дверка все еще была открыта, языки пламени извивались и требовали новой пищи.

Вначале он бросил половые тряпки, потом рюкзак женщины, затем все черновики признательного письма, его планы и наброски к покушениям, вырезки из газет об этом покушении — с каждым предметом история казалась несколько нереальнее. Он был готов полностью покончить с этим отрезком его жизни. Оставалась только женщина, которую он завернул в ковер. И только сейчас ему стало ясно, что он не сможет засунуть ее через печное отверстие целиком. В дверь позвонили. Один из его клиентов? Или еще один незваный гость? Его охватил панический страх.

Позвонили еще раз. Через какое-то время ему стало совершенно безразлично, кто это был, он хотел убежать отсюда, он хотел сделать так, будто этого преступления вообще не было, и он вышел из дома, чтобы предположительно никогда больше сюда не вернуться. Он вылез через окно на балкон и пошел тем же путем, которым пришла Шан, он видел в этом нечто символичное, что-то, что повернуло историю вспять и поставило на нулевую отметку. Он сел в машину и поехал. Без цели, куда-нибудь, подальше отсюда. Он проехал мимо кладбища. Оттуда хлынула масса народа. Он проехал мимо дома старой Розы Крайтмайер и даже мимо лыжного трамплина. Кто была эта женщина? Она имела какое-то отношение к новогоднему покушению. Но какое? Была ли она стрелком? Почему она хотела свалить это покушение на него? Он бы это сделал и добровольно. Он ехал дальше, прочь из города, без цели. Когда он пересек старую, ставшую в связи с развитием истории бессмысленной, австрийскую границу, то только тут почувствовал себя чуть-чуть увереннее, чуть-чуть свободнее. Самую малость менее виновным. Небольшие приступы паники, которые его охватывали, удавалось побороть. Это был несчастный случай. Разве не так?

На фоне невнятных мыслей о ставших ненужными пунктах обмена валюты ему вдруг пришла в голову другая — ведь за этой женщиной мог скрываться еще кто-то. Чем дальше, тем больше крепла его уверенность в этом: эта женщина каким-то образом имела отношение к новогоднему покушению и наверняка она была не одна. И сейчас он понимал: она стала бы его преследовать. Ледяной озноб охватил все его тело. Преследовать его будет не полиция, а какая-то организация. До самого конца света. Он остановился и вышел из машины, настолько сильно перепугался. Он оказался в первой австрийской деревне после границы. Международная организация. Термин китайская мафия всплыл медленно из тумана неясных мыслей. Они его схватят, на каком бы краю света он ни находился. Он потерял контроль над своим будущим, он больше был не преступником, а жертвой. Следовало сдаться полиции.

— Я вас слушаю, что вы хотите?

— Я хочу сделать явку с повинной. Пожалуйста, поторопитесь, я в большой опасности.

Большой вопросительный знак в глазах единственного жандарма в маленькой жандармерии, который сидел за своим заваленным письменным столом и, кажется, был в плохом настроении.

— Что вы хотите?

— Вот мое удостоверение личности. Я один несу ответственность за покушения, совершенные в Лойзахталь. Если хотите, могу сообщить все детали, после. И только что я... женщину... — Он замолчал.

— Так вы и выглядите, — сказал полицейский.

— Как я выгляжу?

— Как будто вы жутко опасный преступник.

— Пожалуйста, запишите мое признание. Детали я назову позже.

— Послушайте: если вы сейчас пойдете домой, то мы оба забудем всю эту историю. Тогда я забуду вас, а вы забудете меня. У нас здесь другие дела. Знаете, что там как раз происходит за границей? Нам нужно здесь нести дежурство, просто потому, что какой-то идиот водит за нос немецкие органы. Немцы не могут с этим справиться, а тут приходите вы и еще дополнительно действуете на нервы!

— Комиссар Еннервайн!

— А что с ним?

— Я знаю его, позвоните ему, пожалуйста. Я тот преступник, которого он ищет.

— Уважаемый господин. Что вы думаете, сколько сумасшедших сегодня уже звонили и говорили точно так же? Что они совершили покушение!

— Это симулянты. Реактивные психотики. Совершенно нормально. Но я...

Он обошел вокруг стола жандарма.

— Стойте, что вы делаете!

— А если по-другому не получается.

— Оставьте меня в покое.

— Мне очень жаль...

Он размахнулся и вlepил полицейскому звонкую пощечину. Огорошенный жандарм схватился за щеку, но потом все произошло очень быстро. Без сопротивления нападавший дал себя увести, и наконец он оказался в одиночной камере жандармерии.

— Можете дать мне бумагу и ручку?

— Да, конечно, господин. Может быть, еще и пару нарукавников, чашечку кофе?

Немного печенья?

Последние слова тирольский жандарм не проговорил, он их прокричал. И это было последнее, что арестованный услышал от жандарма. После этого дверь камеры захлопнулась. Где-то ночью он нашел огрызок карандаша за нарами. *Дорогой господин комиссар*, написал он на стене, *дорогой господин комиссар Еннервайн, пожалуйста, приезжайте!* Он писал до тех пор, пока огрызок карандаша не закончился.

— Пожалуйста, назовите имя и адрес проживания.

Вонг молчал, он даже не пошевелил губами. Казалось, что он следит за вопросами чиновника внимательно, даже дружелюбно, однако он молчал. Еннервайн вздохнул:

— Почему вы утверждаете, что вы житель этого города?

Молчание.

— Почему вы утверждаете, что вы житель этого поселка? (*Шрочки, «Приемы допроса», с. 27, «Тот же вопрос с одним небольшим несущественным изменением».*)

Молчание.

— Назовите нам, пожалуйста, вашу настоящую национальность.

Молчание.

— Вы согласились бы дать нам образец вашего почерка?

Удивленный взгляд. Молчание.

— Перекур.

Команда собралась снаружи на террасе. Николь Шваттке тоже была здесь, она не поддавалась на уговоры взять на пару дней отгул.

— Взять отгул? Из-за какой-то небольшой раны? — сказала она. У нее действительно ничего не было, кроме ушиба на голове, и болезненного, но не опасного пореза на запястье. В плане психике тоже все было в порядке. Во всяком случае, так она утверждала. Короткий взгляд в царство мертвых не оставил у нее ощутимой травмы. Губертус Еннервайн принял это к сведению. Доктор Мария Шмальфус однако имела кое-какие сомнения. Но и ей пришлось признать, что существовали такие, психологически еще мало классифицированные, типы толстолобых упрямцев.

— Я не думаю, что там сидит наш человек, — сказала Мария. — Он не подходит к нашему профилю хотя бы уже потому, что Куница, как мы его до сих пор знали, уже бы больше продемонстрировал. Он стал бы хвастаться своими поступками, обозвал бы нас неспособными, кучкой бездельников. Или наоборот, он стал бы с негодованием все отвергать и так же обозвал бы кучей бездельников. Этот мужчина мне кажется просто слишком хладнокровным. Он молчит, и у меня такое впечатление, что он выдержит это молчание еще несколько дней.

— То есть симулянт? — спросил Остлер.

— Для простого симулянта он слишком многим рисковал, — сказал Еннервайн. — Если кто-то нападает на полицейского, то за этим должно крыться нечто большее. Мы должны выяснить, что он искал на кладбище. Наверняка это не был чисто туристический интерес к католическим ритуалам похорон.

— А если он действительно не говорит или очень плохо говорит по-немецки?

— Он говорит прекрасно по-немецки, — сказала Николь. — Он без конца болтал со мной.

— Давайте снова пойдем к нему.

— Вы нас понимаете?

Молчание.

— Вам нужен переводчик?

Молчание.

Молчание.

Молчание.

(Шрочки, «Приемы допроса», с. 156, «Отражение поведения допрашиваемого допрашивающим сотрудником».)

— Вы знаете, что в нашей стране нападение на сотрудника полиции карается тюремным сроком до пятнадцати лет?

Никакого проявления чувств. Молчание. Продолжайте в том же духе, думал Вонг. С каждой минутой, которая проходит, я приближаюсь ближе к нашей большой национальной цели. Шан справится. Она доведет наше почетное дело до конца. Еще несколько часов, и она окажется перед Рогге.

— Хотите стакан воды?

Это он должен был бы вести этот допрос, подумал Вонг. Он должен был бы быть там, где стоят эти полицейские придурки, и узнал бы намного больше. Приемы долговязой женщины слишком прозрачные, как из учебника по методике допроса, применяются слишком механически. Женщина, по защитной жилетке которой скользнул его стилет, вообще ничего не сказала, она только смотрела на него, мягко улыбаясь, великодушной улыбкой я-тебя-прощаю, что должно было бы его смягчить. Никаких шансов. Комиссар самый опасный, подумал Вонг.

— Хотите чашку чая? Мы все здесь пьем чай. Вы хотите тоже чая?

Он выглядит как курьер из офиса, лицо которого сразу же забываешь, даже когда еще смотришь на него. Но он задает самые лучшие вопросы. И задает их хорошо, задает их так, что даже хочется чуть-чуть усмехнуться и тем самым утратить внимание. О чем они там могут шептаться? Старая полицейская уловка. Это должно отвлечь допрашиваемого.

— Идите, шеф, идите быстрее, — шептала Николь Эннервайну. Две минуты спустя они сидели в полицейской машине и мчались в сторону кладбища.

— Иногда случается такое, — сказала Николь Эннервайну, — когда бывает большая суматоха, то никто и не обратит внимание на потерянную вещь.

— Это было здесь, — сказала Николь, когда они снова стояли на гравийной дорожке. — На этом месте я потребовала от него положить на землю фотоаппарат. Он так судорожно сжимал его, что я вначале подумала, будто это оружие.

— Маленький фотоаппарат в качестве оружия?

— Да, после всего того, что мы слышали от Беккера о лазерном оружии.

— Понимаю.

— Но теперь я думаю, что он так судорожно держал фотоаппарат по другой причине. В нем важные фотографии. Или они что-то выдают.

Они обыскали гравийную дорожку, ползали вокруг по земле. По дорожке было видно, что пару часов назад по ней протопала целая орда людей. Они обыскали могилы поблизости. Ничего.

— Вы опять здесь!

Они не слышали, как подошел кладбищенский сторож.

— Да, это снова мы.

— Ищете что-то определенное?

— Фотоаппарат. Цифровой фотоаппарат.

— Пойдемте со мной.

Кладбищенский сторож разложил все находки последних двух часов на столе. Два зонтика, четыре палки для ходьбы, шестнадцать пачек сигарет, и среди них дефицитная дубайская марка «Вюстензанд» (*Песок пустыни*), две дамских сумочки, один незаряженный пистолет марки «люггер», один компакт-диск *Марианна и Михаэль* (подписан), восемь носовых платков, один левый мужской ботинок, один конверт с жетоном местного казино стоимостью в пять тысяч евро, тринадцать бумажников, неизвестное количество цветочных букетиков и надгробных веночков, один перстень с печаткой с инициалами Й.Р., четыре цифровых фотоаппарата. Николь сразу же узнала цифровой фотоаппарат азиата, только он был черным.

Беккер все еще находился в радиопередвижке и анализировал записи с похорон.

— Мы можем прямо здесь посмотреть фотографии? — спросил Еннервайн.

— Без проблем, — сказал Беккер. — Я сейчас переведу изображения в компьютер.

На экране появились ландшафтные снимки, развилки дорог, странной формы деревья, маркированные придорожные столбы. Перед экраном сидело трое разочарованных сотрудников.

— Позовите, пожалуйста, Холльайзена, Николь. Пусть он это посмотрит. Он знает, где сделаны эти снимки, я не очень хорошо разбираюсь в этой местности.

Беккер, Шваттке и Еннервайн молчали, как перед этим Вонг. Они видели уже перед глазами газетное сообщение:

Курьезная новость — (dpa) Один китайский турист захотел насладиться Баварскими Альпами и сделать несколько фотографий, но тут комиссар уголовной полиции Николь Ш. (24) приняла его за долго разыскиваемого преступника. Он обнажил нож для устриц, она достала свой служебный пистолет. При последующей погоне она упала в открытую могилу и получила при этом травму, сейчас она переведена на службу во внутренних органах в Франкен. Он, несмотря на это, снова приедет в Форальпланд, сказал китаец приветливо.

— Алло, шеф.

Холльайзен был у телефона. И он был сильно взволнован.

— Сейчас он вообще с ума сойдет.

— Кто?

— Куница.

— Как вы сказали? Куница? О какой Кунице вы говорите?

— Только что пришел факс из Австрии. Из жандармерии сразу же после границы. Туда явился мужчина с повинной, и жутко действует на нервы тирольским коллегам. Он утверждает, что совершил все покушения здесь в городке.

— Это нам кажется знакомым.

— Да, это, вероятно, симулянт. Необычное в этом: он пишет такие же признательные письма, как и наш Куница. И почерк: *вертикально и строго направлен вперед, верхние края мерцают, как будто бы горят*, как говорит всегда фрау доктор.

— Как далеко это отсюда?

— Полчаса.

— Я еду туда с Марией.

Фрау доктор мчалась как угорелая вдоль маленькой проселочной дороги, которая вела из курорта в Федеральную землю Тироль. Еннервайн заставил ее вести машину, так как он якобы забыл свои очки. Он никогда в жизни еще не носил очки. Хотел только уклониться от роли водителя. Приступ его акинотопсии во время вождения мог закончиться смертельно. До этого времени он не предполагал, что поездка через границу с Марией Шмальфус может быть, по меньшей мере также опасной. Когда они приехали к жандармерии, комиссар вышел из машины, обливаясь потом.

— Ехать с мигалкой мне очень понравилось, — сказала Мария. — Все слева и справа разлетаются в стороны, свободный проезд для свободных граждан, в этом что-то есть.

Дежурный жандарм поздоровался с ними.

— Добро пожаловать господа из дружественной страны! Наверняка у вас найдется свободное местечко в машине? Этого земляка вы можете сразу забирать обратно, он так надоедает нам, что терпеть больше нет сил!

— Вы его арестовали?

— Он дал пощечину одному из моих коллег.

— Тогда мы вначале на него посмотрим.

Это была камера с решеткой, и непрошенный гость сидел спиной к посетителям. Он исписал все стены, он исписал потолок, он исписал пол, и везде было написано: *Комиссар Еннервайн — помогите мне!*

— Я гаупткомиссар Еннервайн. Приехал по вашему желанию. Повернитесь, пожалуйста, я хочу с вами поговорить.

— Вы один, господин комиссар?

Голос показался Марии знакомым. Очень знакомым.

— Его замечательно похоронили, цитриста Беппи! — сказал Вилли Ангерер в кондитерской «Крусти». — Тут действительно ничего не скажешь. Я даже встретил внуку Рууд Биргера.

— Рууд Биргер? Так это же тот норвежец, — предположил стекольщик Пребстль. — Который выиграл Олимпийские игры-1936?

— Неподражаемый стиль прыжка. Смотрите-ка...

Изобразить Рууд Биргера с вытянутым вверх задом было одним из высших достижений искусства Ангерера. Ему аплодировали. Затем снова все помянули покойного.

— За цитриста Беппи!

— За величайшего Верденфельского музыканта после Рихарда Штрауса!

Все чокнулись, в булочной было полно народу, здесь был священник, бургомистр заглянул ненадолго на маленькую кружку пива, Харригль, конечно, тоже был здесь, старший преподаватель Ронге купила себе булочки *Highway-to-hell* (в форме маленькой цитры), слесарь Большой тоже был здесь; а аптекарша, магазин которой находился напротив, закричала:

— Это была очень хорошая надгробная речь, господин священник. Такая положительная и духовно возвышенная, как никогда. Честно вам скажу — такую прекрасную проповедь я от вас никогда не слышала!

Священник кисло-сладко улыбнулся.

— Если честно признаться, — сказал он, — проповедь писал не я, а полицейский психолог.

— Ах, очень жаль, господин священник.

— Кстати, о психологе, — сказал капитан пожарной команды, — а где собственно Манфред?

— Да, я уже не видел его несколько дней.

— Может, у него большая очередь в его практике?

Все прыскали от смеха. Знали, что у Манфреда Пенка в его вновь открытом кабинете медитации по прошествии уже больше одного года вообще не было ни одного клиента. Даже расставшаяся по-доброму супружеская пара не завернула к нему, ни один наивный глупец, имевший проблемы в отношениях, или упрямый спорщик не обратился к нему за профессиональной помощью. (И это было неудивительно: на этих широтах все запутанные дела решались в своих четырех стенах, здесь держали занавески задернутыми и не ходили по домам со своими проблемами.) Все знали, что Пенк никогда не был специалистом по конфликтным ситуациям, консультантом по вопросам катастроф или психологом бундесвера, как он всегда рассказывал. Каждому в кондитерской и в городке было ясно, что он никогда ничего не улаживал. Его принимали — О великодушная Бавария! — как симпатичного фантазера, какие встречаются в каждом городе. Каждый знал, что он зарабатывал себе на жизнь тем, что помогал то одному, то другому крестьянину в хлеву или какой-нибудь хозяйке на кухне.

Но в данный момент Манфред Пенк находился в штрафном изоляторе маленькой

австрийской жандармерии сразу же после границы. Он показал на стену перед собой. *Комиссар Эннервайн — помогите мне!* — можно было прочесть там четко и драматично. Потом он медленно повернулся. Он был небрит, у него были круги под глазами и растрепанные волосы. Пенк выглядел плохо.

— Что ты делаешь здесь? — спросила Мария растерянно.

— Вы знаете этого человека? — спросил Эннервайн.

— Да, конечно. Это мой сокурсник. Я знала, что его забросило в курортный город. Но я не знала, что... — Она обратилась непосредственно к Пенку. — Скажи-ка, ты в своем уме! Ты заставляешь нас мчаться сюда, в то время как мы...

— Мария, возьмите себя в руки!

— Но это ведь правда! У нас в данный момент много других дел, чем заниматься этим чокнутым!

— Прощу, господин комиссар! — кричал Пенк. — Помогите мне! Кто-то преследует меня. Я в большой опасности. Я играл с огнем, но сейчас не могу его погасить.

— Почему это вы в большой опасности? — спросил Эннервайн спокойно. — Вы здесь в участке дали пощечину полицейскому. Почему?

— Меня не воспринимают всерьез!

— Какое вы имеете отношение к покушениям?

— Прямое! — кричал Пенк. — Прямое! Прямое! Я могу вам все доказать! Поэтому я и просил позвать вас.

— Так, он просил нас позвать, — иронизировала Мария. — Как милостиво с его стороны!

— К покушению на цитриста я не имею никакого отношения. Я не тот человек, который совершает убийства. Но сейчас это случилось, поймите! Женщина мне угрожала...

Эннервайн терял терпение. Он резко выдохнул и сделал взволнованное движение рукой.

— Знаете, сейчас все это звучит как-то слишком запутанно. Сначала вы отрицаете то, что вы совершили убийство. Но в следующий момент вы говорите, что вы его совершили...

— Женщина-азиатка...

Мгновенно Эннервайн и Мария насторожились.

— Она лежит у меня в квартире на полу. Она мертва. Я несу за это ответственность. Но есть подстрекатели. Китайская мафия. Защитите меня, комиссар!

— Китайская мафия, ага. Знаете что, — сказал Эннервайн, — только по старой дружбе с фрау Шмальфус. Давайте все трое поедem сейчас на вашу квартиру, господин Пенк. И если эта история окажется выдумкой, то вам это даром не пройдет! Тогда вам придется отвечать за препятствие расследованию. Параграф 258 УК.

— Я знаю! — воскликнул Пенк. — Я когда-то был полицейским психологом.

— Дерьмом ты был, — сказала Мария.

Они поехали к Пенку на квартиру. Пенк сам открыл дверь. Квартира была пуста. На полу не было трупа женщины, никаких следов борьбы не было заметно, не говоря уже о следах крови на ковре. Две блестящие кочерги висели чистыми и невинными на крючках. Письменный стол выглядел чистым и убраным. Железная печка тоже была вычищена, зола была аккуратно сложена в ковш для золы.

— Но следы крови! — кричал Пенк. — При обследовании с люминолом они должны обнаружиться, следы крови!

— Вы слишком много кричите, — заметил Еннервайн.

— Мне очень неловко, Губертус, — сказала Мария тихо.

— Успокойтесь, — ответил Еннервайн тоже тихо, — этот человек кажется мне непохожим на надоедливого воображалу. Он действительно боится.

— Что вы со мной сейчас сделаете? — крикнул Пенк слезливо.

— За пощечину полицейскому вы получите уведомление, — сказал Еннервайн. — И это будет не дешево, сразу могу вам сказать. Но нет причины сажать вас под арест. Мы уходим.

— Нет! — запричитал Пенк отчаянно. — Посадите меня под арест!

Он кричал так отчаянно, что Мария и Еннервайн согласно кивнули.

Они поехали с жалобно скулившим Пенком в участок, там за ним захлопнулась дверь камеры.

— Я действительно здесь в безопасности?

— Нет, есть тайный ход, который ведет прямо к доктору Мабузе, — сказала Мария.

— Ах, не смейся надо мной!

Когда они снова остались одни, Еннервайн сказал:

— Что вы о нем думаете, Мария?

— Тщеславный человек, таким он всегда был. Но ему нужна психологическая помощь.

— Психологу нужна психологическая помощь?

— Собственно почти всем психологам нужна психологическая помощь. Я об этом позабочусь. И потом почерк. Почерк на стене и образец почерка, который нам прислал австрийский жандарм, очень похож на почерк нашего Куницы, я это проверю...

Вошли Беккер и Холльайзен, не постучав, они разложили на столе совещательной комнаты фотографии. Через некоторое время уже вся группа стояла вокруг стола. Куница Манфред Пенк был забыт.

— Первая партия фотографий относится, вероятно, к новогодним прыжкам с трамплина, — сказал Холльайзен. — Фотографии ВИП-ложи, прилегающих подъездных путей, но также и фотографии фитнес-центра «Оазис здоровья», где мы были, и связанные с этим фотографии лазерного аппарата. Вторая партия фотографий — это ландшафтные снимки, все из окрестности Шленггерер-Хютте, которая находится недалеко от вершины Остерфельдеркопф.

— Шленггерер-Хютте, никогда не слышал. Что это за изба?

— Эксклюзивный ресторан на высоте тысяча метров, вход только для суперважных персон. Нечто похожее на ВИП-салон на лыжном стадионе, просто там не так холодно. И потом еще третья партия фотографий нижней опоры канатной дороги Эйбзе, которая ведет на вершину Цугшпитце.

— И больше ничего? Никаких фотографий Шахена, дома старушки Крайтмайер американского гарнизона? Или дома цитриста?

— Нет, ничего подобного.

— Во всяком случае, фотографии были для него крайне важными, — сказала Николь, — настолько важными, что он даже хотел меня вырубить, когда я потребовала положить фотоаппарат на землю.

Все замолчали и задумались. Никто ничего не мог понять из фотографий.

— Ах, вот что я забыл, — сказал Холльайзен. — Есть одна фотография с людьми. Одна-

единственная.

Он порывлся в куче и достал наконец портретный снимок загорелого и спортивного мужчины лет шестидесяти.

— Кто это? — спросил Еннервайн.

— Вы его не знаете? Это же Жак Рогге, президент МОК. Один из суперважных. Он отвечает за решения о месте проведения Олимпийских игр.

И в головах завертелось, замелькали мысли, сейчас серые клетки мозгов членов группы заработали, и, наконец, они посмотрели друг на друга, и то один, то другой жадно хватали воздух. Никто ничего не говорил, каждый пытался установить взаимосвязи. Каждый судорожно размышлял, что тут было разложено на столе: документация совершенного покушения, затем планирование следующего покушения. Общее связывающее звено: Жак Рогге. Только вершина канатной дороги не совсем вписывалась в картину. Тем не менее сигналы тревоги пронзительно завывали. Каждый знал, что сейчас нужно было предпринимать.

— Мы разделимся, — вдруг сказал Еннервайн. — Штенгеле, вы пойдете с Холльайзенем и Николь к этой опоре и посмотрите там все. Мария и Остлер, вы пойдете со мной к этой избе. Как она называется? Да, Шленггерер-Хютте.

— Но сегодня тут у нас кое-что происходит, — сказал Холльайзен.

— А что?

— Я полагаю, что несколько крупных спортивных деятелей смотрят новую спортивную дисциплину парашютный спорт.

— Да, возможно, и так.

Небо было уже усеяно цветными парашютами, Еннервайну пришлось, наверное, две тысячи раз показывать свое служебное удостоверение, пока он не оказался в зале ресторана Шленггерер-Хютте, в котором наливали *Frozen Strawberry Margaritas* («Маргариту» с мороженой клубникой) и *Singapur Sling* (сингапурский слинг). Взгляд вокруг: нигде нет Рогге.

— Опять вы? — услышал он от нескольких телохранителей и от нескольких видных личностей.

— Уголовная полиция. Промедление опасно, — сказал он одному бугаистого вида сотруднику безопасности, который перекрыл ему дорогу. — Где Рогге?

— Снаружи, на террасе. Но вы сейчас не можете...

Еннервайн мог. Он шел через зал ресторана. Многие знаменитости из предстоящих новых сериалов, спортсмены, спортивные комментаторы, бывшие спортсмены, бывшие спортивные комментаторы были увлечены беседой, показательные полеты на улице почти никто не смотрел. Это Рогге и без того решал самостоятельно. Военный парашютный спорт, какая ерунда! Некоторые поднимали угрюмый взгляд от тарелок с семгой, когда приближались полицейские. Снаружи на террасе: также нет Рогге. Никто не знал, куда пошел президент МОК. Еннервайн посмотрел высоко в небо: нашествие цветных парашютов. А как удобно было бы оттуда сверху выстрелить вниз из снайперской винтовки! Небольшое решетчатое ограждение, которое вело с террасы, препятствием не было.

— Продолжайте искать Рогге здесь, — сказал Еннервайн остальным, — не забудьте туалеты и кладовки.

Для дальнейших указаний не осталось времени. Еннервайн перескочил через маленькое заграждение, откуда дорожка вела к маленькой избушке. Пригорок, холмик, расстояние около пятисот метров. Он мчался изо всех сил. Пятьсот метров рывком и потом еще в гору. Уже на половине пути он еле дышал. Подбежав поближе, он увидел, что это была закусочная, которая привлекла несколько десятков туристов, желавших тоже посмотреть шоу военного парапланеризма. У многих в руках была какая-то еда.

— Восемь евро за тюрингскую жареную сосиску? Какая наглость, — услышал он одного из гостей.

— Что вы хотите, сейчас самый разгар сезона! — сказала женщина за буфетной стойкой.

Еннервайн обежал вокруг двора усадьбы. Это был типичный альпийский крестьянский двор, с жилым домом и хлевами. Все строения были разукрашены. Из одного особенно красочного расписного окна с зелеными ставнями выглядывала корова. Вначале можно было подумать, что это была нарисованная корова, но она болтала ушами и втягивала пряный воздух, она была настоящей. Но здесь на курорте в действительности никогда нельзя точно знать, что настоящее, этому Еннервайн как раз научился. А потом он увидел президента МОК Жака Рогге. Тот стоял в некотором отдалении на лугу, один, в хорошем настроении смотрел в воздух и с наслаждением откусывал от специальной большой тюрингской сосиски. Он представлял идеальную цель. Еннервайн поспешил к нему.

Штенгеле был заядлым любителем ходить в горы, поэтому он скоро оставил Холльайзена и Шваттке далеко позади. Он держался трассы канатной дороги, которая вела от Эйбзе к Цугшпитце. Опора, по которой проходили мощные проволочные канаты, возвышалась громоздко и своенравно в полуденное небо.

Штенгеле, как старый службист, как бывший член Альгойского саперного батальона, имел смутное понятие о том, что могло означать фотографирование такой опоры. Еще один подъем трассы, еще один поворот, и он увидел ее во всем великолепии, она монументально вырастала из земли, фундамент выглядел солидно, как бы сделанный навечно. На красных и белых стальных подпорках извивались тонкие разноцветные провода и кабели. Штенгеле с любопытством подошел поближе.

Когда Эннервайн находился еще на расстоянии метров двадцати от Рогге, взрыв разорвал в клочья идиллию. Все началось с гудящего низкого рокота, который разросся в металлический визг. Многочисленные усиливающиеся по темпу и громкости последующие взрывы заставили всех присутствующих непроизвольно уйти в укрытие. Большинство бросились плашмя на землю, другие присели на корточки, все зажали уши. Только два человека на озелененной площади альпийского пастбища более или менее ожидали взрыва и не испугались до смерти. Один из них был Эннервайн, финишировавший гаупткомиссар, который подбежал к озадаченному, смотрящему в небо президенту МОК. И еще была изящная маленькая женщина, которая стояла в сторонке у ограды для скота. Она тоже не стала прятаться в укрытие. Если бы она это сделала, то Эннервайн, возможно, и не обратил бы на нее внимания. Комиссар был убежден в том, что опасность подстерегала где-то там наверху, где-то во флотилии разноцветных воздушных кораблей. Теперь он понял, что опасность для Рогге исходила от этой женщины. Она не могла скрыть своего восточного происхождения. И она как раз клала маленькую, темную коробочку обратно в свой рюкзак. Это был не контейнер для бутербродов, не ноутбук, не транзисторный радиоприемник, не заполненный до края дневник с вершины — эта коробочка выглядела чертовски похожей на самодельный пульт управления взрывом. Пеленгаторная антенна, большая ручка настройки, перекидной выключатель, все это Эннервайн успел разглядеть до того, как аппарат исчез в рюкзаке. Наверняка эта женщина инициировала взрыв — покушавшиеся действительно взорвали опору горной дороги. А теперь азиатка бежала через альпийский луг в направлении Рогге. Тот присел на корточки, тюрингскую сосиску все еще держал в руке и как раз собирался лечь на землю. Все снова и снова слышались взрывы, многочисленные небольшие шумовые каскады, отвратительные щелчки, хриплый лай детонирующей взрывчатки. Группа Штенгеле опоздала, подумал Эннервайн, наверняка ей не удалось обезвредить зажигательное устройство. Рогге лежал сейчас на животе. Женщина находилась метрах в пятнадцати от него, Эннервайн изменил направление бега. Он побежал сейчас к женщине, которая его еще не видела. Что она собиралась делать? Он не обнаружил никаких признаков наличия у нее оружия. Десять метров. Женщина казалась уверенной, она даже не оглядывалась, очевидно, полагая, что все в окрестности двух миль лежат на земле и ждут, пока все пройдет. Пять метров. И только когда Эннервайн приготовился к заключительному рывку и кинулся на нее, она заметила. Но было уже поздно. Этого она не ожидала и не

смогла увернуться. Шан часто видела лицо Еннервайна в газетах. Тот, которого она всегда обзывала провинциальным придурком, навалился на нее, на этот маленький изящный цветок лотоса, опрокинул ее, покрыл своим телом, подмял под себя. Но прежде чем он смог схватить ее руки, чтобы окончательно прижать к земле, она успела сунуть себе в рот маленький, размером с почтовую открытку, кусок бумаги.

Жительница равнинной местности Николь Шваттке и неторопливый Франц Холльайзен не были особенно хорошими туристами, и в какой-то момент они не смогли следовать за решительно шагающим впереди Людвигом Штенгеле. Но тут прогремел оглушительный взрыв, и они вначале поспешили укрыться. И только через пару секунд они подняли головы: никаких летающих вокруг предметов. Оба были целы и невредимы.

— Нам не надо было отпускать его, — закричала Николь. — Нам нужно было оставаться вместе.

— Опора! — прорычал Холльайзен. — Они взорвали опору!

Опору можно было различить между облаками тумана. Казалось, что она качалась.

— Она в любой момент может обвалиться! Она движется на нас!

Еннервайн лежал на изящной женщине. Она барахталась и кричала, но он схватил ее за руки и прижал своим телом к земле. Она пыталась ударить его ногой, и оба возились еще какое-то время, при этом они немного скатились вниз по небольшому склону, подальше от Жака Рогге, который, вероятно, ничего и не заметил из происшествия и жадно кусал тюрингскую сосиску — тоже своего рода преодоление страха. Еннервайн глянул вверх на ВИП-террасу. Она казалась безлюдной, но он знал, что все бросились на пол. Каждый из телохранителей наверняка прикрыл своим телом свой объект. И только один, кайзерского происхождения, не имевший охраны (разве кто-нибудь осмелился бы?) стоял прямо на террасе.

— Давай, пошли. Нам нужно позаботиться о Штенгеле! — кричала Николь Холльайзену, и оба побежали по лесной тропинке вверх, которая вела к фундаменту опоры. На обоих все еще были тяжелые защитные жилеты, и вот наконец они их сбросили с себя. Еще один поворот, еще один подъем, тогда они предположительно увидят картину разрушения, во всяком случае, они этого опасались. Взрывы все еще продолжались, но, странным образом, никакие осколки не летали в воздухе, не сыпались как дождь сорванные ветки, никаких кусков бетонного фундамента, никаких железных осколков, никаких расплавленных проводов. Ничего. Они свернули за угол. Штенгеле лежал на земле.

А где же Мария и Остлер, подумал Еннервайн. Женщина под ним барахталась и кричала, а у него с собой не было наручников. Если вскоре никто из команды не подойдет, то ситуация может быть понята двусмысленно. В конце концов готовые прийти на помощь граждане схватят его и освободят женщину. Женщине, кажется, тоже пришла в голову такая мысль. Она сейчас целенаправленно звала на помощь на нескольких языках. Еннервайн глянул вверх, в сторону ВИП-террасы. Никого не было видно. Ни Марии, ни Остлера спешивших на помощь. Только сочно-зеленый, с мягкими возвышениями холм, окруженный столетними буками, над ним светло-голубое небо с мозаикой бумажных змеев. Еннервайн кое-как зафиксировал женщину на земле. Она больше не могла двигаться, а только кричать.

Он повернул голову и посмотрел в сторону Рогге. Никакого Рогге, только сочно-зеленый, с мягкими возвышениями холм, окруженный столетними буками, над ним светло-голубое небо, покрытое мозаикой бумажных змеев. Он посмотрел женщине прямо в лицо. Сочно-зеленый, с мягкими возвышениями холм, окруженный столетними буками, над ним светло-голубое небо с мозаикой бумажных змеев. Проклятье! У него снова был приступ акинетопсии.

Николь и Холлбайзен неслись вверх по холму, там наверху лежал Штенгеле на спине, недалеко от фундамента опоры.

— Я еле дышу, — сказал Штенгеле. — Но в остальном я чувствую себя хорошо. Смотрите, там наверху гондола.

Они посмотрели вверх, на высоте тридцати метров раскачивалась заполненная пассажирами гондола, она двигалась сверху, с вершины Цугшпитце в сторону опоры. Было видно несколько человек, которые были в панике и отчаянно махали руками. Из тягового механизма вверх поднимались густые, черные клубы дыма. У пассажиров, вероятно, создалось впечатление, что опора горит. Штенгеле поднялся.

— Я уже при самом первом взрыве подумал, если бы это была взрывчатка, то она была бы размещена слишком далеко наверху у опоры. Или это начинающие дилетанты — или для них важен был только эффект.

— Это только фальшивка?

— Похоже на это. — Штенгеле принялся. — Вы что-нибудь улавливаете?

— Конечно. Жутко воняет, — сказала Николь.

— Так не пахнет ни тротил, ни гексоген, так пахнут только пиротехнические средства.

— Что ты сказал?

— Хлопушка, дымогенераторы. Размещены повсюду на опоре. Предположительно их поджигали с дистанционного управления. Они должны были создать огромный шум и имитировать опасное распространение дыма.

Террорист был очень предусмотрительный. Одним покушением без человеческих жертв и материального ущерба Свобода проделал прекрасную работу.

— Все в порядке, мисс?

Еннервайна грубо схватили за плечо и приподняли вверх. Потом его снова толкнули на землю. Он моментально открыл глаза. Сочно-зеленый, с мягкими возвышениями холм. Он снова закрыл глаза и прокричал в сторону голоса, который услышал:

— Это подозреваемая в убийстве! Послушайте. Я комиссар уголовной полиции...

Он получил пинок в лицо.

— Благодарю вас за помощь, — услышал Еннервайн слащавый женский голос.

— Были рады помочь, мисс, — снова сказал первый голос.

— Суньте руку в мой правый задний карман, — крикнул Еннервайн, — там мой...

И снова он получил пинок, еще сильнее, чем первый, на этот раз в грудную клетку.

— Какая свинья! — усердствовал женский голос. — Он нагло использовал ситуацию здесь. Вы стали моим спасителем. Я вам премного благодарна. Но сейчас я справлюсь сама. До свидания.

— Мисс, подождите. Я из службы безопасности сверху.

Вероятно, он сейчас показал в сторону Шленгтерер-Хютте.

— Позвольте посмотреть ваши документы, мы должны записать это происшествие. Не бойтесь, о нем я позабочусь позже.

Еннервайн еще раз почувствовал пинок.

— Не стоит, я чувствую себя нормально, — сказал слащавый женский голос.

— К сожалению, я буду на этом настаивать.

Еннервайн вел себя спокойно, он делал вид, будто последний пинок отправил его в глубокий обморок. Он судорожно размышлял. Он не мог рисковать и использовать свое оружие, поскольку сейчас ничего не видел, нельзя исключить, что будет представлять угрозу другим. Когда же наконец появятся Остлер и Мария!

— Послушайте, я безобидная туристка. Отпустите меня.

— Покажите мне...

Еннервайн услышал, как мужчина осекся на полуслове и вздохнул. Но это был не вздох, а скорее стон. Затем Еннервайн услышал, как тело упало в траву. После этого шаги удалились. Еннервайн рискнул. Он достал свой пистолет и направил его в сторону шагов и выстрелил на высоте ног.

— Что будем сейчас делать? — спросила Николь.

— Здесь уже больше опасность не грозит, — ответил Штенгеле.

— Мы должны дать сигнал отбоя тревоги. — Николь уже поднесла мобильный телефон к уху. — Вот черт, здесь наверху нет связи.

— Тогда пойдем вниз к Шленггерер-Хютте.

— Вы знаете дорогу?

— Конечно, знаю, — сказал Холльбайзен.

Шаги, быстрые шаги двух человек.

— Алло, шеф! Все в порядке?

Всего в двух метрах от Еннервайна: шум от тела, которое переворачивают на спину, разрывают рубаху, испуганное втягивание воздуха, бормочущее проклятье Остлера.

— Все в порядке, шеф?

Голос Марии успокоил.

— Что с телохранителем?

— Укол в сердце, — сказал Остлер. — Уже ничего нельзя сделать.

Еннервайн показал в сторону, в которую побежала Шан.

— Бегите за ней. Черные как смоль, длиной до плеч волосы, азиатские черты лица. Рост сто шестьдесят пять, изящная. Светло-зеленая спортивная куртка, кепка для гольфа. Она бежит в сторону ущелья Хелленталь.

Еннервайн услышал быстрые шаги в траве, которые удалялись.

Шан уже издали слышала рев ущелья Хелленталь. Подойдя поближе, она вдохнула влажный воздух, как в прачечной. Массы воды прорывались, бушуя, сквозь узкую, зазубренную щель скалы. Брызги взлетали вверх, и ледяной, злой пронизывающий ветер свистел по ущелью. Это был очень опасный спуск вниз к безопасному туристическому маршруту, ей нужно было смотреть в оба, чтобы не оступиться на скользких камнях. Но она пришла этим путем, и она пройдет этот путь обратно. Хотя при подъеме у нее не было простреленного колена.

— Остановитесь, — закричал Остлер. — У вас нет шанса! Все выходы ущелья Хелленталь перекрыты!

Ни одно слово из этого не было правдой.

— Вернитесь!

Шан видела мужчину там наверху, он находился совсем недалеко. Он достал пистолет. Если она пойдет по дороге дальше, пройдет дальше только несколько метров, она исчезнет из его поля зрения. Это был не Еннервайн, хитрый лис, этот был старше и не такой шустрый, он не сможет преследовать ее так быстро. Шан собрала все силы и попыталась хромать дальше. Еще несколько метров, и ей это удастся! Она схватилась рукой за бедро кровоточащей, адски болящей ноги и выдвинула ее вперед. Она еще раз оглянулась назад. Человек стоял там наверху, держал пистолет на изготовку, но не стрелял. Трус. Еще один шаг. Раненая нога начала дрожать, она больше не могла справиться с судорогами. Шан поставила больную ногу твердо на землю и перенесла часть веса на нее. При судорогах икроножных мышц это помогает. Мужчина убрал пистолет, он, видимо, собирался тоже спускаться вниз. Дрожание постепенно прекратилось, и она увеличила нагрузку на эту ногу. Затем она попыталась двигаться дальше и решила встать на другую ногу, при этом местом опоры оказался покрытый мхом влажный валун — она поскользнулась. Она потеряла равновесие, схватиться было не за что, и она с пронзительным криком полетела в двадцатиметровое ущелье Хелленталь. Вонг попытается еще раз, подумала Шан. Вонг доведет до конца нашу почетную операцию.

Понятно, что есть духовые оркестры также и на норвежских ярмарках, басовая труба трубит также и в Нью-Орлеане, труба издает звуки *трам-та-ра-ра!* и во Владивостоке, но самый обычный и самый грохочущий шум духовой музыки можно услышать в пивных палатках под светло-голубым небом. Это брюзжание расшалившегося бога. Баварец, изнеженный игрой на цитре и тягучим трехголосым пением, находит в грохоте духовых инструментов идеальное дополнение к остальным опьяняющим средствам. Только комбинация ячменного пива, невозвратного чувства собственного достоинства и энергично исполняемого походного марша стрелков из Тельца, который раздувал палатку, приводит его в хорошее настроение, для которого слово добродушие очень слабое выражение.

Еннервайн и его группа заказали столик в пивной палатке, им дали стол в самом начале, прямо перед духовым оркестром. Такого они не ожидали, это была большая честь, но здесь было слишком шумно. Разговаривать было невозможно, надеялись еще на культурную программу на сцене, которую Остлер и Холльайзен расхваливали как исключительно необыкновенную. На неделе города в программе стояли баварские народные танцы и поднятие камней, что не всем было по вкусу, но все хотели расслабиться после напряжения последних дней. Обследование желудка Шан было большой удачей. Судебные медики нашли записку размером с почтовую открытку с настоятельным требованием к Жаку Рогге провести зимние Олимпийские игры-2018 в Чаояне. *Эта операция показывает, что мы можем найти вас везде.* Вонг до сих пор не прервал свое молчание, от него не стоило ждать никаких сведений.

Внезапно, будто свалившись с неба, перед ними оказались пивные кружки, так быстро официантка поставила их на стол. Все члены следственной группы Куница обессиленно чокались друг с другом. Дело было еще не совсем закончено. Манфред Пенк, Куница, упорно утверждал, что он устроил новогоднее покушение. Нужно было непременно найти третьего человека, человека, которого, по его утверждению, видел цитрист Беппи в VIP-ложе. Музыка становилась тише, насколько это вообще возможно при исполнении маршевой музыки, и всеми любимый весельчак ведущий подошел к микрофону пивной палатки.

— Ага, господа из полиции! Сидят в первом ряду! Тогда с нами сегодня вечером ничего не случится.

Смех, аплодисменты, но и немного свистели. Настроение было хорошим, в команде следственной группы Куница тоже. Еннервайну выпала честь раздавать автографы, один даже на мускулистом плече официантки.

— Спасибо, господин комиссар! — прокричала она ему в ухо.

— Не стоит благодарности!

— Если меня когда-нибудь схватит этот бандит с ножом — пообещайте мне, что вы будете расследовать это дело?! Это для меня была бы большая честь.

Смех, чоканье, духовой оркестр исполняет сейчас *Es war ein Schütz in seinen besten Jahren* («Жил-был охотник, молодой и статный»)… Песня о Еннервайне, она должна была исполняться. Комиссар устало улыбнулся. Мария нашла действительно что-то похожее на дирндль^[8], Остлер и Холльайзен, само собой разумеется, пришли в национальной одежде Верденсфельза. Команда Беккера сидела вместе и рассуждала, гогоча, о новейшей технике

расследования, о которой сообщал специальный журнал «*Ди шпур*» («След»). Не было только Гизелы. Потом снова несколько расслабляющих маршей духового оркестра *Hoch Wittelsbach!* («Ура Виттельсбаху!») и *Bier hier!* («Пиво сюда!»), все вперемешку.

— Вот они сидят тут все вместе! — закричал полицейским Тони Харригль, сидевший через стол от них. У члена совета общины был сильный голос, ему удавалось перекричать оркестр, его голосовые связки, наверное, закалились от бесконечных заседаний клубов в прокуренных соседних залах.

— Ладно, сегодня у вас право шута (право все говорить), но завтра я подключу свои связи в Министерстве внутренних дел, так что мало не покажется!

Он подмигнул. Замечание хотя и не было серьезным, однако все-таки что-то в нем было. Мария закатила глаза. Наверху на сцену вышло двадцать парней и девушек. Холльайзен прокричал Николь Шваттке в ухо:

— А сейчас будут исполнять национальный танец шуплаттлер!

— Это я тоже знаю! — крикнула Николь ему в ответ. У нее все еще было два больших пластыря, один закрывал правый висок, другой — левую артерию.

— За здоровье, Франц!

— За здоровье, Николь!

После баварского танца ведущий попросил минуту молчания в память цитриста, все встали и углубились в себя. Конечно, за тем последовало в исполнении оркестра *Highway to hell*. Затем балагур-ведущий объявил «гвоздь» сегодняшнего праздника Дня города: соревнование по подниманию столов. Правила не объяснялись, но все их знали. Зазвучал особенно зажигательный марш, под его звуки во всем зале поднимались столы и водружались на плечи самых сильных сидевших за столом. На столах стояли выбранные самые худенькие дамы или самые тощие мужчины, а в то время как столы поднимали, они должны были выпить до последней капли кружку пива. Одни столы теряли равновесие, шатались, на других была опасность поскользнуться на влажных остатках кислой капусты. Победителем объявлялся тот стол, на котором выпивающие могли быстрее всех показать пустую кружку. И фирмы курортного города учредили призы: прогулка на воздушном шаре вокруг Верденфельской долины, самостоятельный полет на парашуте.

Еннервайн пришел сюда с твердым намерением расслабиться, не думать о деле, но ему это не совсем удалось. Женщина была мертва, мужчина все еще упорно молчал, и оба не соответствовали описанию цитриста Беппи. Где же этот третий человек? Он вообще существовал? Еннервайн попробовал отбросить эти мысли. Сегодня был свободный день. Он глянул вверх на сцену. Шуплаттеры, парни и девушки. Тут не было ярко-зеленого, с мягкими возвышениями холма, окруженного столетними буками, над ним светло-голубое небо — Еннервайн закрыл глаза и встряхнулся.

— С вами все в порядке, Губертус?

— Да, Мария.

Затем наступило неизбежное. Балагур-ведущий — это был тот же самый, который вел мероприятие во время новогодних соревнований по прыжкам с трамплина, — снова подошел к микрофону.

— А что с нашим столом с гостями из уголовной полиции? Вы думаете, вы просто

пришли повеселиться? Итак, встаем на следующее соревнование по поднятию столов! И смотрите мне, дамы и господа, чиновники всегда увиливают!

У них не оставалось другого выбора. Официантка, на которой был автограф Еннервайна, поставила наполненную до краев кружку на стол.

— Ну, кто будет пить? — спросил Штенгеле.

— Вы сами, Людвиг?

— Я не большой мастер по пиву. Во всяком случае, не мастер пить одним глотком. Я уже два часа только отхлебываю понемножку из кружки.

Никто не осмеливался залезть на стол и выпить за двенадцать секунд литр ячменного пива. И тут вызвался невысокий, молчаливый, худой как щепка мужчинка.

— Я это сделаю.

Человек с кисточкой, самый тихий из всей группы экспертов-криминалистов, взобрался на стол. И ему удалось не посрамить полицию. Под улюлюканье тысяч посетителей из местных жителей и гостей курорта, под громкое сопровождение духового оркестра — *Ja im Wald, da sind die Räuber* («Да, в лесу, там есть разбойники») — Кисточка глотал пиво из всех сил. Через восемь секунд низкорослый криминалист показал, что кружка выпита до дна: пустая. Бурные овации.

— Как вы это сделали? — спросил Холльайзен.

— Я родом из Нижней Баварии, — сказал Кисточка. — Там с этим растут.

А больше весь вечер от него ничего не было слышно.

Разрекламированным на всех плакатах уже в течение нескольких недель «гвоздем» сегодняшнего вечера в честь Дня города было поднятие камней. После того как команда Еннервайна выдержала испытание в соревновании столов, не было опасности, что им придется участвовать еще и в этом виде тяжелой атлетики. При поднятии камней посетителями из публики уже не раз случались паховые грыжи и разрывы крестовидных связок, врачи «Скорой помощи» сидели за своим отдельным столом.

— Вначале правила! — закричал ведущий.

По сути, существовало только одно правило. Нужно было поднять тяжелый камень как можно выше. Вес камней был неодинаковым, каждая пивная палатка использовала свой собственный снаряд. Сегодня им была грубая прямоугольная плита, ложный монолит, глыба весом в 500 фунтов. Этот снаряд в два с четвертью центнера, вероятно, достали из карьера. В весовой категории свыше ста килограммов Бенедикту Хундертридеру из Эшенлое удалось поднять глыбу на 78 сантиметров вверх. Франц Пошингер из Мурнау добавил к этому еще два сантиметра. Мартин Вайксбаумер из Крюна повысил достижение до 82 сантиметров. И вот в палатке поднялся рокот и шипение, даже официантки остановились, чтобы понаблюдать за спектаклем. Так как сейчас вышел местный фаворит: Вуни Васль, мужчина с живым весом в 130 килограммов, по профессии не мясник, а служащий налогового отдела, проходящий обучение, но это был тот человек, который уже завоевал множество призов по поднятию камней. Ведущий еще в дополнение к этому разжигал интерес.

— А сейчас выйдет Вуууууууни...

— Ваааасль! — закончила публика в палатке, численность которой тем временем возросла до 600 человек. Вуни Васля нужно было видеть. Это нельзя было упустить. Сейчас он прошлепал на сцену, Васль, мощная композиция из жира и мышц. Он поприветствовал публику, затем сделал большой глоток из специально для него изготовленной двухлитровой

пивной кружки.

— Здорово, вот такому бы место в полиции! — закричал Харригль со стола, стоящего через один от них. Смех, гогот, духовой оркестр громко заиграл — *We are the champions* — и превратил выступление Вуни Васля в выступление непобедимого гладиатора в вязаном жакете. Сейчас он поднялся на сцену и поприветствовал все стороны, в том числе и предполагаемую галерку, которой здесь не было. Он прервал приветствие и поставил ногу на стул, чтобы завязать шнурки: «АДИДАС» читалось на обуви, так это и должно было быть. Музыка стихла, в палатке тоже воцарилось удивительное спокойствие, все знали: Вуни Васль сможет так лучше сконцентрироваться. 82 сантиметра был результат Мартина Вайксбаумера из Крюна, 82 сантиметра нужно было превзойти. Камень еще мирно лежал в своем углублении. Это был камень, который вряд ли кто-нибудь из сидящих здесь в палатке мог бы поднять хоть на один сантиметр. Публика почти замерла, и только маленькие дети еще кричали. Здесь сейчас произойдет что-то великое, это чувствовал каждый. Вуни Васль схватил своими смазанными магнезией лапами ручку чудища весом в 500 фунтов. Он занял позицию, закрыл глаза, вдохнул. И уже первым рывком этот богатырь поднял камень на полметра в высоту, как будто это была тренировка для разогрева. Но Васль пошел дальше. 60 сантиметров, 70 сантиметров. Визг в зале набирал децибелы, как это было последний раз при извержении вулкана. Это звуковое одобрение придавало Вуни новые силы. Он еще сильнее зажмурил глаза и еще раз вдохнул. 80 сантиметров, Вуни был весь красный. 90 сантиметров. Ведущий заорал в микрофон:

— Вуни, брось его!

Ошарашенные музыканты схватили свои инструменты и как сумасшедшие задули в свои рожки. *Wittelsbach, o stolzes Königshaus* («Виттельсбах, о гордая королевская династия») придавал Вуни еще маленькую крупицу сверхчеловеческой, окрашенной в багровый цвет силы, и он поднял валун на 105 сантиметров в высоту — это было уже на ширину ладони выше края шахты, в которую камень должен был упасть. Следующим усилием Вуни установил рекорд столетия. И потом Вуни больше уже не мог, он бросил страшную глыбу и отступил на шаг назад. Камень упал в отверстие, перекосившись, он лег поперек над верхней границей и медленно свалился через край. Камень упал вниз, с треском ударился о чугунный цоколь и разбился на две части.

Музыканты опустили свои инструменты. У ведущего выскользнул микрофон из рук. Зал молниеносно замолк. Большинство, которые кричали до изнеможения, стояли в немом ужасе. Внутри разбитого камня отчетливо можно было видеть двух мужчин, которые были сплетены в сердечном объятии. Они хорошо сохранились благодаря добавлению битума в цемент. У одного во лбу было отверстие, у другого из груди торчал нож для устриц с деревянной рукояткой. Доктор Штайнхофер и Сунь Ю не могли и мечтать о том, что они таким образом станут «гвоздем» программы вечера в пивной палатке.

628-я неделя в честь Дня города снова уже стала историей, Жак Рогге как раз уехал, во всех крестьянских домах отмечали праздник Святой Стефании, отмечался также день именин Элеоноры, когда обермейстер полиции Остлер с силой постучал в дубовую дверь с витиеватой надписью «Частная собственность».

— Фрау Шобер, вы у себя?

В комнате директрисы несколько дней горел свет. Хорошо, такое уже часто случалось. Служащие пансионата уже привыкли обходиться несколько дней без начальницы, когда прибывала новая партия бульварной литературы. Постоянные гости пансионата «Альпийская роза» тоже знали о страсти фрау Шобер, знали также, где висел ключ и прежде всего куда нужно было положить деньги, а именно в глубокую пасть бронзовой лягушки в стиле модерн, обетованной земли вне бухгалтерского депозита. Но сейчас гости пансионата уже три дня не получали завтрака. Они позвонили в полицию.

— Фрау Шобер, вы меня слышите?

Никакого ответа. Наконец Остлер взломал дверь.

Комната была пуста, чашка чая стояла наполовину выпитой на столе и была покрыта плесенью. Тихо играли «Самые красивые марши мира XXIII» в режиме автоповтора Маргарете Шобер нигде не было видно, ни в кладовке, ни в душе, который выглядел так, как будто его убирал Норман Бейтс. Остлер обыскал в сотый раз комнату, в которой жили китайцы из Чаояня. Тоже ничего. Остлер обыскал еще раз всю виллу, и в подвале он наконец ее нашел. Дикий виноград, который обвивал пансионат «Альпийская роза», уже окрасился в осенний красный цвет, вечернее солнце освещало паутину, которая развелась здесь по всем углам, а в сверкающем льду шкафа-морозильника лежала Спящая красавица. Казалось, что ей снились «Роковые поцелуи» и «Запретные желания». Китайцам из Чаояня она показалась слишком любопытной.

В нескольких тысячах километрах от заколдованного замка специальный самолет международной авиалинии Эмиратов шел на снижение. Калим аль-Хасид решился напрямую переговорить с президентом МОК.

— Вы что-нибудь поняли о покушениях на месте? — спросил араб.

— Вообще ничего, — сказал Рогге. — Я вообще не осознавал опасности, узнал об этом только из газеты. Впредь буду просить, чтобы мне приносили сосиски, вместо того чтобы бросаться в толпу. Я и не подумал бы, что в этом безобидном баварском захолустье появятся террористы. В следующий раз возьму с собой свою экипировку для регби.

Дубай сейчас располагался поперек и снизу приближался к самолету. Калим откашлялся.

— Тогда Чаоянь как страна-организатор Олимпийских игр выбывает из гонки?

— Они стопроцентно не будут организаторами Игр, можете проспорить сто верблюдов.

— А баварский курорт? У него сейчас тоже не очень хорошие карты?

— Пока он еще в игре. Но имидж существенно покачнулся.

— Тогда у меня было бы предложение, — сказал Калим аль-Хасид.

— Я уже догадываюсь, — сказал Жак Рогге. — Вы предлагаете Дубай как место проведения Игр-2018. Тогда на вас почти падает подозрение, что это вы совершили все эти

покушения.

Калим сердечно засмеялся:

— Я не обстреливаю прыгунов на лыжах с трамплина. Я их покупаю.

Рогге бросил строгий взгляд на араба:

— Если это станет известно, то бургомистр из этого баварского курорта упадет в обморок.

— Он не упадет в обморок, — сказал Калим. — Он уже знает и ждет нас.

Самолет приземлялся на летное поле. Юсуф смотрел из окна и по привычке осматривал горизонт в поисках подозрительных фигур среди наземного обслуживающего персонала, механиков, авиадиспетчеров, которые вообще не были похожи на авиадиспетчеров, стюардесс со слишком большими чемоданчиками на колесах, командиров корабля в форме, взятой из проката костюмов. Но какой все это имело смысл? Он, как телохранитель, не справился со своей задачей, и эта неудача его сильно тяготила. И даже спустя полгода ему не удалось продвинуться с этой проклятой историей. Он видел снимок безымянного азиата в газете «Цугшпитценкурир». «Кто знает этого человека?» — было написано под фотографией. Ну он знал этого человека! Это был как раз тот человек, который был одет в спортивную куртку с надписью «СК-Риссерзее» и в которого он стрелял! И сейчас незнакомец снова появился на национальном празднике как каменный гость, как вымерший моллюск для народного гулянья. В газете было написано, что его проткнули ножом. Они что, хотят сделать его посмешищем? Зарезан ножом? И это еще не все. Дальше они писали, что судебно-медицинская экспертиза показала, что у незнакомца был паралич при поперечном поражении спинного мозга: неполный паралич шейного отдела позвоночника S 14. Как это могло произойти — каким образом азиат тогда попал в VIP-ложу? А ведь он двигался! Было ясно, он должен оставить профессию телохранителя. Он уже стал стар для этого.

Сейчас они ехали на «роллс-ройсе» по Дубаю, по Аль-Раффа, по Умм-Рамоол, по Джумейре.

— Смотрите, — сказал Калим, — лыжный трамплин вон там уже почти готов, здесь сооружения для бега на длинные дистанции. К 2018-му непременно все...

— Но это же не может быть, это ведь... — прервал его Рогге и показал на панораму вокруг.

— Да, это правда, — прервал его Калим. — Я попытался соединить очарование верхне-баварского курорта с возможностями Дубая. Я здесь воспроизвел отдельные части курорта. Смотрите — это будет кулиса вершины Альпшпитце.

Они проезжали мимо огромной стройплощадки, где в землю была вставлена огромная железная сетка.

— Вначале мы попробовали с голограммами, — продолжим Калим. — Но это не создавало стиля Верхней Баварии, запаха хлева. Мне это показалось недостаточно достоверным. Я хочу, чтобы все было подлинным. Светло-бурые молочные коровы, крестьянский театр, фён. Больше похоже на Альпенланд, чем сама Альпенланд.

— И бургомистр...

— Да, он сейчас мой сотрудник. Я привлек к работе несколько местных.

«Роллс-ройс» остановился на восточной рыночной площади старой части города.

Обрывки арабской речи. Аль-Хашамаджеб и певучая дикция марокканских торговцев на мерцающей жаре 25-го градуса широты. Диалекты пустыни, нагруженные верблюды, сползающие на бок тюрбаны. Нечто напоминающее «Лоуренса Аравийского», чуть-чуть от «Человека, который слишком много знал». Воспроизведенный Касбах. Калим и Рогге вошли вовнутрь, Юсуф ждал снаружи в машине. Внутри блистала роскошью восточная декорация, ароматный чай переливался через край в шлифованных стаканах, на кованых медных подносах подавали фалафель и мухаллябию. Официанты в богато расшитых фесках. Маленький оркестр, который умел играть на бубне и ребабе, певица подражала дрожащему пению лягушек пустыни.

- Пойдемте со мной, — сказал Калим, — там настоящие баварские белые сосиски.
- Правда? Тюрингские жареные сосиски тоже?
- Конечно. А теперь посмотрите, пожалуйста, из окна.
- Что это? Проекция?
- Нет, не проекция — это настоящий снег, из настоящих облаков.

* * *

Дорогой комиссар Еннервайн!

Почему вы так поступаете со мной? Вы посылаете мне психолога! Мне не нужен психолог! Я не психопат, нуждающийся в лечении, я не сбившийся с толку слабак, а совершенно нормальный, небритый преступник, сбившийся с пути и желающий за это получить свое заслуженное наказание. Я серийный преступник! Мне нужна одиночная камера с постоянным наблюдением и никаких продолжительных прогулок по бесконечно извивающимся ландшафтам с понимающе кивающими медиаторами и другими слишком добрыми конвоирами. Постепенно у меня складывается впечатление, что вы эти мои письма вообще не читаете. И что вы ни одно из этих писем не передаете моей уважаемой сокурснице Марии Шмальфус. Она бы меня поняла! Мы вместе посещали лекции профессора Кастиана: «Преступление как мятеж». Поэтому я вас настоятельно прошу, мой дорогой комиссар, поверить в мою вину! Но фактом остается то, что вы еще не нашли сознавшегося в совершении преступления во время новогодних соревнований! Неполноценный, молчащий преступник у вас есть, а больше ничего! Так по крайней мере можно было прочесть в газете. Я должен признать: не могу совсем скрывать мое разочарование.

А как насчет того, что вы, например, будете исследовать лыжу, которую потерял датчанин! А что, если вы станете искать пулю, которая все еще должна лежать на территории! А что, если вы обыщите мою квартиру на наличие следов ДНК этой азиатской бестии. Вот это был противник! Боже ты мой! Вместо этого вы обыскиваете дом этого цитриста. Господи, да, я был там, сознаюсь! Я просто осмотрелся у него — при моем следующем покушении цитрист должен был играть определенную роль. Но скажите мне честно: действительно ли я тот человек, который без всякой причины может задушить струной от цитры маленького, невооруженного человечка? Но если из-за этого ваше уважение ко

мне возрастет — тогда я тот, кто это сделал.

— Нет, это был не ты, — сказала Мария и опустила письмо.

— Не думайте об этом, Мария, — сказал Еннервайн и сунул письмо обратно в конверт. — Больше мы ничего не можем сделать. Мы знаем, что Манфред Пенк не совершал ни новогоднее покушение, ни покушения на цитриста Беппи. Когда-нибудь это поймет и прокурор.

— Вы так думаете?

— Да, я так думаю. Вы пойдете со мной в «Пиноккио»?

Мария ответила не сразу.

— По личному делу, не беспокойтесь — сказал Еннервайн, который заметил ее колебание.

— Правда?

— Обещаю.

Сейчас как раз был бы хороший повод рассказать ему обо всем, подумала Мария, когда они вошли в ресторан.

В булочной-кондитерской «Крусти» очередь снова была бесконечно длинной. Были булочки «Тюрьма» (с запеченным внутри напильником). Здесь был Тони Харригль, здесь был стекольщик Пребстль, священник и слесарь Большой — весь сброд, который слонялся здесь каждый день после обеда. Только не было Манфреда Пенка, и большинство уже давно знали, что с ним что-то не в порядке.

— И тем не менее за здоровье! — сказал аптекарь Влашек, который сейчас продвинулся до первого, образованного постоянными посетителями стола.

В нескольких метрах от них за кофейным столиком Франц Холльайзен и Кевин сдвинули головы. Встреча между обермейстером полиции и членом группы Раскольников на научно-педагогического семинара «Альпшпитц-проект» держалась в конспирации.

— Что ты намерен с этим делать? — спросил Холльайзен.

— Не знаю, это я хотел спросить у вас, как у полицейского.

— Тебе скорее следует спросить адвоката.

— Мой отец адвокат, лучше я спрошу полицейского, который разбирается в футболе.

— Если ты выдашь это слишком рано, то они могут просто изменить правила.

— Да, могут. Но я мог бы продать идею нашей национальной сборной.

— А как ты хочешь с ними связаться?

— У них ведь есть контакты. В ВИП-ложу, к футбольным деятелям. Они знают Беккенбауэра. И Нетцера. И всех.

— А что я должен сделать? Мне что, нужно кого-то шантажировать?

Холльайзен еще раз прочел небольшую записку:

Один футболист вбрасывает правильно, по возможности на высоте штрафной площадки противника, и по возможности подальше в направлении ворот противника. В то время как мяч находится в воздухе, несколько из игроков его команды образуют круг, в который попадает брошенный мяч. Эти игроки берутся за руки, поворачиваются по кругу и образуют таким образом

неприступную крепость. (Они перекидывают мяч туда-сюда, чтобы их не остановили свистком из-за блокировки без мяча.) А те, у кого мяч, незаметно прорываются к воротам, так что ни один из игроков противника не смог бы помешать им в рамках правил игры.

Холльайзен уже даже разговаривал с судьей бундеслиги. И тот тоже не нашел правила игры, которое бы запрещало такое действие.

— Ну хорошо, — сказал он. — Я попытаюсь подойти к Кайзеру.

Когда доктор Мария Шмальфус сделала первый глоток вина, ей вновь стало ужасно стыдно. Она решила умолчать о небольшом эпизоде, который ей вспомнился после ареста Вонга, после доставки Пенка и после похорон Шан. Записка! В ее шкафу лежало четыре пары джинсов, свежестырированные джинсы, а она всегда сама стирала свои джинсы. Четыре пары джинсов, и в одни была засунута записка с именем, адресом и номером телефона. Образец почерка Манфреда Пенка. Эти джинсы за это время уже пять раз стирались, а записка была чистая и белая. Хорошо, Ханс-Йохен Беккер, может быть, и нашел бы следы, но какой в этом сейчас толк. В самом начале образец почерка Куницы мог бы ускорить расследования!

— За безупречное профилирование, — сказал комиссар Еннервайн и поднял бокал. — Я это говорю серьезно. Без вас мы бы не справились.

Когда-нибудь я ему это расскажу, подумала Мария, когда-нибудь, когда он, может быть, решится рассказать то, что его, очевидно, очень давно тяготит. Всякий раз что-то мешало.

— За безупречного руководителя, — сказала она и подняла свой бокал. Они чокнулись. Вечер слишком хороший для этого, подумал он, сегодня не буду.

Боже мой, он действительно застенчивый, подумала Мария.

Если не считать реабилитационной лангеты на ноге, то она была единственным человеком, который пережил все события без ущерба. Скорее наоборот, даже продвинулась по карьерной лестнице: в агентстве «Impossible» была новая сотрудница. У них появилась новая менеджер по проектам. Она сидела за сверкающим хромовым блеском рабочим столом и просматривала предложения на осень. Многие крупные клиенты обратили внимание на агентство благодаря крупным заголовкам, которые печатались о Верденсфельской долине, и книги заказов были переполнены. Только что позвонила крупная международная компания.

Ночное восхождение в горы, подумала Ильзе Шмитц и попросила принести ей бутербродик с семгой к бокалу просекко. Ночное восхождение в горы, это хорошее предложение для правления.

— Форнйотер и Бергельмир поведут тебя, — сказал Один, бог с двумя воронами на плече.

Два добродушно смотревших на него великана повели Оге Сёренсена через высокие ворота из кованого железа, за ними открылся огромный, выстроенный из темно-синего базальта зал. С почти бесконечно высоко расположенного потолка падали сталактитовые капли, и звук от их падения на мраморные плиты отдавался тысячекратным эхом. Оге был немало удивлен пестрыми настенными коврами, на которых можно было видеть генеалогические древа азов, ванов и многих других родов богов до самых мельчайших ответвлений. Они прошли между двух огромных колонн, на которых была доска с надписью «Добро пожаловать в Асгард». Сквозь просторные окна были видны снаружи пейзажи Секквабека и Йедалира, в которых резвились всевозможные первобытные животные, единороги, грифы и водяные. Иногда древние крылатые ящерицы ударялись о стекло, поднимались снова и с пронзительным криком улетали.

— Стой, он здесь! — закричал один из великанов и открыл толстую, обитую бархатом дверь, которая вела в уютно прибранную комнату.

На канаве сидел приветливый мужчина, который выглядел так, как будто он ждал Оге. Он подозвал его знаком к себе и указал на стол, на котором стояли всевозможные горшочки и чашки, тарелки и подносы, полные ароматных пирожков, пахнущих пряностями. Оге наклонился над одним блюдом.

— Угощайся, здесь много! — сказал мужчина.

Оге окунул палец в красно переливающееся желе и попробовал. Еще никогда в жизни он не ел такую вкусную кашу. И сейчас Оге понял, кто сидел перед ним на диване: Тор — бог грома и бурь, один из самых могущественных из рода асов. Оге в самом деле представлял себе метателя молний совершенно иначе! На шее у Тора была цепь, на ней висел как у безнадзорного ребенка ключ от дома, маленький молоточек.

— Как ты думаешь, сколько раз я его уже перекладывал? — сказал Тор и протянул Оге руку.

— У меня такое впечатление, что он в конце еще чуть-чуть улыбнулся, — сказала фрау Сёренсен плешивому главному врачу. Затем она закрыла Оге глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выражение благодарности: неминуемая и тем не менее всегда охотно читаемая завязка в конце (реже — в начале, никогда — в середине) книги. Выражение благодарности — использованная впервые Рёдьярдом Кипплингом (1894 г. в «Книге джунглей») форма, для того чтобы назвать всех помощников, информантов и участников работы над книгой (названные им «Служебные слоны»), расхвалить их в самых высоких тонах и обозначить кратко и по-деловому их функции; при этом (по Ф. Науману «„Книга джунглей“ как литературная форма», Гамбург, 1967) блоки текста, как, например... «за их самоотверженные поиски»... «за всегда свежий кофе»... «за обеспечение возможности отступления»... и т. д. комбинировались в загадочной последовательности и связывались с конкретными именами. В данной книге все иначе. Из множества «служебных слонов» я выбираю только тех, без которых роман ни за что не прошел бы сквозь джунгли дезинформации.

В первую очередь следует назвать врача и психолога д-ра Пиу Вольф из местной клиники, которая предоставляла при такой работе как эта, квалифицированные медицинские консультации, и поэтому заслуживает специальной благодарности. Однако иногда я позволял себе некоторые вольности: Если, например, укол ка-то (стилетом) не дает желаемого смертоносного действия, то это на моей ответственности [смотри также: Ф. Найч. «Колотые раны в литературном контексте»].

При выражении благодарности следует назвать также реального следователя, гаупткомиссара уголовной полиции Нико Витте; его полезные и в полицейской практике много раз проверенные советы часто чуть-чуть направляли действие в сторону реалистичности. Он предоставил мне возможность дополнительно ознакомиться с коллекцией признательных писем, которые поступали в баварскую полицию с 1904 года.

Множество самых различных задач, которые выполняет редакционная коллегия, здесь невозможно перечислить полностью. Но особую сердечную благодарность я высказываю моему редактору, пребывающей всегда в хорошем настроении, д-ру Корделии Борхардт, которая сопровождала книгу с самой первой туманной идеи вплоть до угрожающего срока сдачи в драматургическом, эстетическом, вкусовом, грамматическом, логическом [дальнейшие прилагательные по запросу] аспекте и совершенствовала до упора; (смотри также Ф. Ноподер. «*Кнут — исследования функции редакционной коллегии в криминальной литературе современности*»); метким глазом литературного ястреба улавливала она кое-какие небольшие ляпы на скошенном лугу стилистических «перлов» и сбрасывала их с небес Фишера до уровня Маурера.

И не в последнюю очередь тот автор может считать себя счастливым, который может закончить и украсить свои высказывания благодарности именем Марион Шрайбер, которая убирала из рукописи слишком отталкивающее, не пропускала слишком грубое и неприятное для Баварии («баварофобское»), которая вырывала, как сорняк, многие второстепенные действия, запутанные подробности и ненужные отступления. Она вычеркивала и уничтожала, так что радостно было смотреть, целые нити действия, целые фигуры, целые главы вдруг исчезали и были забыты. Но одно замечание я все же должен сделать: вычеркнуты оказались, к сожалению, и некоторые прекрасные отрывки.

Гармиш-Партенкирхен, осень 2009

Примечания

Разновидность керлинга. — *Примеч. пер.*

Настольная игра.

Адская долина.

Перевод. В.А. Жуковского. — *Примеч. пер.*

Прозвище, которым жители Австрии называют немцев, в первую очередь туристов. —
Примеч. пер.

Fin de siècle — конец века (*фр.*)

День карнавального шествия. — *Примеч. пер.*

Баварский национальный костюм. — *Примеч. пер.*